

Рекс Стаут

Через мой труп

Глава 1

В дверь позвонили. Я вышел в прихожую и, открыв дверь, увидел ее. Я пожелал доброго утра.

- Пжалста, - сказала девушка, - мне бы повидать мистера Ниро Вулфа.

Может, она произнесла не "пжалста", а "пажалуста" или "пажалста". Как бы то ни было, говор ее даже отдаленно не напоминал речь Среднего Запада или Новой Англии, не говоря уж о Парк-авеню и тем более Ист-сайде. Само собой, такое явно не американское произношение несколько резало мне слух. Тем не менее я вежливо пригласил ее войти, провел в кабинет и, усадив в кресло, с трудом выудил ее имя - пришлось спрашивать его по буквам.

- До одиннадцати часов мистер Вулф занят, - сообщил я, попутно бросив взгляд на настенные часы над моим письменным столом. Часы показывали половину одиннадцатого. - Я Арчи Гудвин, доверенный помощник мистера Вулфа.

Вы могли бы, дабы не терять времени даром, начать мне.

Она потрясла головой и сказала, что время у нее есть. Я спросил, не хочет ли она пока полистать журнал или книгу, но она снова покачала головой.

Я оставил ее в покое и вернулся к прерванному занятию - до ее прихода я у себя за столом приводил в порядок картотеку скрещивания орхидей. Минут через пять я закончил и принялся проверять сделанное, и тут за спиной услышал голос.

- Впрочем, пожалуй, я не откажусь от какой-нибудь книжки. Можно?

Я указал гостье на книжные полки, предоставив выбирать по своему вкусу, и продолжил свою работу. Когда я снова поднял глаза, она с книгой в руках приблизилась и остановилась около меня.

- Это мистур Вулф читает? - спросила она. Ее мягкий и низкий голос звучал бы очень приятно, если бы она потрудилась выучить, как правильно произносить слова. Я взглянул на заголовок и ответил, что Вулф читал эту книгу прежде.

- Но он ее выучивает?

- Зачем? Он же гений, а гению вовсе не надо что-то учить.

- Он прочитывает и после этого все знает?

- Ну, примерно так.

Она направилась к своему креслу, но снова обернулась:

- Может, вы ее читаете?

- Нет, не читаю, - выразительно ответил я.

Она чуть заметно улыбнулась:

- Что, история Балкан - для вас слишком сложно?

- Не знаю, не пробовал. Насколько я понимаю, всех королей и королев там убивают. А про убийства мне интереснее читать в газете.

Улыбка исчезла. Она опустилась в кресло и спустя пару минут, казалось, целиком погрузилась в чтение. Я закончил проверку и, сложив карточки вместе, отчалил вместе с ними, поднялся на два пролета по покрытой ковром лестнице на последний этаж и дальше - по крутым ступенькам под самую крышу. Здесь, куда ни посмотри, все было застеклено под орхидеи, кроме питомника и каморки, в которой спал Хорстман. Прошествовав через первые две комнаты между серебристыми стеллажами и бетонными скамьями, уставленными десятью тысячами цветочных горшков - в них произрастало все подряд, от нежной рассады до одонтоглоссумов и дендробиумов в полном цвету, - я отыскал Ниро Вулфа в термальной. Уперев в бока большие пальцы и насупившись, он смотрел на Хорстмана, который, в свою очередь, хмуро и укоризненно разглядывал аномальный цветок целогины с белыми лепестками и оранжевой губой. Вулф бормотал:

- Целых две недели. Ну, по крайней мере, двенадцать дней. Если все дело в стимуляции... Что тебе, Арчи?

Я протянул Хорстману карточки.

- Вот данные по милтониям и лелиям. Даты прорастания у вас уже есть.

Между прочим, внизу сидит одна чужестранка, желающая позаимствовать у вас книгу. Ей примерно двадцать два года, и у нее чудесные ножки. Лицо, правда, угрюмое, но миленькое, и темные глаза очень красивые, хоть и встревоженные.

Да, еще у нее прекрасный голос, но говорит она точно, как Лили Фонтэнн в "Восторженном идиоте". Ее зовут Карла Лофхен.

Вулф взял у Хорстмана карточки, собираясь их просмотреть, но вдруг встрепенулся и бросил на меня острый взгляд.

- Как ты сказал? - резко спросил он - Карла?..

- Лофхен. - Я произнес фамилию по буквам и ухмыльнулся. - Понимаю, меня она тоже поразила. Может, вы помните, что я читал "Возвращение аборигена".

Похоже, ее называли в честь горы. Черная гора. Маунт Лофхен. Черногория.

Монтенегро, венецианский вариант Монтенеро, Горы Нерона, а ведь ваше имя в переводе как раз означает - Нерон. Возможно, это просто совпадение, но для опытного сыщика, естественно...

- Чего она хочет?

- Говорит, что пришла поговорить с вами, но, по-моему, она просто хочет позаимствовать у вас книгу. Она достала с полки "Объединенную Югославию"

Хендерсона и спросила, читали ли вы ее, и не выучиваете ли, и не читаю ли ее я, и так далее. А сейчас она сидит там внизу, уткнувшись и книгу своим хорошеньким носиком. Но, как и уже сказал, глаза у нее беспокойные. Я сказал ей, что, по моему мнению, сейчас, когда ваш счет в банке в полном порядке...

Я запнулся - Вулф не слушал меня, углубившись в принесенные мной карточки. По-моему, подобная выходка была неслыханно ребяческой даже для него - до одиннадцати оставалось всего три минуты, а в этот час Вулф неукоснительно спускался из оранжереи в рабочий кабинет. Поэтому я отчетливо фыркнул в знак презрения, отвернулся и зашагал вниз.

Чужестранка по-прежнему читала, сидя в кресле, но уже не книгу, а журнал. Я посмотрел по сторонам, желая водворить книгу на полку на прежнее место, но, оказывается, Карла Лофхен сделала это сама; книга стояла, где и раньше, и я мысленно поставил посетительнице пятерку: я заметил, что многие девушки на редкость небрежны в домашнем обиходе. Я сказал гостье, что Вулф вот-вот подойдет, и только расчистил свой письменный стол и водрузил на него пишущую машинку, как услышал клацанье двери личного лифта моего шефа, а мгновение спустя он сам

вошел в кабинет и затопал прямо к своему рабочему столу. Не дойдя до него какого-нибудь шага, Вулф сдержал свой аллюр и соизволил заметить посетительницу, поприветствовав ее еле заметным кивком - голова его нагнулась при этом от силы на один градус. После этого Вулф добрался наконец до своего кресла, взгромоздился на него, бросил взгляд на вазу с каттлями, а затем на утреннюю почту, лежащую под пресс-папье у него на столе, надавил большим пальцем на звонок, чтобы Фриц принес пива, и, откинувшись в кресле поудобнее, вздохнул. Гостя тем временем закрыла журнал, лежавший у нее на коленях, и пристально разглядывала Вулфа сквозь длинные полуопущенные ресницы.

Вулф отрывисто бросил:

- Вас зовут Лофхен? Но разве бывает такая фамилия?

Ее ресницы чуть дрогнули.

- И все же меня зовут именно так, - ответила девушка, слегка улыбнувшись. - Может, вы считаете, что это совпадение? Сами посудите, зачем раздражать американцев фамилией вроде Кральевич?

- Так ваша фамилия Кральевич?

- Нет.

- Впрочем, неважно. - Казалось, Вулф чем-то раздосадован, хотя я не видел никаких причин для его раздражения. - Вы пришли, чтобы повидаться со мной?

Губы мисс Лофхен приоткрылись, и она фыркнула.

- Вы говорите прямо как монтенегрец, - заявила она. - Или черногорец, если вам, как и всем американцам, больше нравится такое название. Правда, вы не очень похожи на жителя Черногории, ведь наши люди растут вверх, и только вверх, а не вширь, как вы. Зато, когда вы говорите, я чувствую себя почти дома. Именно так черногорцы и обращаются к девушке. Это из-за того, чем вы питаетесь?

Я отвернулся, чтобы не пришлось давить ухмылку. Вулф прогромычал:

- Чем я могу вам помочь, мисс Лофхен?

- Ах да. - В ее глазах опять плеснулась тревога. - Стоило мне вас увидеть, и я забыла все на свете. Я, конечно, слышана о вас, только вы совсем не похожи на знаменитость. Вы больше похожи на... - Она замялась, потом сложила губки бантиком и продолжила:

- Ну, все равно, просто вы очень известны и когда-то жили в Черногории. Как видите, я немало знаю о вас, Hvala Bogu. Так вот, я хочу нанять вас - из-за одной крупной неприятности.

- Я боюсь...

- Это не у меня неприятности, - быстро пояснила девушка. - Дело в моей подруге, она не так давно приехала в Америку. Ее зовут Нийя Тормик. - Длинные черные ресницы затрепетали. - Мы вместе работаем в школе Николе Милтана на Сорок восьмой улице. Может, знаете? Школа танцев и фехтования. Не слышали?

- Я знаком с Милтаном, - сердито ответил Вулф. - Как-то раз мы встречались в ресторане моего друга Марко Вукчича. Но, боюсь, в настоящее время я слишком занят...

- Мы с Нийей хорошие фехтовальщицы. Мы учились у Корсини в Загребе - на рапирах, саблях и шпагах. Ну, а уж танцы - это совсем просто. Лэмбет-уок мы выучили минут за двадцать, а богачей мы обучаем ему за пять уроков, за хорошую плату. Только платят Николе Милтану, а нам перепадает уже не так много. Поэтому сейчас, когда Нийя влипла в эту глупейшую неприятность, мы не можем себе позволить заплатить вам так же много, как, наверное, вам платят другие, но в разумных пределах... Ведь мы же из Загреба. Беда, в которую попала Нийя, нешуточная, хотя она совершенно ни в чем не виновата, она ведь не какая-нибудь воровка, это дураку ясно. Но ее могут посадить в тюрьму, так что, пожалуйста, поторопитесь...

Вулф скривился, всем своим видом показывая, как ему, при его стойком отвращении к работе, невыносимы уговоры, да еще когда счет в банке исчисляется пятизначной цифрой. Пытаясь остановить жестом ладони поток слов посетительницы, он увещевал:

- Но я же говорю вам, я сейчас слишком занят...

Она не обратила на его слова ни малейшего внимания.

- Я пришла к вам вместо Нийи, потому что у нее сегодня очень ответственный урок, а нам с ней необходимо сохранить работу. Но, конечно, вам нужно встретиться с ней самой, так что вы должны отправиться в школу Милтана - он как раз сегодня назначил там встречу, чтобы разобраться с происшедшим. Право же, сушая нелепица, какую только можно вообразить, - предположить, что Нийя способна залезть кому-то в карман и украсть бриллианты, - но будет просто ужасно, если все кончится так, как говорит Милтан, - если бриллианты не будут возвращены... Впрочем, подождите... я же должна вам рассказать...

Я открыл рот от изумления. Обычно, когда в одиннадцать утра Вулф приходит в кабинет после того, как два часа провел в оранжерее на ногах, он усаживается в кресло перед подносом с пивом, которое приносит Фриц, слушая мои мелкие колкости, и сдвинуть его с места в это время совершенно невозможно. Но сейчас он поднимался с кресла; и поднялся, заметьте! С неясным бормотаньем, которое можно было принять и за извинение, и за проклятие, не взглянув ни на нее, ни на меня, он прошествовал вон из кабинета через дверь, ведущую в прихожую. Мы проводили его глазами, после чего чужестранка повернулась ко мне я в первый раз увидел, что глаза ее широко раскрылись.

- Он что, заболел? - резко спросила она.

Я покачал головой и пояснил:

- Обычная выходка в его стиле, хотя вам может показаться, что это какое-то заболевание. Правда, ничего определенного в его недомогании не найти - вроде там сотрясения мозга или коклюша. Однажды, когда в том кресле, где вы сейчас сидите, находился один уважаемый юрист... что, Фриц?

Дверь, которую закрыл за собой Вулф, открылась снова, и на пороге возник Фриц Бреннер. Судя по его лицу, он был сбит с толку.

- Пожалуйста, Арчи, выйди на минутку на кухню.

Я поднялся и, извинившись, вышел. В кухне на большом покрытом клеенкой столе были разложены заготовки для обеда, но, ясное дело, Вулфом не завладело внезапное любопытство к приготовлению пищи. Он стоял за холодильником, с лицом, описать которое я не берусь, и резко приказал мне, едва я вошел:

- Выпроводи ее!

- Господи! - Я решил, что могу позволить себе немного его подначить. - Она же пообещала заплатить в разумных пределах, разве нет? Такая девушка растопила бы сердце даже крокодилу! Если вы по ее глазам прочли, что ее подруга Нийя и в самом деле стибрила те стекляшки, вы могли бы, по крайней мере...

- Арчи. - Едва ли не впервые я видел Вулфа настолько раскипятившимся. - Я всего один раз в жизни удирал со всех ног, от одной особы - дамы из Черногории. Это случилось много лет назад, но каждый мой нерв помнит все, как сейчас. Я не желаю и не берусь описывать свое состояние, когда эта черногорка нежным голосом проблеяла "Hvala Bogu". Выпроводи ее!

- Но ведь не...

- Арчи!

Я понял, что дело безнадежно, хотя понятия не имел, в самом ли деле он ударился в панику или просто юродствует. Я плюнул на все и, вернувшись в кабинет, остановился перед черногоркой.

- Мистер Вулф очень сожалеет, но он не сможет помочь вашей подруге. Он слишком занят.

Она слегка откинула голову, чтобы посмотреть на меня. Дыхание ее участилось, а рот приоткрылся.

- Как не сможет - он должен! - Она вскочила, и я отступил на шаг под ее сверкающим взглядом.

- Мы же из Черногории! Она... моя подруга... она... - Негодование душило ее.

- Я все сказал, - непреклонно оборвал я. - Он не хочет за это браться.

Иногда мне удается его переубедить, но всему есть предел. Кстати, что означает "Hvala Bogu"?

Она уставилась на меня.

- Это значит "Слава Богу". Если я его увижу, скажите ему...

- Не стоило вам говорить этих слов. Они напомнили ему Черногорию. А у Вулфа на нее аллергия. Простите, мисс Лофхен, но ничего не получится. Я его знаю от "А" до "У". "У" означает "упрямый как осел".

- Но он... Мне необходимо повидаться с ним, скажите ему...

Оказалось, что она тоже довольно упряма - чтобы выставить ее, мне понадобилось не меньше пяти минут - мне вовсе не хотелось вести себя грубо; в конце концов, я ничего тогда не имел против черногорских барышень, если не считать их немислимого произношения. Наконец я закрыл за ней дверь и, вернувшись в кухню, язвительно провозгласил:

- Думаю, опасность миновала. Идите за мной, не отставая, а если я вдруг заору благим матом, бегите, словно за вами черти гонятся.

Неразборчивая воркотня Вулфа мне в спину напомнила, что с ним лучше сглаживать острые углы, а потому, когда он спустя пару минут вернулся в кабинет и вновь утвердился в своем кресле, я и не заикнулся, чтобы объяснить свою точку зрения. Вулф пил пиво и ковырялся в стопке каталогов, а я проверял накладные от Хена и делал еще кое-какую рутинную работу. Чуть позже Вулф попросил меня приоткрыть окно, и я понял, что скандалист уже немножко поостыл.

Напрасно мы - или кто-то из нас - думали, что на сегодня с Балканами покончено. После одиннадцати часов, когда я нахожусь вместе с Вулфом в кабинете, входную дверь посетителям обычно открывает Фриц. Примерно в полпервого он вошел в кабинет и, сделав положенные три шага, объявил о посетителе, который назвался Шталем, а про род своих занятий сказал лишь, что он служит в Федеральном бюро расследований.

Я длинно присвистнул и осторожно воскликнул:

- Ого!

Вулф слегка приоткрыл глаза и кивнул, и Фриц пошел приглашать посетителя.

Нам еще не приходилось сталкиваться в работе с агентом ФБР, и, когда тот вошел, я удостоил его высочайшей чести, развернув свой стул на целых сто восемьдесят градусов. Вошедший был субъект как субъект, невысокий, широкоплечий, с умными глазами, пожалуй, только подбородок подкачал, да и ботинки не мешало бы вычистить. Он еще раз представился, пожал руки мне и Вулфу, вынул из кармана кожаный бумажник, небрежно открыл его и улыбнулся Вулфу сдержанно, но дружески.

- Вот, пожалуйста, мое удостоверение, - произнес он хорошо поставленным голосом. Он вообще отличался прекрасными манерами, словно солидный страховой агент.

Вулф взглянул на предложенный документ, кивнул и указал на кресло.

- Чем обязан, сэр?

Казалось, вид у фэбээровца был извиняющийся.

- Простите за беспокойство, мистер Вулф, но работа есть работа. Я хотел бы спросить у вас, знакомы ли вы с федеральным законом, недавно вошедшим в силу, который требует, чтобы лица,

которые являются в стране представителями зарубежных ведомств, регистрировались в госдепартаменте.

- Да, знаком, хотя и не очень подробно. Я знаю о нем из газет, прочитал не так давно.

- Значит, вы о нем знаете?

- Знаю.

- Вы зарегистрировались, как там сказано?

- Нет. Я же не агент иностранного ведомства.

Фэбээронец закинул ногу на ногу.

- Закон действует по отношению к представителям иностранных фирм, частных лиц и организаций, а также зарубежных правительств.

- Именно так я и понял.

- Он применим как к приезжим, так и к гражданам США. Вы - гражданин Соединенных Штатов?

- Да. Я здесь родился.

- Вы состояли какое-то время на службе у австрийского правительства?

- Да, очень короткое время, еще в молодости. Но тогда я был не здесь, а за границей. Потом я оставил ту службу.

- И служили в черногорской армии?

- Да, но несколько позже, хотя тоже в юности. Тогда я верил в то, что всех людей, которые не правы или жестоки, следует убивать, и я убил кое-кого сам. Тогда, в 1916 году, я чуть не умер от голода.

Фэбээронец, казалось, был поражен:

- Извините, не понял.

- Я сказал - чуть не умер от голода. Вторглись австрийцы, и мы сражались голыми когтями против пулеметов. Я был почти мертвец, ведь человек не может жить, питаясь сухой травой. Но я все же выжил. Снова мне довелось поесть, только когда Соединенные Штаты вступили в войну и я прошагал шестьсот миль, чтобы завербоваться в американский корпус. Когда война кончилась, я вернулся на Балканы, развеял там еще одну иллюзию и эмигрировал в Америку.

- Hvala Bogu, - весело вставил я.

Шталь ошарашенно вскинул голову.

- Простите? Вы черногорец?

- Да нет. Почти. Я из Огайо. Огайец чистейших кровей. Это у меня нечаянно вырвалось.

Вулф не удостоил меня вниманием и продолжил:

- Мистер Шталь, я бы сказал, что не потерпел бы попытки копаться в моем прошлом, кто бы там ни вздумал интересоваться, чем я занимался. Но вы для меня - не кто попало. Естественно, вы ведь представитель ФБР. В сущности, вы - сама Америка, соблаговолившая посетить мой кабинет и кое-что обо мне разузнать. Я же так глубоко благодарен своей стране за любезность, от которой она до сих пор ухитрялась воздерживаться... Кстати, вы не откажетесь от стаканчика американского пива?

- Нет, благодарю вас.

Вулф нажал на кнопку, откинулся в кресле и хрюкнул.

- Теперь, сэр, ответу на ваш вопрос: я не представляю никакого иностранного ведомства, фирмы, частного лица, организации, диктатора или правительства. От случая к случаю мне, как профессиональному сыщику, самому приходится наводить справки по запросам из Европы, главным образом от моего английского коллеги, мистера Этельберта Хичкока из Лондона, - как и он время от времени делает то же для меня. В данный момент я ничего не расследую. И я не работаю ни на мистера Хичкока, ни на какого-то другого.

- Понятно. - Казалось, Шталя почти убедили. - Что ж, сказано вполне определенно. Но вот насчет ваших прежних походов в Европе... если можно спросить... вы знаете некоего князя Доневица?

- Знал очень давно. Тогда князь был при смерти; кажется, дело было в Париже.

- Я не его имею в виду. Другого там не было?

- Был. Племянник старого Петера. Князь Стефан Доневиц. По-моему, он живет в Загребе. Когда я там был в 1916 году, князю было всего шесть лет.

- А недавно вам не доводилось с ним общаться?

- Нет. Ни недавно, ни вообще когда-либо.

- Вы не посылали ему денег - ему лично, или через кого-нибудь из какой-либо организации, или, может, еще с какой-то оказией, которую он предоставил?

- Нет, сэр.

- Но ведь вы переводите деньги в Европу?

- Перевожу. - Вулф построил гримасу. - Мои собственные деньги, которые я зарабатываю своим бизнесом. Я поддерживал лоялистов в Испании. Иногда я посылаю деньги в... если перевести, то это звучит как Союз югославской молодежи. Но все это, конечно, никак не связано с князем Стефаном Доневицем.

- Не знаю, не знаю. А кто ваша жена? Вы не были женаты?

- Нет. Женат? Нет. Это было... - Вулф заерзал в кресле, словно из последних сил сдерживал себя. - Сэр, мне крайне неприятно, но вы приближаетесь к такому пункту в ваших расспросах, когда даже коренной и благочестивый американец того и гляди пошлет вас к дьяволу.

Я выразительно вставил:

- Я бы точно послал, хотя я на одну шестьдесят четвертую индеец. фэбээронец улыбнулся и вытянул ноги.

- Я думаю, - добродушно сказал он, - вы не станете возражать против того, чтобы изложить то, о чем мы беседовали, в форме отчета с подписью.

- Если так нужно, пожалуйста.

- Хорошо. Итак, вы не представляете никакого иностранного ведомства, ни прямо, ни косвенно?

- Совершенно верно.

- Тогда это все, что мы хотели узнать. В настоящее время. - Он поднялся. - Большое спасибо.

- Не за что. До свидания, сэр.

Я проводил Шталя и сам открыл дверь перед "самой Америкой", дабы убедиться, что она окажется по ту сторону двери. Вулф может сколько угодно миндальничать, но что до меня, то я не люблю, когда какой-то незнакомец разносит мою личную жизнь, не говоря уж о жизни 130 миллионов американских верноподданных. Когда я вернулся в кабинет, Вулф сидел, закрыв глаза.

- Вот видите, что получается, - упрекнул я его. - За последние три недели вы отказались от девяти дел, и все из-за того, что вам пару раз обломилось по жирному куску и счет в банке сразу распух. И это не считая бедной чужестранки, чья подруга питает слабость к бриллиантам. Вы отказались расследовать все, что вам в последнее время предлагали. И вот пожалуйста!

Америка стала вас подозревать - ведь это так не по-американски - не делать деньги всегда, когда для этого есть возможность. Вот она и напустила на вас фэбээрговскую ищейку, и теперь, видит Бог, вам придется заняться расследованием ради самого себя! Вам не нужно...

- Заткнись, Арчи. - Вулф открыл глаза. - Ты вообще врун. С каких это пор в твоих жилах потекла индейская кровь?

Прежде чем я нашелся, что ответить, явился Фриц и сообщил, что обед готов. Я уже знал, что на обед сегодня фаршированные утиные грудки, а потому не стал добивать этого распоясавшегося бездельника.

Глава 2

Во время трапез Вулф, как правило, не только не говорит о делах, но вообще выкидывает из головы все, что относится к работе. Однако в этот день мысли о работе, как оказалось, вытеснили у Вулфа интерес к еде, хотя я - убейте - не понимал, о каком деле он мог размышлять, если и дела-то никакого у нас тогда не было и в помине. Вулф расправился с остатками трех уток - вчера с нами обедал его друг Марко Вукчич, - с привычной ловкостью разрывая кости и вгрызаясь в сочную мякоть полированными белыми губами, однако вид у него при этом был довольно рассеянный. В связи с этим обед несколько удлинился, и было уже почти два часа, когда мы покончили с кофе и вперевалку вернулись в кабинет. То есть это Вулф шел вперевалку, а я так шагал очень даже бодро.

В кабинете, вместо того чтобы заняться каталогами или какими-нибудь другими игрушками, Вулф откинулся в кресле и, сплетя пальцы поверх вместилища уток, закрыл глаза. В беспамятство он не впал - за тот час, что он так просидел, я несколько раз видел, как он втягивает и выпячивает губы, из чего заключил, что мой шеф над чем-то напряженно раздумывает.

Неожиданно он заговорил:

- Арчи, почему ты сказал, что та девушка хотела позаимствовать книгу?

Выходит, мысли его были прикованы к черногорским барышням. Я махнул рукой:

- Да это я так, поддразнить вас.

- Нет. Ты сказал, она спрашивала, не читал ли я ту книгу.

- Да, сэр.

- И не изучаю ли ее.

- Да, сэр.

- И не читаешь ли ее ты.

- Да, сэр.

Он приоткрыл глаза.

- Тебе не приходило в голову, что она старалась выяснить, не взбрдет ли кому-то из нас заглянуть в ближайшее время в ту книгу?

- Нет, сэр. У меня и так голова была забита. Я тогда сидел, а она стояла передо мной, и я больше думал о ее формах.

- Это вообще не мысль, а рефлекс, и отвечает за него спинной мозг, а не головной. Ты говорил, что книга эта - "Объединенная Югославия" Хендерсона.

- Да, сэр.

- А где была эта книга, когда ты вернулся в кабинет?

- На полке, на своем месте. Она сама ее туда поставила. Для черногор...

- Пожалуйста, достань ее.

Я пересек комнату и, сняв с полки книгу, протянул ее Вулфу. Тот заботливо протер переплет ладонью - он всегда так поступает, обращаясь с книгами - затем, не открывая, повернул книгу лицевой стороной к себе, крепко сжал и, подержав так некоторое время, резко отпустил. Открыв ее после этого где-то в середине, он вынул из нее сложенный лист бумаги, засунутый между

страницами. Вулф развернул бумагу и принялся читать. Я сел и крепко закусил губу, от души желая, чтобы это помогло мне удержать слова, которые так и просились наружу.

- Так и есть, - произнес Вулф. - Прочитать тебе, что здесь написано?

- Сделайте одолжение, сэр.

Вулф кивнул и начал нести такую тарабарщину, что у меня волосы встали дыбом. Зная, что он только того и ждет, чтобы я прервал его, прося о пощаде, я снова закусил губу. Когда он наконец остановился, я хмыкнул:

- Все это прекрасно, но зря она мне так прямо и не сказала, до чего я умный и привлекательный, вместо того чтобы излагать это на бумаге и прятать между страницами книги. Особенно меня пленили последние слова о том, какой я...

- И особенно не стоило писать такое по-сербскохорватски. Ты говоришь на этом языке, Арчи?

- Нет.

- Тогда, пожалуй, я переведу, что здесь написано. Документ датирован 20 августа 1938 года, написан в Загребе на гербовой бумаге Доневиича. В нем говорится примерно следующее: "Предъявитель сего, моя жена, княгиня Владанка Доневиич, сим уполномочена безусловно действовать и высказываться от моего имени, удостоверить своей подписью, которая следует ниже за моей собственной, мое имя и мою честь во всех финансовых и политических делах, имеющих отношение ко мне и ко всей династии Доневиичей, и прежде всего - в поставках боснийского леса и размещения некоторых кредитов через нью-йоркскую банковскую компанию "Барретт и Дерюсси". Я сам и от имени всех заинтересованных лиц ручаюсь за ее преданность делу и добропорядочность".

Вулф сложил документ и накрыл его ладонью.

- Подписано Стефаном Доневиичем и Владанкой Доневиич. Подписи заверены.

Не спуская с него глаз, я сказал:

- Интересно. Он даже не пожалел двадцати центов на нотариуса. Меня вот что волнует. Откуда вы знали, что в книге спрятан этот документ?

- Ничего я не знал. Но то, что она у тебя выпрашивала...

- А, конечно. Ее расспросы разожгли ваше любопытство. Не заливайте! Что же, по-вашему, эта девица - балканская княгиня?

- Не знаю. Стефан женился всего три года назад. Я узнал о его женитьбе из этой самой книги. Хватит приставать ко мне, Арчи. Я уже сыт по горло твоими выходками. Мне и так не нравится вся эта история.

- Что же именно вам не нравится?

- Ничего. Международные интриги - самое грязное из всех занятий. Я весьма поверхностно представляю себе ту кутерьму, которая сейчас творится на Балканах, но даже поверхностному наблюдателю видно, как разъедают страну личинки коррупции. Регент, правящий в Югославии, лицемерно ищет дружеского расположения отдельных народов. Сам он из рода Карагеоргиевичей. Князя Стефана, ставшего после смерти старого Петера главой клана Доневиичей, тоже используют определенные иностранные круги, а он сам, со своей стороны, прибегает к их помощи для достижения своих честолюбивых замыслов. И вот полюбуясь! - Вулф хлопнул по бумаге ладонью.

- Что они протащили в Америку!

Если только эта бумажка поможет с ними разделаться, я так и поступлю!

Вулф запыхтел и в сердцах сплюнул - мне всего раз доводилось видеть подобное за все годы, что я прожил под его крышей.

- Пф! Поставки боснийского леса от Доневиича! С той самой минуты, как я увидел эту девицу и услышал ее голос, я так и знал, что где-то рядом дьявол.

Чтоб им провалиться! Пересекли океан и ступили на американский берег! Чтоб и ей тоже провалиться - явилась сюда, в мой кабинет, да еще опоганила мою книгу этой гадостью...

- Успокойтесь, - предостерег я разошедшегося Вулфа. - Вздохните глубоко три раза. В конце концов, откуда вы знаете, что именно она сунула сюда ту бумажку? С тех пор, как вы доставали эту книгу с полки, прошло несколько месяцев - так, может, кто-то другой...

- Кто? Когда?

- Господи, да откуда я знаю. Ну вот, например, Вукчич, он ведь тоже черногорец...

- Вздор!

Я махнул рукой:

- Ну хорошо, пусть это сделала чужестранка, но все равно, правда ли, нет ли, что она и есть зловредная и ужасная балканская княгиня, - дальше-то что? По-вашему, она связалась здесь со всяким сбродом, и теперь к нам заявится мистер Шталь с ордером на обыск, найдет эту бумажку, закует вас в кандалы и бросит за решетку? Вы что, смеетесь? А может, вы полагаете, что она стянула у настоящей княгини эту писульку и привезла ее сюда, чтобы выгодно загнать?..

- Арчи.

- Да, сэр.

- Напиши на конверте: "Мисс Карле Лофхен, школа Николы Милтана", - адрес уточни в телефонном справочнике. Запечатай в конверт эту бумагу и немедленно отправь почтой. Я не желаю, чтобы она оставалась здесь. Мне это ни к чему. Я, конечно, пересылаю деньги этим отчаянным черногорцам - мне хорошо известно, каково храбриться на пустой желудок, но в конце концов это их конюшню, а не мою, надо вычистить, так при чем тут я? Это первое... Что там, Фриц?

Появившийся в кабинете Фриц Бреннер сделал положенные три шага и доложил:

- Сэр, вас хочет видеть молодая дама, мисс Карла Лофхен.

Я поперхнулся. Вулф прищурился.

Фриц застыл в почтительной позе. Ему пришлось прождать целых две минуты. Вулф все это время сидел неподвижно, сложив бантиком губы, лоб его изрезали хмурые складки. Наконец он выдавил:

- Где она?

- В гостиной, сэр. Я всегда думал...

- Закрой дверь и подойди сюда.

Фриц повиновался. Когда он остановился возле письменного стола Вулфа, тот повернулся ко мне:

- Напиши на конверте адрес Сола Пензера и наклей марку.

Я достал пишущую машинку и выполнил указание. Наклеивая на уголок марку, я бросил:

- Заказным или срочным?

- Ни тем, ни другим. Еще одно достоинство Америки - почту доставляют быстро и не вскрывают. Дай-ка мне конверт. - Он сунул в него сложенный документ, лизнул оклеенный край и надавил на него.

- Фриц, пойдй к почтовому ящику, что на углу, и брось письмо - сразу же.

- Молодая дама...

- А мы пока ею займемся.

Фриц удалился. Насторожившийся Вулф дождался, пока открылась, а потом закрылась парадная дверь, после чего обратился ко мне:

- Не забудь позвонить Солу и предупредить о письме - пусть бережет его как зеницу ока. - Он подтолкнул ко мне через стол "Объединенную Югославию".

- Убери книгу, а потом приведи сюда эту девицу.

Я поставил книгу на полку на прежнее место и затем отправился в гостиную приглашать посетительницу.

- Проходите, пожалуйста. Простите, что заставили нас ждать.

Так как я пропустил ее вперед, то у меня была отличная возможность оценить ее сложение, ровную походку и посадку головы - исходя из новой теории о возможной княгине, но все равно самым ярким впечатлением так и осталось ее "пжалста", и, на мой взгляд, вряд ли я стал бы ее воспринимать иначе, нежели как просто чужестранку. В общем, исходя из виденных мною фотографий всяких принцесс, от детишек до более зрелых представительниц августейших фамилий, я склонен был сомневаться в княжеском происхождении посетительницы и скорее готов был допустить, что документ она попросту стянула у полноправной владелицы.

Мисс Лофхен села в кресло, поблагодарила меня, и я вернулся за свой стол. Я хотел было ее предупредить, чтобы она не вворачивала словечек вроде "Hvala Bogu", но потом решил, что Вулф сейчас не в том настроении, чтобы обращать внимания на такие мелочи. Он возвышался в кресле, направив суженные глаза прямо на нее.

- Мисс Лофхен, - сухо начал Вулф, - сегодня утром я передал вам через мистера Гудвина, что не смогу помочь вам - то есть вашей подруге.

Она кивнула.

- Я поняла. Вы меня так разочаровали, ведь мы из Югославии, а вы тоже там жили, насколько нам известно. Здесь же мы чужие и на помощь нам рассчитывать не приходится. - Она подняла ресницы и посмотрела на Вулфа в упор темными глазами. - Я рассказала обо всем Нийе, своей подруге, и она тоже была разочарована. Ведь неприятности, о которых идет речь, в высшей степени серьезные. Мы обсудили все и решили, что только вы можете вызволить нас из беды.

- Нет, - сухо отрезал Вулф. - Я не могу за это взяться. Но позвольте спросить...

- Пжалста! - сердито оборвала она. - Вы должны сразу же взяться за дело. В пять часов они соберутся, чтобы решать, что делать, а тот человек не просто болтал - такие, как он, вечно чинят неприятности. Послушайте, здесь страшное недоразумение. Кроме как к вам, нам не к кому обратиться. В общем, мы все обсудили, и я поняла, что нам остается только назвать вам главную причину, почему вы должны непременно нам помочь. Нийя согласилась - да и что ей оставалось? Дело в том, что моя подруга, Нийя Тормик, - ваша дочь.

Вулф вытаращил глаза - таким я его еще никогда не видел. Правда, это зрелище мне показалось не из приятных, и я перевел изумленный взгляд на девушку.

- Моя дочь? - взорвался Вулф. Что вы несете?

- Я говорю, что она ваша дочь.

- Моя до...

Вулф лишился дара речи. Наконец голос у него прорезался снова:

- Вы же говорите, что ее фамилия - Тормик.

- Я сказала, что в Америке ее зовут Нийя Тормик. Так же, как меня - Карла Лофхен.

Вулф, приподнявшись на месте, пожирал ее глазами. Она его тоже. Так они и стояли друг против друга.

- Вздор, не верю, - наконец выпалил Вулф. - Моя дочь исчезла. У меня нет дочери.

- Вы не видели ее с тех пор, как ей исполнилось три года. Верно?

- Верно.

- А стоило бы. Ну да ладно, теперь вы ее увидите. Она очень хорошенькая, - Карла открыла сумочку и порылась в ней. - Я подозревала, что вы мне не поверите, а потому взяла с собой один документ. Мне его дала Нийя.

- Она протянула ему какую-то бумагу. - Вы сами вписали сюда свое имя...

Она продолжала что-то говорить, пока Вулф хмуро изучал бумагу, держа под углом к окну, чтобы лучше падал свет. Медленно и внимательно он прочитал документ - и сжал челюсти. Не спуская с него глаз, я слушал, что говорит мисс Лофхен. Сначала одна бумага, запрятанная в книгу, а теперь еще и эта - похоже, мы сильно увязнем в делах черногорских барышень.

Вулф дочитал бумагу до конца, осторожно сложил ее и сунул в карман.

Мисс Лофхен протянула руку:

- Нет-нет, отдайте документ мне. Я должна вернуть его Нийе. Или вы отнесете его сами?

Вулф посмотрел на нее и хрюкнул:

- Я ничего не могу сказать об этом документе. Он в полном порядке, и там стоит моя подпись. До тех пор, пока жива та девушка, о которой говорится в документе, он по праву принадлежит ей. Но откуда я знаю - может, документ украден?

- Зачем? - Карла пожала плечами. - Ваши подозрения переходят все разумные границы. Документ украли, провезли через океан сюда - и зачем?

Чтобы здесь, в Америке, как-то надавить на вас? Помилуйте, вы, конечно, личность известная, но не настолько. Нет, документ вовсе не был украден.

Меня послала к вам та самая девушка, о которой говорится в документе, с тем чтобы я его вам предъявила и рассказала, в чем дело. Поймите же, она попала в беду! - Карла сверкнула глазами на Вулфа. - Неужели у вас каменное сердце?

Или вы не понимаете, что впервые увидите свою взрослую дочь уже только в тюрьме?

- Не знаю. По-моему, сердце у меня не каменное. Но я и не простофиля.

Когда много лет назад я вернулся в Югославию, чтобы найти ту девочку, я ведь так и не смог ее разыскать. Так что я ее совсем не знаю.

- Но зато ваша Америка ее отлично узнает! Дочь Ниро Вулфа - в тюрьме за воровство! Но только она не воровка! Она ничего не украдала! - Карла вскочила и, оперевшись на стол обеими руками, наклонилась к Вулфу. - Фу! - Она снова бросилась в кресло и опять сверкнула глазами - на этот раз в мою сторону, видно, чтобы я усвоил, что никаких исключений нет и не будет. Я подмигнул ей. Наверно, это было нарушением этикета, если принять гипотезу о княгине, для которой я в таком случае считался холопом.

Вулф глубоко и медленно вздохнул. Повисла тишина - я слышал даже их дыхание. Наконец он пробормотал:

- Это просто нелепо. Абсурд. Чушь. Может, вы и научились каким-то трюкам, только в жизни есть фокусы почище. Я засадил за решетку многих, и немало кого уберег от нее. И вот извольте! Арчи, возьми блокнот. Мисс Лофхен, пожалуйста, расскажите мистеру Гудвину подробнее о той беде, в которую попала ваша подруга. - С этими словами Вулф откинулся в кресле и закрыл глаза.

Она принялась рассказывать, а я записывал. Дело было темное, и мы могли здорово погореть на доверии к чьей-то там дочери. Обе девушки - преподаватели в школе-студии танцев и фехтования Николы Милтана, расположенной на Восточной Сорок восьмой улице. Клиентура школы была исключительно привилегированная, и цены за уроки - соответственные. На работу девушек устроил Дональд Барретт - сын Джона П. Барретта из банкирской фирмы "Барретт и Дерюсси". Уроки танцев проводились в отдельных комнатах.

Фехтовальные залы находились этажом выше; их было три - один большой и два поменьше. При них были также две раздевалки - мужская и женская - с запирающимися шкафчиками, где клиенты переодевались в фехтовальные костюмы.

В школе брал уроки фехтования некто Нэт Дрисколл - Карла произнесла его имя как "Наот", - богатый толстяк средних лет или немного старше. Вчера днем он заявил Николе Милтану, что после урока фехтования, который ему давала Карла Лофхен, он увидел в мужской раздевалке около раскрытого шкафчика другую преподавательницу фехтования, Нийю Тормик, когда она вешала на место его, Дрисколла, пиджак; по его словам, Нийя закрыла после этого дверцу шкафчика и вышла из раздевалки через дверь, ведущую в коридор. Он поспешил проверить свой шкафчик и убедился, что золотой портсигар и бумажник на месте, в целости и сохранности, в тех же карманах, в которых он их оставил, и только одевшись, он вспомнил о бриллиантах, которые тоже лежали в кармане в коробочке из-под пилюль. Коробочка исчезла. Он тщательно обыскал все карманы, но бриллиантов не было. Он потребовал, чтобы ему немедленно вернули исчезнувшие бриллианты.

Мисс Тормик, которую вызвал Никола Милтан, твердила, что знать ничего не знает ни о каких бриллиантах, и начисто отрицала, что вообще открывала шкафчик мистера Дрисколла и хоть пальцем прикасалась к его одежде. Она заявила, что обвинение возмутительно, неслыханно и насквозь лживо. Она вообще не заходила в раздевалку. Но даже и зайди она туда по какой-то причине, то ни за что не стала бы шарить в шкафчиках клиентов. А если бы и вздумала копаться в одежде, то уж только не в одежде мистера Дрисколла. У нее в голове не укладывается, с какой стати ей интересоваться содержимым его карманов. Негодованию мисс Тормик, вполне справедливому, не было границ.

Нийю обыскали - это проделала Жанна Милтан, супруга Николы Милтана. К этому времени Милтан допросил всех, кто находился на другом этаже - как служащих, так и клиентов, - и пропажу разыскивали повсюду. Дрисколл утверждал, что Нийя Тормик стояла боком к нему, когда она увидела ее возле своего шкафчика, и что на ней был фехтовальный костюм. Обе девушки - и Нийя, и Карла - настояли на том, чтобы их снова обыскали, прежде чем они отправятся домой. Милтан чуть не обезумел от угрозы такого удара по репутации своего заведения, а потому отчаянно сопротивлялся требованию Дрисколла вызвать полицию и преуспел в этом. Сегодня утром он два часа чуть не на коленях умолял Нийю сознаться, где бриллианты, что она с ними сделала, кому передала и кто ее сообщник, но ответом ему было лишь надменное презрение, чего единственно и заслуживали его гнусные предположения. В отчаянной попытке выпутаться, не прибегая к помощи полиции и без огласки, Милтан назначил сегодня на пять часов в своем кабинете встречу всем, кто находился вчера в его школе. В присутствии Нийи он сказал своей жене, что намерен обратиться за помощью к Ниро Вулфу, Нийя же, зная, что Ниро Вулф - ее отец, тут же решила, что прославленный сыщик должен выступить в ее интересах. Но Нийя по вполне понятным причинам вовсе не собиралась раскрывать отцу свое происхождение, поэтому наказала Карле, которая сразу же отправилась к Вулфу, ничего ему не разглашать.

Вот все, что мы узнали. Мисс Лофхен, взглянув на свои часики и отметив, что уже без пяти четыре, потребовала, чтобы Вулф как можно скорее отправился вместе с ней.

Не шевельнув даже пальцем, Вулф пробурчал:

- Почему же мистер Дрисколл не поймал мисс Тормик с поличным, когда увидел свой пиджак у нее в руках?

- Он был голый. Он шел из душа.

- Что же, он такой толстый, что предпочитает лишиться бриллиантов, лишь бы не попасться кому-то на глаза нагишом?

- По его словам, он очень скромный. Он сказал, что буквально онемел от удивления, а Нийя действовала быстро и почти сразу вышла из раздевалки. К тому же бумажник и портсигар

оказались на месте, а о бриллиантах он поначалу забыл и вспомнил, только когда оделся. А вообще-то он, разумеется, с вами по габаритам не сравнится.

- Да уж конечно. У шкафчиков ключи есть?

- Да, но обращаются с ними донельзя халатно. Ключи вечно валяются где попало. Очень неприятно.

- Вы утверждаете, что мисс Тормик не брала бриллиантов?

- Конечно, нет. Она их никогда не взяла бы.

- Может, она взяла что-то другое из карманов мистера Дрисколла?

Что-нибудь, о чем он и думать забыл. Письма, документы, да хотя бы просто леденцы?

- Нет. Она ничего не брала.

- Но в раздевалку она входила?

- Зачем?

- Я не знаю. Так входила или нет?

- Нет.

- Просто фантастика. - Казалось, Вулф вот-вот откроет глаза. - Вы давно знаете, что мисс Тормик - моя дочь?

- Я всегда это знала. Мы с ней... подруги, и очень близкие. Я знала о вас... о вашем... я знала ваше имя.

- Скорее, вы знали о моей прискорбной политической бескомпромиссности.

- Неожиданно Вулф заговорил беспощадно и жестко:

- Ха! Романтические девушки, которых так и распирает от рвения к подвигам в духе прошлых веков!

Ну-ну! Что же, предателям еще перепадают крошки со стола Доневиной?

- Мы... - Ее подбородок дернулся, а в глазах полыхнуло пламя. - На их стороне честь и право! И они добьются признания!

- В один прекрасный день они добьются некролога. Глупцы, слепые эгоисты! Вы тоже из Доневиной?

- Нет. - Ее грудь бурно вздымалась, но, может, только из-за праведного гнева.

- Тогда как вас зовут?

- Карла Лофхен.

- А на вашей родине?

- Я сейчас не у себя на родине. - Она нетерпеливо отмахнулась. - Что все это значит? С какой стати вы пытаетесь про меня? Я же говорю о Нийе, вы что, не понимаете? О вашей дочери! Неужели вам до такой степени все равно, что вы можете вот так сидеть и насмехаться? Я же говорю вам, надо скорее что-то делать, иначе ею займется полиция!

Вулф приподнялся в кресле. Я удивлялся, что он не встал раньше. Часы на стене показывали две минуты пятого, и ничто - ни пожар, ни наводнение, ни убийство - не могло поколебать привычный распорядок Вулфа: с четырех до шести часов он всегда священнодействовал в оранжерее. И я был прямо-таки потрясен уже тем, что, даже посмотрев на часы, мой шеф продолжал сидеть в кресле.

Тут Вулф быстро произнес:

- Арчи, пожалуйста, проводи мисс Лофхен в гостиную и возвращайся за указаниями.

- Но ведь... - бессвязно залепетала Карла, - это совсем не...

- Прошу вас, - резко перебил Вулф. - Раз уж я берусь за дело, предоставьте его мне. Не теряйте времени и идите с мистером Гудвином.

Я вышел, она последовала за мной. Я усадил ее в гостиной и, выходя оттуда, затворил за собой дверь, и, когда вернулся в кабинет, тоже закрыл дверь.

- Поздно, - сказал Вулф. - Теперь ничего не поделаешь. Но с мистером Дрисколлом или еще с кем-то бороться без толку, пока ты сам не побываешь на месте и не расскажешь, как там и что. А я, прежде чем пойду наверх, должен позвонить в Лондон мистеру Хичкоку. Дай-ка мне книжку с его телефоном.

Я достал из сейфа записную книжку и протянул ее Вулфу.

- Спасибо. Иди вместе с ней на ту встречу. Поговори с мисс Тормик. Из документа следует, что она имеет право носить мое имя. А раз так, то я отвергаю самую возможность, что она украла бриллианты из пиджака того человека. Исходи из этого.

- Она говорит, что документ нужно вернуть.

- Пока он останется у меня. Пусть на сей счет иллюзий не строит. Ничего не упускай и никем не пренебрегай. Сам Никола Милтан тоже с полуострова, из южной части Сербии, бывшей Македонии. Посмотри на мисс Тормик и побеседуй с ней. Первое, что тебя должно интересовать, - история с бриллиантами. Второе - та бумага, которую мисс Лофхен спрятала в мою книгу. Если ты не сумеешь разобраться с бриллиантами и мистер Дрисколл будет настаивать на том, чтобы привлечь к делу полицию, тогда привези его сюда, ко мне.

- О, не сомневайтесь. Как его привезти? Целиком или по кусочкам?

- Как хочешь, но привези. Ты неплохо понаторел в таких играх.

- Весьма обязан. Но на самом деле, по-моему, вам лучше дать мне расчет.

Со следующей минуты я увольняюсь.

- Откуда увольняешься?

- Отсюда. От вас.

- Вздор!

- Нет, босс, чистая правда. Вы сказали фэбээровцу, что никогда не были женаты. А у вас, оказывается, есть дочь. Ну и... - Я пожал плечами. - Я, конечно, не девица-жеманница, но есть же пределы распутства...

- Хватит городить. Иди с ней на встречу. Та девочка была сиротой, и я ее удочерил.

Я недоверчиво покивал.

- Ничего себе дельце, и что особенно приятно - все ясно как день. Как вы думаете, что сказала бы моя мать... - Тут я заметил, что его лицо застыло, и понял, что подошел к той грани, за которую лучше не переступать.

Поэтому я небрежно спросил:

- Это все?

- Все. Я надел пальто и шляпу а прихожей, помог одеться иноземной принцессе, и мы, выйдя на улицу, сели в "родстер", который я оставил у тротуара. Набирая скорость по пути к Парк-авеню, я про себя отметил, что, видно, Вулф решил до последнего защищать честь своей семьи, коль скоро он собрался просадить двадцать зеленых на телефонный звонок в Лондон. Я, правда, никак не мог взять в толк, чем такой звонок поможет в этом деле.

Поначалу сборище у Николы Милтана, назначенное на пять часов, до боли напоминало игру забавляющихся дядей и тетей, - бриллианты! кто взял бриллианты? - происходящее было глупо и смешно до слез. Но чуть позже я начал думать, что все тут не так-то просто.

Дом, куда меня привела мисс Лофхен, внутри оказался приятнее, чем снаружи. Не броский и не кичливый, да и внутреннее убранство не оставляло впечатления, будто все вокруг принарядили исключительно для того, чтобы поразить посетителей. Пока я вышагивал следом за Карлой, которая высматривала свою подругу Нийю, я имел прекрасную возможность поглядеть по сторонам и, естественно, воспользовался ею. Дом, в который мы попали, был один из старинных четырехэтажных особняков. На первом этаже располагались приемная, главная контора и несколько кабинетов поменьше; этажом выше тянулся длинный коридор с серым ковром на полу, а двери из коридора вели в комнаты для занятий танцами; еще выше размещалось фехтовальное отделение с двумя залами, но не очень просторными, из которых один был побольше, а другой - поменьше, а также душевые и раздевалки; последний этаж занимали помещения Милтана и его жены. Впрочем, их комнат я не видел. Нийю удалось обнаружить в женской раздевалке. Карла вытащила ее оттуда в коридор, представила нас друг другу, и мы обменялись рукопожатием. Нийя сказала:

- Так вы, мистер Гудвин, можете как-то помочь мне в этом кошмаре? Вам удастся пресечь ужасную ложь этого человека? Правда? Вы обязательно должны это сделать! Я так надеялась, что Ниро Вулф... мой отец...

Говорила она, словно мурлыкая, но все же ее произношение было лучше, чем у Карлы. Слава Богу, она ничем не напоминала Ниро Вулфа, ведь, если бы это было так, пожалуй, трудно было бы пройти мимо подобного зрелища, - такую девушку стоило бы показывать в балагане. К тому же - хе-хе! - он же ее удочерил. У нее, как и у Карлы, были черные глаза и симпатичная фигурка - ну, может, она была на дюйм полнее, чем требовалось; однако ее подбородок, да и все лицо смотрелись, как картинка, так что общее впечатление от нее, от того, как она говорила, стояла и смотрела на вас, было странной смесью "подойди ко мне" и "не тронь меня". Поскольку я довольно долго общался с ее отцом, то, наверно, в моем первом беглом осмотре таилось больше интереса, чем если бы меня познакомили с какой-нибудь другой особой женского пола. С первого взгляда у меня сложилось мнение, что она умна и привлекательна, но с окончательным приговором я решил повременить, пока не узнаю ее получше. Она заметила, что я рассматриваю то, что было на ней - некое зеленое одеяние вроде широкого халата, перехваченное спереди поясом, выглядывающую из-под него белую парусиновую блузку, рейтузы, закатанные носки и гимнастические туфли.

- Я как раз давала урок, - сказала она. - По просьбе Милтана. Он не хочет скандала. Да и никто не хочет, кроме дуралея Дрисколла. Надо же, какой лгун - у меня на родине знали бы, что с ним делать. Карла сказала, что ему... что отцу сообщили обо мне, ну и вам, наверно, тоже. Только я не хочу, чтобы об этом узнал еще кто-нибудь. А почему он сам не пришел?

- Ниро Вулф? Тяжелый клинический случай. Он никогда никуда не вылезает из дома, кто бы ни просил.

- Но я все-таки его приемная дочь.

- Я уже понял. Но, заметьте, вы в Нью-Йорке уже несколько месяцев, а найти адрес вашего папочки в телефонном справочнике совсем не трудно.

- Он же бросил меня. Меня всю жизнь учили его ненавидеть. Мне совершенно не хотелось...

- Пока вы не попали в беду. Кажется, вам было три года, когда вы с ним расстались. Впрочем, это не так важно. Меня послали сюда спасти вас от тюрьмы, и время не терпит. Наверно, у вас достанет ума понять, что мне необходимо знать правду. Что вы делали с пиджаком Дрисколла?

Ее подбородок дернулся, а глаза испепелили меня на месте.

- Ничего. Я и не прикасалась к нему.

- А зачем вы ходили в раздевалку?

- Я туда не заходила.

- Здесь, в школе, есть какая-нибудь девушка, похожая на вас?

- Нет. Очень похожей нет.

- То есть перепутать вас с кем-то другим Дрисколл не мог?

- Нет.

- Что вы делали вчера в то время, когда Дрисколл, по его словам, заметил вас в раздевалке около его пиджака?

- Я давала урок мистери Ладлоу.

- Урок фехтования?

- Да, на шпагах.

- В большом зале?

- Нет, в маленьком, что в конце коридора.

- Кто такой мистер Ладлоу?

- Клиент, который берет уроки фехтования на шпагах.

- Вы уверены, что давали ему урок именно тогда, когда Дрисколл якобы видел, как вы обшаривали его пиджак?

- Уверена. Мистер Дрисколл пришел к Милтану без двадцати пять. Он сказал, что одевался почти пятнадцать минут. Я начала урок с мистером Ладлоу в четыре часа, и, когда Милтан прислал за мной, мы с ним еще занимались.

- И вы ни разу за весь урок не отлучались из зала?

- Ни разу.

Карла Лофхен перебила.

- Но, Нийя! Ты что, забыла, ведь Белинда Рид заявила, что примерно в половине пятого видела тебя в коридоре?

- Она лжет, - спокойно возразила Нийя.

- Но и тот, кто был с ней, тоже тебя видел!

- Он тоже лжет.

Боже милостивый, подумал я, какое счастье, что здесь нет Вулфа и он избавлен от этого зрелища. Смотреть, как его дочь делает из себя посмешище!

Пока все говорило за то, что воссоединение семьи произойдет-таки за решеткой.

- Ну а Ладлоу? - отрывисто бросил я. - Он что, тоже лжет?

Она заколебалась, нахмутив брови, но, прежде чем нашлась, что ответить, послышался мужской голос. Его обладатель возник откуда-то со стороны лестницы. Он был примерно моих лет и такого же сложения, с располагающим взглядом светлых глаз, в сером костюме из дорогой ткани, который сидел на нем так, что был скорее всего сшит по заказу.

- А я вас искал, - мужчина подошел к нам и приветливо улыбнулся. - Милтан ждет вас у себя в кабинете. Все по тому же смехотворному делу.

- Мистер Ладлоу, это мистер Гудвин, - сказала Карла Лофхен.

Мы обменялись рукопожатием. Встретившись с Ладлоу взглядом, я невольно почувствовал к нему симпатию - не потому, что в его глазах читалась искренность или дружелюбие, а потому, что в них светился живой ум.

- Вы тот самый Ладлоу? - на всякий случай уточнил я.

- Совершенно верно. Перси Ладлоу.

- Это с вами мисс Тормик занималась фехтованием вчера во второй половине дня?

- Да, со мной.

- Тогда вас-то мне и надо. Скажите, она безотлучно оставалась с вами с четырех часов до половины пятого?

Он поднял брови и улыбнулся.

- Одну минутку. Все, что мне о вас известно, - это что вас зовут Гудвин.

- Я представляю интересы мисс Тормик. Она наняла Ниро Вулфа, а я его доверенный помощник.

Он взглянул на Нийю, и она утвердительно кивнула головой.

- Вот как! Она наняла Ниро Вулфа? Это как раз то, что нужно. Я слышал, вчера мисс Тормик заявила, что все время урока неотлучно находилась со мной.

- Да. А вы что скажете?

Он снова поднял брови.

- Лгуньей я бы мисс Тормик называть не стал. Да и с какой стати?

Пойдемте лучше в кабинет Милтана. Дрисколл еще не пришел, но он появится с минуты на минуту...

- Так она была все время с вами или нет? Вы понимаете, что если да, то все обвинения Дрисколла в ее адрес теряют силу?

- Ну, конечно, я это прекрасно понимаю. Но, к сожалению, еще двое заявили, будто видели ее в коридоре. - Он указал рукой. - Вон там, меньше чем в десяти футах от двери в раздевалку. И Дрисколл, конечно, тоже это утверждает.

Он зашагал прочь. Я преградил ему путь:

- Послушайте, мистер Ладлоу, если вы пообещаете, что будете стоять на своем...

- Дорогой мой! Пообещать вам? Тут все равно предстоит еще повозиться - куча народу уже знает об обвинении, выдвинутом против мисс Тормик, и, что бы ни говорилось еще, все это услышат. Ведь так или иначе придется все выяснять.

Они направились к лестнице. Не мог же я загородить дорогу троим сразу - пришлось подчиниться. Меня самого ошеломила абсурдность происходящего. Карла казалась встревоженной, но Ладлоу держался успокаивающе. Что же до Нийи, то ее поведение могло объясняться либо ее гордой уверенностью в собственной невинности, либо ослиной величавостью простофили, а может, и тем и другим вместе. Рядом с ней шел свидетель, которого следовало умаслить хотя бы ради того, чтобы обеспечить первоклассное алиби, но Нийя даже не потрудилась попросить его об этом. Пока я плелся следом за ними вниз по лестнице и дальше в кабинет Милтана, я все старался придумать, как бы выманить отсюда Дрисколла и затащить к нам на Тридцать пятую улицу, так как, похоже, другого пути не оставалось.

Кабинет Милтана оказался просторным помещением на первом этаже, в глубине дома. Пол был застелен широким красным ковром, на котором стояли несколько столов с расставленными вокруг стульями. Стены украшали фотографии танцоров и фехтовальщиков и просто людей с колющим оружием, а одна большая фотография изображала Милтана в какой-то форме, на фоне развешанных там и сям кинжалов и шпаг. О том, что на фотографии снят сам владелец школы, я догадался, когда Карла Лофхен, проведя меня через весь кабинет, представила Милтану и его жене. Он оказался невысоким и худощавым брюнетом, не сказать бы - просто коротышкой, с карими глазами, и тараканьими черными усищами, торчащими в разные стороны. Выглядел он обеспокоенным и тут же куда-то исчез, едва мы пожали друг другу руки. Его жена, несмотря на

нью-йоркские шмотки и модную прическу, точно сошла с цветного фото из журнала "Нейшнл Джиографик" с подписью: "Крестьянка из Вцжибррси, ведущая в церковь медведя". При этом она была весьма привлекательна - если вам нравится такой тип женщин, - а глаза ее смотрели остро и пронизательно.

Я остановился возле стеклянного шкафчика, сплошь заставленного разными антикварными вещами и фехтовальными клинками, например, там лежала длинная тонкая штукавина необычного вида с тупым концом, но не рапира, ибо надпись на карточке гласила: "Этой эспадой Никола Милтан в 1931 году выиграл в Париже Международный чемпионат". Я огляделся, ища глазами Милтана. Он стоял в противоположной стороне кабинета, болтая с широкоплечим здоровяком ростом в шесть футов, лет около тридцати, с немного вдавленным носом и рассеянным видом. Я пригляделся к нему повнимательнее. Если каким-то чудом бриллианты Дрисколла стянула все же не дочка Вулфа, так давно им утраченная, то, скорее всего, это дело рук кого-то из присутствующих здесь. До меня донесся голос Карлы Лофхен:

- Послушайте... вы же ничего не делаете.

Я пожал плечами:

- А что я могу сделать? Тем более сейчас Чего ждет Милтан?

- Мистер Дрисколл еще не пришел.

- А он точно придет?

- Конечно. Он согласился потерпеть и не обращаться в полицию только до того, как поговорит с нами.

- А кто этот малый, с которым разговаривает Милтан?

Карла посмотрела в ту сторону.

- Его зовут Гилл. Он берет уроки танцев. Это он был вчера вместе с Белиндой Рид, когда они увидели в коридоре Нийю. Вернее, так они сказали.

- А Белинда Рид - это которая?

- Вон там, возле кресла. Красивая блондинка с янтарными волосами, которая разговаривает с молодым человеком.

- Отличная парочка. Куколка и фанфарон. Кажется, я видел его в каком-то фильме. Кто он такой?

- Это Дональд Барретт.

- Он тот самый сын Джона П. Барретта из фирмы "Барретт и Дерюсси", который устроил вас сюда работать - вас и Нийю?

- Да.

- А те девицы кто?

- Ну... те три, что в углу, и та, что примостилась на краю стола, преподают танцы. Та, что разговаривает с миссис Милтан, - Зорка.

Я поднял брови.

- Зорка?

- Да, известная кутюрье. Платья от нее идут долларов за четыреста. Это больше двадцати тысяч динаров.

- Чем-то она напоминает картинку из Библии, что висит у нас дома, на которой изображена женщина, отрезающая Самсону волосы. Я забыл, как ее звали, но точно не Зорка. А бриллианты она часом не продает в своем салоне?

- Не знаю.

- Впрочем, те бриллианты она уж точно не стала бы продавать. А кто вон тот неандерталец без подбородка... нет, подождите. Милтан собирается что-то сказать.

Чемпион по эспаде, сопровождаемый Перси Ладлоу, вышел на середину комнаты, стараясь привлечь к себе взоры собравшихся. Ему это не очень удалось, и он несколько раз хлопнул в ладоши, обращая на себя внимание тех, кто еще не пожирал его глазами. Двое все равно продолжали разговаривать, и на них зашикала жена Милтана.

- Господа, прошу внимания. - Голос у Милтана был такой же встревоженный, как и весь его вид. - Леди и джентльмены. Как видите, мистера Дрисколла еще нет. Очень неприятно заставлять вас ждать, но он должен быть здесь. А пока несколько слов хочет сказать мистер Ладлоу.

Перси Ладлоу окинул собравшихся неподражаемо надменным взглядом.

- Господа, - самым будничным тоном заговорил он, - право, я не понимаю, зачем нам нужно, сцепив зубы, непременно дожидаться Дрисколла. Сами знаете, он и заварил всю кашу. Я хочу, чтобы вы выслушали мое объяснение происшедшего, ведь вам известно о нелепом обвинении, выдвинутом Дрисколлом против мисс Тормик. Чтобы вам легче было понять, что я скажу, обратите внимание на мой костюм. Вчера я был одет точно так же. Вы не замечаете в этом костюме чего-нибудь особенного?

- Разумеется, - раздался голос, произнесший "р" так раскатисто, что воздух завибрировал, словно крылышки мотылька. - Я заметила.

Ладлоу улыбнулся:

- Что же вы заметили, мадам Зорка?

- Я заметила, что ткань, из которой сшит ваш костюм, в точности такая же, что и у того костюма, который был на мистере Дрисколле.

Разом откликнулись еще два женских голоса:

- И я заметила то же самое! И я!

Ладлоу кивнул:

- Похоже, нам с Дрисколлом пришелся по душе один и тот же портной. - Голос у Ладлоу звучал так, словно его ужасно удручало такое совпадение вкусов. - Материал у наших костюмов совершенно одинаковый. Удивляюсь, что вчера никто из вас не обратил на это внимания. Может, кто-то и говорил об этом, но не при мне. Именно из-за этого совпадения Дрисколл, увидев, как мисс Тормик подошла к моему шкафчику, чтобы достать из кармана пиджака сигареты, решил, что она роется в его костюме. Ведь наши шкафчики стоят рядом.

Последовал шквал восклицаний. Все разом посмотрели на Нийю Тормик и затем снова на Ладлоу. Я почувствовал, как пальцы Карлы Лофхен впились в мой локоть, но мне было не до того, я старался ничего не упускать и быть готовым к любым действиям.

Ладлоу в том же легком тоне продолжал:

- Вчера, когда Дрисколл неожиданно предъявил мисс Тормик свое немыслимое обвинение, она, естественно, была ошарашена, и под влиянием порыва, возможно очень глупого, принялась отрицать, что заходила в раздевалку. Когда я услышал об этом, я сам немного опешил. Начни я ее опровергать, впечатление получилось бы самое неблагоприятное, поэтому, поколебавшись, я поддержал ее утверждение, что она не отлучалась из того зала в конце коридора, где проходили наши занятия. Но дальнейшее показало, что такой ход действий безнадежен. Дрисколл стоял на своем - что он видел возле своего пиджака именно мисс Тормик. Мисс Рид и мистер Гилл заявили, что почти в половину пятого видели ее в коридоре возле двери в раздевалку. Стало ясно, что единственный выход - это сказать правду, а правда заключается в том, что во время нашего вчерашнего занятия у моих щитков оторвался ремешок, его пришлось заменить, нам захотелось выкурить по сигарете, но, как оказалось, мы их с собой не захватили, и вот, пока я возился с

ремешком, мисс Тормик взяла у меня ключ от моего шкафчика и пошла в раздевалку, чтобы принести мне сигареты.

Я отвел глаза от Ладлоу и впился взглядом в лицо Нийи, но оно было непроницаемо. Ни тревоги, ни досады, ни удовлетворения; я бы сказал, что лицо ее, казалось, было даже более озадаченное, чем у остальных; но такое вряд ли могло иметь место, так что я решил, что ошибся. Собравшиеся возбужденно гудели, но гул прекратился, как только Милтан, ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил:

- И все же! Значит, она была в раздевалке!

Ладлоу небрежно кивнул.

- Конечно, была, только рылась она в моем пиджаке, а вовсе не Дрисколла. В этот нет никакого сомнения - она возвратилась в фехтовальный зал с моими сигаретами и зажигалкой. Мы несколько раз затаились и продолжили наши занятия, и фехтовали до той самой минуты, когда к нам пришли и сказали, что Милтан хочет видеть мисс Тормик...

Ладлоу умолк, но его уже не слушали. Дверь открылась, и в кабинет вошли двое. Первый был седоволосый, исполненный достоинства мужчина с приятным лицом, а из-за его спины выглядывал толстяк лет пятидесяти, безбровый и с пухлыми губами. Милтан шагнул им навстречу:

- Мы вас ждем, мистер Дрисколл...

- Прошу прощения, - запинаясь, промямлил толстяк, воровато озираясь. - Извините... э-э... позвольте представить мистера Томпсона, моего адвоката... мистер Милтан...

Протянув для приветствия руку, седовласый без оговорок и вступлений сразу взял быка за рога.

- Я представитель мистера Дрисколла. Я счел, что лучше прийти мне самому, - дело очень печальное... весьма печальное... Не будете ли вы так любезны представить меня мисс Тормик? Если позволите...

Милтан исполнил его просьбу. Он казался совершенно сбитым с толку.

Адвокат учтиво и почтительно поклонился и также вежливо поблагодарил; Нийя стояла молча и неподвижно. Адвокат повернулся к Милтану:

- Эти люди... наверное, те самые, кого мистер Дрисколл... перед кем он обвинил мисс Тормик...

Милтан утвердительно кивнул:

- Мы ждали его, чтобы...

- Я знаю. Мы немного опоздали. Дома мой клиент решительно не хотел идти сюда сам, и мне с трудом удалось его убедить, что его присутствие необходимо. Мисс Тормик, то, что я хочу сказать, прежде всего относится к вам, но и остальным следует меня выслушать, обязательно, ради справедливости по отношению к вам. Прежде всего факты. Когда вчера утром Мистер Дрисколл вышел из дома, у него в кармане в коробочке из-под пилюль находились бриллианты, которые он намеревался отнести к ювелиру и вправить в браслет.

Из конторы он позвонил ювелиру и обо всем с ним договорился. Коробочку с бриллиантами у мистера Дрисколла взяла его секретарша, чтобы условиться о доставке их ювелиру. Они и сейчас находятся у нее. Прискорбно и непростительно со стороны мистера Дрисколла, но позже, находясь здесь, он совершенно забыл, хотя и непреднамеренно, что его секретарша...

Залп восклицаний, посыпавшихся со всех сторон, прервал речь адвоката.

Он улыбнулся Нийе, но та ему не ответила. Дрисколл вынул из кармана носовой платок, промокнул то место, где должны быть брови, старательно избегая встречаться со взглядами, направленными на него отовсюду. Милтан прошипел:

- Вы хотите сказать, что это неслыханное... это вопиющее...

- Пожалуйста! - Адвокат поднял руку. - Позвольте мне закончить. Провал памяти, случившийся у мистера Дрисколла, ничем нельзя оправдать. Но он был искренне убежден, что видел в руках у Нийи Тормик свой пиджак...

- Это был мой пиджак, - бросил Ладлоу. - Он в точности такой же, как и у мистера Дрисколла. Посмотрите и убедитесь, он и сейчас на мне.

- Понятно. Ну что ж, отлично. Это все объясняет. Ваш пиджак находился в том же шкафчике?

- Нет, в соседнем, - строгим тоном поправил Ладлоу. - Но мистери Дрисколлу следовало бы знать, что прежде чем бросаться столь убийственными обвинениями...

- Конечно, следовало, - снова согласился адвокат. - Его нельзя оправдать даже тем, что оба пиджака похожи как две капли воды. Вот почему я настаивал, чтобы мистер Дрисколл все-таки пришел сюда и извинился перед мисс Тормик о присутствии всех вас. Понятно, что ему не очень хотелось это делать. Он чувствует себя в высшей степени смущенным и униженным. - Адвокат взглянул на своего клиента. - Так как же?

Дрисколл, сжав в руках носовой платок, посмотрел в лицо Нийе Тормик.

- Я прошу у вас прощения, - пробормотал он. - Мне очень жаль... - Неожиданно он сорвался на крик:

- Конечно, мне очень жаль, черт побери!

Кто-то хихикнул.

- Еще бы не жаль, - свирепо сказал Никола Милтан. - Да вы могли погубить нас обеих - и мисс Тормик, и меня вместе с ней.

- Я знаю. Я же сказал, что мне очень жаль, и я прошу прощения у вас и у мисс Тормик.

Адвокат вставил мягко и добродушно:

- Я надеюсь, мисс Тормик... смеем ли мы надеяться на какие-то ваши изъяснения... того, что вы простили мистера Дрисколла? Э-э... может, в виде какой-то расписки? - Он вытащил из кармана конверт. - Видите ли, я подумал, что и вам в равной степени пригодилось бы письменное извинение мистера Дрисколла в поддержку сделанного им сейчас устно, и я его тоже захватил с собой, - он достал из конверта лист бумаги, - а также и вашу расписку, там буквально одна-две фразы, просто описание случившегося - я уверен, вы не откажетесь, в свою очередь, подписать такую бумагу...

- Минутку. - Это я вылез с репликой. - Мисс Тормик здесь представляю я.

Право, стоило посмотреть, как он разом насторожился и нахохлился.

- Кто вы, сэр? - резко спросил он. - Адвокат?

- Нет-нет, я не адвокат, но говорю по-английски и представляю интересы мисс Тормик, и мы с вами находимся не в суде. Она ничего подписывать не станет.

- Но, дорогой сэр, отчего же? Это всего лишь формаль...

- В том-то и дело. А что если Милтан злоупотребит случившимся скандалом, хотя ее вины тут нет, и она лишится работы? Или вдруг ваша бумажонка пойдет гулять повсюду, что ей тогда делать? Никаких расписок!

- Что до меня, - вставил Милтан, - то у меня нет ни малейшего намерения увольнять мисс Тормик. Но я полностью согласен с тем, что ничего подписывать ей не нужно, Я и так вполне убежден, что у нее нет желания чинить неприятности мистери Дрисколлу. - Говоря это, он посмотрел на Нийю.

Та наконец-то открыла рот:

- Ни малейшего. - Говорила она на редкость безжизненно, если учесть, что она только что избежала от опасности оказаться за решеткой за воровство. Девушка казалась такой безучастной, словно ее мысли витали где-то далеко. - Я не собираюсь чинить никаких неприятностей.

Адвокат сверлил ее взглядом.

- Но, мисс Тормик, если так, вы не станете возражать против того, чтобы подписать...

- Черт возьми, оставьте ее в покое! - перебил адвоката его собственный клиент. Дрисколл уставился на него и выпалил:

- Пропади пропадом все адвокаты! Если бы у меня сначала не сдали нервы, я бы лучше пришел сюда один! - Он перевел взгляд на Милтана. - Но ведь я извинился! Я же сказал, мне очень жаль! Чертовски жаль! Мне здесь так нравится, Я все толстел и толстел, уже много лет. Я уже просто жирный, черт побери! Я смеялся над всякими упражнениями, школами здоровья и дурацкими играми, в которых разные каланчи, под стать небоскрегам, бросаются мячом и скачут верхом на лошадях, а тут я сам в первый раз стал заниматься до седьмого пота всякими потехами - когда пришел сюда! Фехтовальщик я, наверное, негодный, но фехтование мне нравится! Мне наплевать, подпишет мисс Тормик бумагу или нет. Я хочу, чтобы мы с Милтаном остались добрыми друзьями! - Он повернулся к Карле. - Мисс Лофхен! Я и вас хочу считать своим другом! Я знаю, мисс Тормик - ваша подруга, и я веду себя как последний болван. Да я и есть последний болван.

Скажите, вы будете фехтовать со мной? Я хочу сказать - прямо сейчас!

Кто-то тихо заржал. Люди зашевелились. Адвокат величественно молчал.

Карла ответила:

- Я работаю на мистера Милтана и делаю то, что он скажет.

Милтан повел себя дипломатом и сказал что-то примирительное - ясно, мистера Дрисколла не выгонят из школы, где он наконец обрел любимую потеху.

Я отошел на задний план. К Нийе с тонкой улыбкой приблизился давешний неандерталец без подбородка - имени его я не расслышал, - светловолосый малый с тонкими губами и выступающим носом. Все время, что длилось разбирательство, он или стоял, или, чеканя шаг, ходил по комнате туда-сюда.

Видимо, он сказал Нийе что-то приятное, а да ним то же самое проделал Дональд Барретт. Затем к Нийе, пройдя через весь кабинет, приблизилась миссис Милтан и дружески похлопала ее по плечу, а потом подошел Перси Ладлоу. С минуту они о чем-то поговорили, после чего она, оставив его, направилась в мою сторону.

Я ухмыльнулся ей:

- Что ж, представление просто превосходное. Надеюсь, вы ничего не имели против моего вмешательства? Ниро Вулф никогда не разрешает своим клиентам ничего подписывать, разве что чек об оплате его услуг.

- Ничего. Я подошла попрощаться. У меня сейчас урок фехтования с мистером Ладлоу. Спасибо, что пришли.

- Ваши глаза так и сверкают.

- Мои глаза? По-моему, они всегда блестят.

- Вашему отцу передать от вас что-нибудь?

- Сейчас, думаю, не стоит.

- Вообще-то вам не мешало бы забежать к нему, чтобы сказать "привет".

- Забегу как-нибудь. Ну, оревуар.

- Счастливо.

Развернувшись, она угодила прямо в лапы адвоката, который велеречиво извинился перед ней, а затем обратился ко мне:

- Можно узнать ваше имя, сэр?

Я назвал. Он повторил вслед за мной:

- Арчи Гудвин. Спасибо. Если позволите спросить, в качестве кого вы представляете мисс Тормик?

Я разозлился.

- Слушайте, - ответил я ему, - хочу сразу оговорить, что у адвоката есть право на жизнь, но, уверен, даже когда он преставится, в его гроб ни один червь не полезет - ведь сделай он это, как его тут же заставят что-нибудь подписать. Вам не удалось заполучить подпись на ту бумажонку, так что я опасаюсь, как бы у вас не случилось нервного срыва. Дайте-ка ее мне.

Он по-прежнему сжимал в руке конверт, и в ответ на мои слова извлек из него документ и протянул мне. С первого взгляда мне стало ясно, что его "одна-две фразы, просто рассказывающие о случившемся", на деле обернулись целыми пятью абзацами, под завязку напичканными юридическими терминами. Я вынул ручку и над пунктирной линией внизу страницы вывел быстрым росчерком:

"Королева Виктория".

- Вот, - сказал я, сунул ему бумажку и отошел прочь, пока он не успел опомниться. Все-таки величавость очень замедляет реакцию.

Кабинет почти опустел. Жена Милтана стояла возле письменного стола и разговаривала с Белиндой Рид. Карла Лофхен и остальные исчезли - наверное, девушка отправилась предоставлять богатому толстяку возможность насладиться любимой забавой. Пока я доставал с вешалки свое пальто и шляпу и пятился к коридору и дальше - к выходу из здания, я размышлял о том, что, видно, Дрисколл должен быть звездой в фехтовании.

Мои часы показывали без четверти шесть. Вулф еще наверняка торчит в оранжерее, и хотя он не очень-то любил, когда его беспокоили во время возни с орхидеями, я счел, что мой звонок к работе не относится - дело-то семейное, как-никак. Я заглянул в ближайшую аптеку, уединился в телефонной будке и набрал наш домашний номер.

- Алло, мистер Вулф? Это мистер Гудвин.

- Ну?

- Ну, я сейчас в одной аптеке на углу Сорок восьмой улицы и Лексингтон-авеню. Все в порядке. Фарс растянулся на целых три акта. Сначала она, то бишь ваша дочь, скорее скучала, чем волновалась. Потом один парень по имени Перси сказал, что она рылась в его пиджаке в поисках сигарет, а вовсе не в пиджаке Дрисколла в поисках бриллиантов. Судя по выражению ее лица, для нее такой оборот оказался новостью. В третьем акте появился сам Дрисколл с вытянутой физиономией и письменными извинениями. В его пиджаке бриллиантов не было и в помине. Ничего у него не украли. Он просто ошибся.

Очень и чертовски сожалеет. Так что я еду домой. Могу еще добавить, что на вас она ни капельки не похожа и очень хорошенькая...

- Ты уверен, что все до конца прояснилось?

- Точно. Все на этом порешили. Я бы, впрочем, не сказал, что для меня все ясно как день.

- Ты отправился туда с двумя заданиями. Как насчет второго?

- Никакого просвета. Даже проблеска не видно. Полная безнадега. Там было целое сборище, а когда разборка закончилось, обе балканки уже отправились давать уроки фехтования.

- А кто такой Перси?

- Перси Ладлоу. Примерно мой ровесник и вообще во многом похож на меня: учтивый, одаренный, с броской внешностью...

- Ты сказал, что моя... что она как будто скучала. Ты хочешь сказать - она круглая дура?

- Вовсе нет. Я сказал только то, что сказал. Она совсем не проста, это верно, но дурой ее не назовешь.

Тишина. Ни слова в ответ. Молчание тянулось так долго, что я в конце концов не выдержал:

- Алло, вы слушаете?

- Да. Привези ее сюда. Я хочу ее видеть.

- Я так и знал. Чего еще ожидать. Это совершенно естественное желание, которое делает вам честь, именно поэтому я и звоню - объяснить, что я просил ее что-нибудь передать для вас, но она ответила отказом; я сказал, что ей не мешает забежать хотя бы поздороваться с вами; она согласилась, что когда-нибудь это сделает, но сейчас должна скрестить шпаги с Перси...

- Подожди, пока она освободится, и привези сюда.

- Прямо так и привезти?

- Да.

- Может, на руках ее принести, или...

Вулф в ответ повесил трубку. Терпеть не могу такие его выходки.

Я зашел в бар с фонтаном, взял стакан грейпфрутового сока и, потягивая его, проникся убеждением, что надо постараться воздействовать на нее с минимальным применением силы. Ничего более удовлетворительного я так и не придумал и снова поплелся к полю боя на Сорок восьмой улице.

В кабинете были только Никола Милтан и его жена. Мне показалось, что, когда я вошел, она направлялась в сторону двери, но вроде бы передумала, увидев, как я снимаю пальто и шляпу и вешаю их на вешалку. Я объяснил, что, когда мисс Тормик освободится, я хотел бы ее повидать. Милтан предложил мне сесть в кресло неподалеку от его письменного стола, а его жена открыла дверцу большого стеклянного шкафа и принялась переставлять там с места на место разные вещицы, хотя особой нужды в том не было.

- Я знаком с Ниро Вулфом, - вежливо сказал мне Милтан.

- Понятно, - кивнул я.

- Это блистательный человек. Блистательный.

- Пожалуй, я знаю одного малого, который с вами полностью бы согласился.

- Только одного?

- По крайней мере одного. Это Ниро Вулф.

- Ах вот оно что. Шутка. - Он вежливо посмеялся. - Но я думаю, найдется еще немало людей, которые разделят мое мнение. Правда, Жанна?

Его жена издала иностранное восклицание, выражающее то ли удивление, то ли испуг.

- Col de mort <Букв.: воротник смерти (франц.)>, - сказала она, обращаясь к мужу. - Его нет на месте.

Ты его куда-нибудь переложил?

- Нет. Я его и не трогал. Он лежал здесь... я уверен...

Милтан вскочил и подбежал к шкафу. Я встал и нехотя последовал за ним.

Они вместе утащились на пустое место на полке. Милтан вытянул шею, потом нагнулся, разглядывая все полки по очереди.

- Нет, - сказала его жена, - там тоже нет. Он куда-то исчез. Больше не пропало ничего. Я давным-давно хотела навесить на дверцу замок...

- Но, дорогая. - Милтан, казалось, оправдывался. - Совершенно непонятно, с какой стати кому-то брать col de mort. Это просто диковинная и редкая вещица, но никакой особенной ценности она не представляет.

- А что это за col de mort? - спросил я.

- Да ничего особенного, маленькая такая вещица.

- Какого рода?

- Ну как вам сказать, просто маленькая штучка... вот, посмотрите. - Милтан через открытую дверцу сунул руку внутрь шкафа и ткнул пальцем в лежащую на полке эспад, указывая на ее лезвие. - Видите? У нее тупой конец.

- Вижу.

- Ну вот, как-то раз, много лет назад, в Париже один человек решил убить другого. Для этого он сделал маленькую штучку, которую можно было насаживать на конец эспад и у которой был очень острый наконечник. - Он достал из шкафа оружие и качнул в руке. - И вот, надев на эспад такую насадку, он делает выпад...

Милтан изобразил, как делается выпад, направив клинок в воображаемую жертву возле меня, и проделал это так неожиданно и невероятно быстро, что я невольно отпрянул в сторону, чуть не споткнувшись о собственную ногу и испытывая страстное желание отправить Милтана на чемпионат фехтовальщиков.

Затем он так же быстро вернулся в исходное положение.

- Ну вот. - Он улыбнулся и положил шпагу на место. - Теоретически такой удар способен паразитить сердце, но в тот раз теорию применили на практике.

Эту штучку мне в виде сувенира подарил один полицейский, мой друг. В газетах же вещицу окрестили col de mort. Шея... нет, не шея. Ворот. Воротник смерти.

Потому что он надевается на кончик шпаги, словно воротник. Забавно было поиметь такую вещицу, - закончил Милтан.

- А теперь вот она исчезла, - коротко повторила его жена.

- Я все же надеюсь, что не исчезла, - нахмурился Милтан. - С чего бы ей исчезать? И так здесь довольно было разговоров о краже. Найдется.

Поспрашиваем всех.

- Надеюсь, вы ее найдете, - сказал я. - Все это довольно странно.

Кстати, вы собираетесь расспрашивать об этом, а я как раз собирался спросить у вас, не будете ли вы против, если я поболтаю с кем-нибудь, кто прибирает в фехтовальных залах.

- Но зачем... для чего?

- Да просто чтобы немного поболтать. А кто, кстати, там убирает?

- Консьерж. Но я не могу понять, зачем вам...

Его жена, указав на меня взглядом, прервала его:

- Я думаю, - невозмутимо заявила она, - он хочет выяснить, не было ли сигаретных окурков и пепла в том зале, где фехтовали мисс Тормик и мистер Ладлоу.

Я хмыкнул, глядя на нее:

- Если позволите, миссис Милтан, то я бы сказал, что мог сразу догадаться, что вы большая умница.

Она промолчала, не сводя с меня глаз.

- Что до меня, - объявил Милтан, - я не понимаю, зачем вам разузнавать насчет сигаретных окурков. Ума не приложу, как об этом догадалась моя жена.

Сам-то я соображаю туговато.

- Ну, при вашей мгновенной реакции с клинком в чем-то другом вам позволительно действовать и помедленнее. Так могу я повидать консьержа?

- Нет, - резко ответила жена Милтана.

- Почему?

- Я не вижу в этом никакой необходимости. Не знаю, что у вас на уме, но я заметила, как вы не спускали глаз с мисс Тормик - вы, который, как все полагали, пришли сюда как ее друг. Если вы хотите узнать, в самом ли деле они курили с мистером Ладлоу, спросите об этом у нее самой.

- Спрошу. Я и сам собирался так поступить. Но чем я могу ей повредить, если потолкую с консьержем?

- Не знаю. Может, и не повредите. Но вчерашний, или сегодняшней, инцидент исчерпан. И без того он наделал немало неприятностей, да и сейчас может еще очень плохо аукнуться для нашего бизнеса. Дело крайне деликатное, а уж в таком месте, как у нас... Одним махом можно все испортить. Даже если у вас и в мыслях нет навредить мисс Тормик и нам, я все равно предупрежу консьержа, если вам удастся-таки до него добраться, чтобы он не отвечал ни на какие ваши вопросы. Я говорю с вами прямо. В оружейную вы тоже не сможете зайти, чтобы осмотреть щитки и проверить, действительно ли в каком-то из них перетерся ремешок.

- Почему вы решили, что я захочу это сделать?

- Потому что я не держу вас за дурака. Раз вы любопытствуете насчет окурков, то вы, естественно, поинтересуетесь и порванным ремешком.

Я пожал плечами.

- Ну хорошо. Во всяком случае, слово вы выбрали абсолютно точное. Я всего лишь проявляю любопытство. Вы знаете, я сыщик, а у нас со временем появляются дурные привычки. Но если вы слышаны о репутации Ниро Вулфа, то вам должно быть известно и то, что он вытаскивает из беды только тех, кто его об этом просит.

Секунду-другую она не спускала с меня глаз, затем отвела взгляд, закрыла стеклянную дверцу шкафа и снова повернулась ко мне со словами:

- Сегодня утром мой муж сказал, что хочет нанять мистера Вулфа расследовать пропажу бриллиантов мистера Дрисколла. Мисс Тормик тоже при этом присутствовала и сразу заявила, что она уже наняла Ниро Вулфа вести дело в ее интересах. Почти сразу после этого ее подруга, мисс Лофхен, попросила разрешения отлучиться по одному поручению. Любопытство присуще не только сыщикам. Я тоже иной раз любопытна. Если меня спрашивают...

Она остановилась на полуслове, открыв рот и застыв на месте. Милтан крутанулся на пятках и повернулся лицом к двери, ведущей в коридор. Я сделал тоже самое. До нас долетел такой вопль, что, находясь мы одни где-нибудь в джунглях, мы перепугались бы насмерть.

Когда донесся второй вопль, мы бросились к двери. Милтан опередил нас и в коридоре сразу бросился к лестнице - мы, не отставая, побежали за ним.

Криков больше не было, но наверху слышалась суматоха, шаги и голоса множества людей, а на третьем этаже нас задержала целая толпа клиентов и служащих, повыскакивавших из разных комнат в коридор. Милтан несся под стать кенгуру; я бы не угнался за ним, даже за приз. Когда мы примчались на третий этаж, нам пришлось остановиться. Мы наткнулись на трясущегося негра, которого держал за руки неандерталец без подбородка; Нэт Дрисколл, в рубашке, но без брюк, прыгал вверх-вниз на одном месте; обе балканки в фехтовальных костюмах прижались спинами к стене; Зорка, в одном корсете, стояла напротив них и то и дело вскрикивала. Прежде

чем Милтан смог сдвинуться с места или я сумел пробраться вперед, меня отбросили прочь, и рядом возникла Жанна Милтан.

- Что случилось? - требовательно воскликнула она таким голосом, который усмирил бы бурю. - Артур! В чем дело?

Негр перестал трястись и, выкатив на нее глаза, что-то проговорил, чего я не сумел уловить. Но она, видимо, все расслышала, так как рванулась вперед, как скаковая лошадь. Я поспешил за ней. Она направилась к последней двери, ведущей в комнату в самом конце коридора. Дверь была раскрыта, и Жанна Милтан влетела, не останавливаясь, и вдруг замерла как вкопанная, увидев, что лежит на полу. Я в три прыжка очутился рядом. На полу лежал Перси Ладлоу. На боку. Он опрокинулся бы на спину, если бы сзади его не поддерживал упертый в пол клинок шпаги, которая пронзала его тело насквозь.

Глава 4

Жанна Милтан сказала что-то на непонятном мне языке и не двигалась, глядя вниз с застывшим лицом. Сзади до меня донесся испуганный возглас Милтана и какие-то другие звуки.

Повернувшись, я увидел, что все сгрудились в дверном проеме.

- Выйдите отсюда, - приказал я - Все до единого.

Я наклонился над телом, чтобы быстро осмотреть его, затем выпрямился и обратился к Жанне Милтан:

- Он мертв.

- Я и сама вижу, - раздраженно отозвалась она.

От дверей раздался чей то визг, и я завопил в ответ:

- Тихо!

После этого я снова повернулся к миссис Милтан:

- Кто-то должен остаться здесь, и, конечно, следует немедленно вызвать полицию. Из здания не выходить никому.

Она кивнула:

- Позвоните в полицию сами. Из кабинета. Никола, останься здесь. Я спущусь в коридор...

Она направилась было к выходу, но я задержал ее:

- Нет, так не пойдет. Лучше вы сами позвоните в полицию. Вы здесь хозяйка, и тело первой увидели вы. А я встану у входной двери. Милтан, никого сюда не пускайте.

Он побледнел и промямлил:

- Col de mort...

- Здесь его нет. Кончик шпаги обнажен, и он тупой.

- Этого не может быть. Затупленная шпага не прошла бы сквозь тело.

- Ничем не могу помочь. Никакой насадки на шпаге нет.

Жанна Милтан зашагала к двери, я последовал за ней. Собравшиеся расступились перед нами. Карла Лофхен хотела мне что-то сказать, но я только помотал головой. Неандерталец вцепился в мой локоть, но я увернулся от него.

С нижнего этажа поднимался кто-то еще, и Нэт Дрисколл бросился бежать вдоль коридора - рубашка развевалась на нем, словно парус. У лестницы я обернулся и прокричал:

- В зал никому не входить! Там на полу лежит мертвый Ладлоу. И чтоб никто не выходил из здания!

Я заметил, как ко мне направился Дональд Барретт, а за ним - неандерталец.

- Слушайте, приятели, если бы вы загнали всю ораву вниз в кабинет, это бы здорово облегчило дело.

Я пропустил мимо ушей посыпавшиеся возгласы и сбежал вниз по ступенькам, а за мной - миссис Милтан. На первом этаже она поспешила вглубь здания, в кабинет, а я подошел к выходу в вестибюль. Меня так и подмывало выйти дальше, на улицу, а там добраться до телефона и позвонить Ниро Вулфу, но я решил, что такой ход был бы не самым удачным. Еще неизвестно, удалось ли бы мне потом вернуться, а если бы и удалось, то обстоятельства уже могли значительно измениться. Честно сторожить выход сейчас было лучше всего.

С того места, где я стоял, я видел, как разный люд вразброд спускался по лестнице. Почти все шли молча и подавленно, только две преподавательницы танцев тараторили не умолкая. Белинда Рид, куколка в шелковом платье с иголки, вместо того чтобы идти в кабинет Милтана, подошла ко мне и заговорщически сказала, что у нее назначено очень важное свидание, которое ни в коем случае нельзя сорвать. Я ответил, что у меня тоже, так что мы с ней в одной лодке. Тогда приблизился Дональд Барретт, до этого маячивший где-то поодаль, и сказал:

- Послушайте, я знаю, что по уши вляпался в эту свистопляску. Очень дурной запах у этого дела, но что я могу поделать, раз оказался тут. Но мисс Рид... в конце-то концов... вы что, фараон?

- Нет.

- Тогда, милейший приятель, развернитесь-ка ко мне, и давайте потолкуем о погоде, а тем временем мисс Рид выскользнет и отправится на свое свидание...

- И не успеете вы даже глазом моргнуть, как вдогонку ринется целая свора ищеек, которые в два счета разнюхают, куда она подевалась, и водворят обратно. Не делайте глупостей. Вам когда-нибудь приходилось сталкиваться с убийством? Нет, наверное. Так вот, заставить себя искать - самое худшее, что вы можете сделать. Это всех выводит из себя. Послушайтесь моего совета и... одну минутку, мисс Тормик.

В трех шагах от меня остановились обе балканки. Взгляды, которыми в мгновение ока обменялись все четверо, явно что-то значили для них, но никак не для меня. Белинда Рид сказала:

- Пошли, Дон. - И они зашагали по направлению к кабинету.

Я окинул взглядом обеих красоток. Карла накинула поверх фехтовального костюма какой-то длинный балахон с пуговицами. На Нийе был прежний зеленый халат, так же аккуратно запахнутый, и одна ее рука пряталась в его складках, словно цепляясь за него.

- Для разговоров нет времени, - резко бросил я. - Возможно, вы обе влипли. Не знаю. Но я хочу задать вам прямой вопрос, и от вашего честного ответа, может быть, зависит ваша жизнь. - Я поймал взгляд Нийи. - Я вас спрашиваю. Это вы его убили?

- Нет.

- Повторите еще раз. Не вы?

- Нет, не я.

Я перевел взгляд на Карлу:

- Вы?

- Нет. Но я должна вам сказать...

- Сейчас нет времени для разговоров. Пропади все пропадом. Но в любом случае вы можете... все, они уже здесь. Брысь отсюда! Быстрее, черт побери!

Они бросились по коридору к кабинету и скрылись из вида прежде, чем фараоны прошли через вестибюль и подошли к входной двери. Легавых было двое.

Я открыл перед ними стеклянную дверь и, пропустив их, закрыл ее снова.

- Привет. Вы из участка?

- Нет. Мы патрульные. А вы кто такой?

- Арчи Гудвин, частный сыщик из конторы Ниро Вулфа. Здесь оказался случайно. Вот караулю вход. Я подожду здесь, пока не приедут из участка. - Я указал в сторону кабинета. - Там в конторе миссис Милтан и все остальные, а труп двумя этажами выше.

- А вы, похоже, шустрый малый. Тогда покараульте еще немного, ладно?

Пошли, Билл.

Они затопали вглубь здания. Я остался на своем посту, щелкая пальцами.

Пару минут спустя один из полицейских снова притаился в коридор и зашагал вверх по лестнице. Еще через пару минут в вестибюле показались новоприбывшие, три парня в штатском, но одного взгляда на них было достаточно, чтобы сообразить - они просто ищейки из участка, а не сыщики из уголовной полиции. Я коротко рассказал им, что к чему. Один из них сменил меня у дверей, другой направился вверх по лестнице, а третий зашагал в кабинет, велел мне идти за ним.

В кабинете сидел один из патрульных и не раскрывал рта, переписывая в блокнот имена всех собравшихся. Парень из участка перекинулся с ним парой слов и взялся за миссис Милтан. Я бочком отошел в сторону и постарался понезаметнее усесться рядом с вешалкой, борясь с искушением пролезть к черногорским барышням и шепнуть им пару слов в качестве доброго совета до того, как приедет уголовная полиция и начнется настоящая потеха. Я решил не будить мыслительный процесс даже в полицейских из участка. Клиенты и служащие расположились в кабинете кто где, одни сидели, другие стояли, но никто не разговаривал, если не считать случайных восклицаний. Я обвел взглядом лица собравшихся, не ожидая в общем-то заметить ничего особенно интересного или значительного, и вдруг увидел прямо перед своим носом нечто, оказавшееся разом и интересным, и значительным. На вешалке на прежнем месте висело мое пальто; оно было так близко от меня, что я касался его локтем, но заметил я не это, а клапан левого кармана, который завернулся внутрь, а сам карман при этом оттопыривался, как будто в нем что-то лежало. Но лежать там ничего не должно было. У меня, конечно, не такие портные, что шили костюмы для Перси Ладлоу, но с самого рождения я привык к опрятности и, уж конечно, не разгуливаю в пальто, у которого клапан засунут внутрь кармана, не говоря уж о том, что я точно помнил - в кармане у меня было пусто.

Моя рука непроизвольно дернулась к карману, чтобы пощупать, что в нем лежит, но я вовремя спохватился и сдержал свой порыв. Я посмотрел по сторонам, и насколько мог заметить, за мной вроде никто не наблюдал, ни явно, ни тайно. Правда, времени на углубленный анализ у меня не было, ведь уголовная полиция могла нагрянуть с минуты на минуту, а то и раньше, а как только они появятся, вопрос о свободном самоопределении стоять уже не будет. Я подошел к вешалке, снял с нее пальто и шляпу и направился к выходу из кабинета, и даже успел сделать целых три шага, прежде чем меня догнал громкий рык:

- Эй, вы, куда идете?

Я оглянулся и, поймав свирепый и подозрительный взгляд участкового, отчеканил в ответ:

- Администрация не отвечает за оставленные пальто и шляпы, и я решил унести отсюда свои вещи. Сюда сейчас сбежится куча народу, так что лучше уж я уберу их в запирающийся шкафчик.

С этими словами я добрался до двери и на всех парах вылетел из кабинета. Один шанс из трех, что он оставил бы миссис Милтан и бросился за мной следом, и он этого не сделал. В коридоре я даже не взглянул влево, в сторону выхода - там на страже стоял цепной пес, и я знал, что совершенно несерьезно даже пытаться пройти мимо него, прикинувшись шлангом. Вместо этого я сразу повернул направо, где в пяти шагах заметил узенькую дверцу.

Открыв ее, я увидел ведущую вниз деревянную лестницу без ковра. Сразу за дверью был выключатель, но я не стал им щелкать, а скорее плотно притворил за собой дверь - тут же вокруг

стало темно, хоть выколи глаз. Освещая себе путь тонким фонариком, я осторожно, но не теряя ни секунды, спустился по лестнице до самого низа. Посветив вокруг, я увидел, что нахожусь в просторном помещении с низким потолком, вокруг рядами высились штабеля коробок, а посередине на полу громоздились наполненные чем-то ящики. Я обогнул их и двинулся вглубь, туда, где виднелись тусклые прямоугольники двух окон на расстоянии нескольких футов друг от друга. Мне следовало бы быть начеку, ибо я остановился как вкопанный и еле перевел дух, когда направленный вниз луч моего фонарика осветил нечто, высовывающееся из-за груды коробок, что я вовсе не готов был увидеть. Это был палец ноги человека, и по тому, как он торчал, было ясно, что за ним находится и одна из стоп, на которых стоит их обладатель. Я направил луч фонаря прямо на палец, затем через несколько секунд выдохнул, посветил вверх и сунул правую руку в карман пальто, после чего достал ее оттуда. После этого я громко - но не очень - произнес:

- Не двигайтесь. Мой револьвер нацелен прямо на вас, а нервы у меня на пределе. Если у вас в руках ничего нет, вытяните их перед собой. А то...

Из-за коробок послышалось что-то среднее между стоном и визгом. Я опустил правую руку и, в сердцах выругавшись, шагнул вперед и осветил его целиком - он распластался на груде коробок.

- Ради всего святого, - воскликнул я, ибо меня довели до белого каления. - Какого черта вы так боитесь?

Он простонал:

- Я видеть его. - Его глаза и сейчас были выпучены. - Говорить вам, я же видеть его.

- Ну и я тоже видеть его. Слушайте, Артур, у меня нет времени, чтобы спорить тут с вами о глупейших суевериях. Что вы собираетесь делать дальше, так и будете стоять здесь и стонать?

- Я не хочу идти назад наверх... вы не станете... вы не тронете меня, говорю вам...

- Хорошо. - Я положил фонарик на коробку, сунул пистолет в кобуру и надел пальто и шляпу, после чего снова взял фонарик. - Я иду назад тем же путем, чтобы убедиться, что никто не ускользнул. Для вас самое лучшее оставаться на том же месте.

- Я хотел сказать, что... я... не знаю, - охая, проговорил Артур.

- Ладно. Ключ от подвала у вас есть?

- Они сделать здесь засов, больше ничего.

- А что находится снаружи - двор, обнесенный высоким забором?

- Да, сэр.

- Дверь в заборе какая-нибудь есть?

Над нами, как раз там, где расположен кабинет Милтана, послышался топот десятков ног и тяжелых ботинках. Явилась ватага из уголовной полиции. Я даже определил стук ботинок двенадцатого размера, принадлежащих инспектору Кремеру. Когда я двинулся вперед, удача мне немного улыбнулась: луч моего фонарика выхватил из темноты небольшую раздвижную лестницу, приставленную к полкам. Я направился к ней, а чтобы отвлечь внимание Артура, предупредил его, чтобы он вопил что есть мочи, призывая на помощь, если услышит, что кто-то спускается по лестнице в подвал; после этого мне удалось отыскать в глубине подвала дверь наружу, и, отодвинув засов, я вылез на свободу, таща за собой лестницу.

Двор был большой, примерно ярдов тридцать на сорок, вымощенный бетоном; вокруг него высились массивный дощатый забор фута на два выше моего роста. В здании, которое я только что покинул, светилось множество окон. Я рысью перебежал через двор, приставил лестницу к забору, залез по ней наверх и заглянул в примыкавший двор. Двор оказался почти такой же большой и весь был загроможден всевозможными непонятными вещами, но один объект показался мне знакомым: какой-то грузный детина, в белом фартуке и поварском колпаке, выполнял что-то вроде

упражнений для дыхания, если судить по его позе и пыхтению. В десяти футах за ним из открытой двери лился яркий свет.

Я ухватился за верхушку лестницы и взгромоздился на забор, раскачиваясь из стороны в сторону. На шум детина повернул голову, но я не стал дожидаться, когда он заверещит от испуга, и требовательно произнес:

- Вы тут кошку не видели?

- Какую еще кошку?

- Кошку моей жены. Такая пушистая рыжая тварь. Она сбежала, выпрыгнула из окна и вскарабкалась на этот забор. Если вы... - Тут я потерял равновесие и свалился с забора во двор прямо на бетонное покрытие. Поднимаясь после падения, я, как и подобало, ругался самыми последними словами. - Только бы найти ее, я своими руками придушу эту мерзкую зверюгу. Если вы все время стояли здесь, вы не могли ее не заметить.

- Но я ее не видел.

- Не могли вы ее не видеть. Ну да ладно, не видели так не видели; только она точно прибежала именно сюда. Наверно, почуяла, как из ресторана едой пахнет...

Рассуждая, я шел прямо к двери, ведущей в ресторан. Детина затопал было следом, но особо не спешил, так что я беспрепятственно вошел внутрь. Я оказался в большом и шумном помещении, наполненном запахами готовившейся пищи; работа здесь кипела не переставая. Не останавливаясь, я, стараясь перекричать шум, спросил:

- Сюда кошка не забегала?

Все уставились на меня, а некоторые покачали головами. Неподалеку один, в форме официанта, с нагруженным подносом направился к вращающимся дверям, и я вышел вон за ним но пятам. Пройдя через коридор, мы миновали еще один турникет и очутились в ресторанном зале. В глазах зарябило от пурпурной и желтой кожи, поблескивающего хрома, сверкающих белых столов и снующих в ожидании вечерних посетителей официантов. Один из них преградил мне путь, но я отмахнулся: "Да я кошку свою ловлю", - и пошел дальше. В фойе на меня изумленно взглянул мальчишка-швейцар, а гардеробщица непроизвольно шагнула в мою сторону, но я снова повторил: "Кошку ищу" и продолжил свой путь. Не останавливаясь, я миновал две двери и оказался на тротуаре.

Как и следовало ожидать, я вышел на Сорок девятую улицу. Я уже собрался завернуть за угол и проскакать до Сорок восьмой улицы, чтобы сесть там в свой "родстер", но потом сообразил, что припарковал его всего в нескольких ярдах от входа в школу Милтана, и в итоге счел за благо лучше разориться на такси. Проголосовав и прыгнув на сиденье подвернувшейся машины, я благоразумно воздержался, пока мы тряслись по Парк-авеню, от того, чтобы начать исследовать содержимое кармана моего пальто: я рассудил, что если дело дойдет до расспросов таксиста, то у него могут поинтересоваться, не заметил ли он чего-нибудь в зеркальце заднего вида. Так что я сидел, не шевелясь, предоставив таксисту без особых впечатлений дотрясти меня до Тридцать пятой улицы и дальше - до особняка Вулфа.

Пройдя через прихожую, я бросил шляпу на вешалку, но пальто снимать не стал. Ниро Вулф возвышался за своим столом в кабинете, а перед ним на столе стоял металлический ящичек, обычно хранившийся в сейфе. Ключ от этого ящичка был только у Вулфа, и он никогда не открывал его в моем присутствии. Я думал, там лежат какие-то бумаги слишком личного свойства, даже для меня, хотя с таким же успехом в ящичке могли храниться и женские локоны или тайные коды японской армии. Вулф что-то сунул в ящичек, захлопнул крышку и сурово воззрился на меня.

- Что тебе? - бросил он.

Я покачал головой.

- Ничего не вышло. Я бы, конечно, привез ее к вам, хотя для этого пришлось бы мобилизовать вес свое неотразимое обаяние, но обстоятельства оказались сильнее меня...

- Обстоятельства, которые вынудили тебя бросить ее там?

- Ну, не совсем вынудили, сэр. Может, вы помните, по телефону я упомянул одного малого по имени Перси Ладлоу. Это тот самый, который засвидетельствовал, что ваша дочь доставала по его просьбе сигареты из кармана его пиджака. Так вот его убили.

Вулф вытаращил глаза.

- У меня нет настроения внимать твоему фиглярству.

- У меня тоже. Видите, я даже извозил пальто, так как мне пришлось упасть с забора, В две минуты седьмого мисс Лофхен и мисс Тормик давали уроки фехтования наверху, и на том же этаже еще куча народу занималась разными делами. Судя по всему, мисс Тормик фехтовала с Перси Ладлоу. Я находился внизу, в кабинете Милтана вместе с ним и его женой. Услышав крики, мы бросились вверх - на третьем этаже люди и панике сбились в кучу. В фехтовальном зале в самом конце коридора мы нашли лежащего на полу Перси Ладлоу - шпага пронзила его спереди насквозь и торчала сзади на восемь дюймов. Милтан остался сторожить тело, а его жена спустилась в кабинет и стала звонить в полицию, сам же я пошел караулить выход из здания. Первыми прибыли двое патрульных, затем - три парня из участка, а примерно в шесть двадцать четыре пожаловали и уголовщики.

- Ну?

- Все.

- Все?! - Вулф, казалось, потерял дар речи, чего раньше мне видеть не доводилось. - Ты... - Он чуть не брызгал слюной. - Ты был там, на месте, и сам удрал оттуда...

- Погодите минутку. Я не сам удрал. Один полицейский из участка сменил меня у входа, а другой велел идти вместе с ним в кабинет, где все остальные уже собрались. Я случайно оказался рядом с вешалкой, на которой висело мое пальто, и тут я заметил, что карман у него оттопыривается, словно в нем что-то лежит. Когда я вешал пальто, в карманах ничего не было. Может, конечно, кто-то просто перепутал мое пальто с корзиной для мусора. С другой стороны, в кабинете находился убийца, и мисс Тормик, возможно, как раз фехтовала с жертвой, а я там представлял ее интересы. Конечно, уголовная полиция нас по головке не погладила бы, особенно если бы при повальном обыске, который они провели, содержимое моего кармана не оказалось бы просто использованной бумагой. Вот и пришлось мне спуститься в подвал и удирать через черный ход, перелезая через забор. Зато потом я поймал такси и был таков.

- Ну и что же оказалось у тебя в кармане?

- Не знаю. - Я снял пальто и расстелил его на столе Вулфа. - Мне пришло в голову, что забавнее будет взглянуть на это вместе с вами. На ощупь мне показалось, что это кусок брезента. - Я оттянул карман пошире и заглянул в него. - Да, так и есть, там брезент. - Я засунул в карман пальцы и вытащил сверток наружу. Это оказался плотно свернутый кусок брезента. Когда я развернул его, я увидел, что это большая рукавица, с уплотненной тыльной стороной, и из нее на стол выскользнул маленький металлический наконечник.

- Лучше не трогать, - предложил я и наклонился, чтобы хорошенько его рассмотреть. Он был примерно в четверть дюйма толщиной, с одного конца на нем виднелись три зубца, а к другому концу он суживался и образовывал отточенное острие. Я выпрямился и уверенно сказал:

- Угу, так я и думал.

- Что это за дьявольщина?

- Господи, да посмотрите повнимательнее! Это же тот самый col de mort!

- Арчи, чтоб тебе провалиться, ты...

- Да ладно, ладно. - Я рассказал Вулфу об исчезновении из стеклянного шкафа Милтана этой диковинной вещицы и заодно поведал ее историю. Вулф слушал, сжав губы.

Когда я закончил, он резко сказал:

- Так ты полагаешь, этой штукой воспользовались...

- Я совершенно уверен, черт возьми, что так и было. У шпаги, которой закололи Ладлоу, тупой конец, и Милтан сказал, что сама шпага ни за что не проткнула бы тело Ладлоу. Значит, эту штуку потом сняли с конца шпаги. Очень похоже на то, что она легко снимается. Сомневаюсь, нужно ли мне еще показывать вам на эти пятна на рукавице в том самом месте, где наконечник был в нее завернут.

- Спасибо, я и сам вижу.

- И еще вы сами видите, что перчатка женская. Она кажется большой только потому, что так сшита, а на самом деле она не настолько велика, чтобы...

- Это я тоже сам вижу.

- Ну, тогда вы должны понимать, что, если бы я там остался и подобное приспособленьеце нашли у меня в кармане, или попытайся я его спрятать...

Я умолк, так как Вулф закрыл глаза и принялся шевелить губами. Так продолжалось недолго, может, секунд тридцать, после чего он потянулся к кнопке у себя на столе и надавил на нее. Появившийся Фриц был точно в таком же поварском колпаке и фартуке, что и разиня во дворе ресторана, который не заметил кошку моей жены.

- Выключи свет в коридоре и не открывай дверь, если будут звонить, - приказал Вулф Фрицу.

- Слушаю, сэр.

- Если зазвонит телефон, возьми трубку на кухне. Арчи дома нет, и ты не знаешь, где он и когда вернется. Я занят и не хочу, чтобы меня беспокоили. В гостиной и столовой опусти гардины, но сначала ответь, есть ли у нас целый каравай итальянского хлеба?

- Да, сэр.

- Принеси его сюда, и еще маленький ножичек и вощеную бумагу.

Я вышел вслед за Фрицем, чтобы повесить пальто в прихожей и задвинуть засов на двери. Когда я вернулся, мне пришлось включить фонарик, и в тот же миг вошел и Фриц, неся на подносе то, что требовал Вулф. Вулф велел ему встать рядом и, вооружившись ножом, острым как бритва, - у Фрица все ножи такие - взрезал каравай. Наметив в середине каравая кружок диаметром в четыре дюйма, он аккуратно извлек мякиш до самой нижней корки, но оставив саму корку нетронутой. Затем кончиками пальцев он взял *col de mort*, положил его на тыльную сторону рукавицы, плотно свернул ее и, завернув в вощеную бумагу, запихнул в отверстие, сделанное в караваяе. Оставшееся пространство он заполнил кусками бумаги и еще один лист расправил сверху. Пальцы его проделали все это так быстро и проворно, что вся операция заняла едва ли больше трех минут.

- Приготовь сейчас же шоколадную глазурь, - велел Вулф Фрицу, - и хорошенько покрой ею каравай. Потом убери его в холодильник, а остатки хлеба уничтожь.

- Слушаю, сэр. - Фриц безропотно взял поднос и удалился.

- Bravo! - язвительно воскликнул я. - Я преклоняюсь перед вашей смекалкой. Моей бы хватило только на то, чтобы швырнуть эту штуковину в ящик бюро. Конечно, замаскировать под торт куда живописнее, но какой ужасный расход шоколада, да и кто, по-вашему, явится сюда ее выискивать? Неужели вы считаете - я бы мог принести ее сюда, если бы допускал, что кто-то может заподозрить, что именно я уношу с собой?

- Не знаю. Но ведь кто-то точно знает, что она у тебя и ты ее унес, - тот, кто сунул тебе в карман сверток. У кого была возможность сделать это?

- Да у кого угодно. В кабинете собрались все. А я караулил у входной двери.

- Когда ты снял с вешалки пальто, надел его и собрался уходить, ты смотрел на окружающих?

- Нет. Мне тогда было не до того. В кабинете торчали два фараона, а мне надо было смыться да еще унести с собой это.

- Ты сказал, что, судя по всему, мисс Тормик фехтовала с мистером Ладлоу. Почему "судя по всему"? Разве этого не знают точно - да или нет?

- Кто-то, может, и знает, но только не я. Я сидел внизу в кабинете с мистером и миссис Милтан, когда консьерж обнаружил тело и поднял дикий крик.

Позже у меня уже не было возможности поговорить ни с мисс Тормик, ни с кем-нибудь еще.

Зазвонил телефон. Я не стал брать трубку, прислушался, и вскоре до нас долетел слабый голос ответившего по телефону Фрица.

Вулф откинулся в кресле и вздохнул.

- Ладно, - пробормотал он. - Расскажи-ка мне все по порядку. С той минуты, как ты пришел туда, до того, как ушел. Ничего не упускай.

Я так и сделал.

Глава 5

Без пятнадцати десять мы наконец встали из-за стола, вернулись в кабинет, включили там свет, сели и стали ждать. Произошло уже немало. Три раза звонили в дверь, но ее никто не открыл, а телефон трезвонил еще чаще.

Покончив с салатом, я предоставил Вулфу одному справляться с пирогом с зелеными помидорами, а сам прошагал в неосвещенную гостиную и, выглянув из-за окопных занавесок, посмотрел на улицу. На тротуаре, засунув руки в карманы, мерзли два угрюмых типа в штатском. Я показал им язык и, вернувшись на кухню, снял трубку телефона. Джонни Кимза и Орри Кэтера дома не оказалось, но я попросил передать им, чтобы они нам перезвонили. До Фреда Даркина и Сола Пензера мне удалось дозвониться, и я их предупредил, чтобы они ждали возможных приказаний от Вулфа, и заодно рассказал Солу о письме, которое он получит завтра с утренней почтой. Фриц, отвечавший на телефонные звонки, записал номер одного из абонентов - я почти не сомневался, что это был номер школы Милтана, но на всякий случай проверил его по справочнику, после чего велел Фрицу перезвонить туда и оставить сообщение, что мистер Вулф и мистер Гудвин сейчас уже вернулись и пока находятся дома. Сделав все это, я вернулся в столовую составить Вулфу компанию за кофе.

В кабинете, куда мы возвратились после ужина, ждать нам пришлось недолго. Не прошло и пяти минут, как у входа задребезжал дверной звонок, и мне пришлось идти в прихожую. Открывая дверь, я готовился узреть самое большее пару сержантов, и был по-настоящему удивлен, увидев знакомую одинокую фигуру в фетровой шляпе набекрень, с злобным взглядом и незажженной сигарой, свешивающейся из уголка крупного твердо очерченного рта.

- Ба, кого мы видим, - провозгласил я, посторонившись и давая ему войти. - Чем обязаны столь высокому посещению?

- Поди к черту, - прорычал, входя, инспектор Кремер. Я закрыл входную дверь, помог инспектору избавиться от пальто и шляпы и зашагал следом за ним в кабинет.

Вулф протянул вошедшему руку и дружески приветствовал его, сказав, что уже несколько месяцев был лишен такого удовольствия.

- Да уж, куда какое удовольствие. - Кремер уселся, вынул изо рта сигару, бросил на меня хмурый взгляд и, поудобнее вцепившись в сигару зубами, зарычал снова:

- Где тебя носило, Гудвин?

И тут же, не дав мне раскрыть рта, добавил:

- Да шут с тобой. Если бы я уже знал, где ты пропал, ты бы мне ответил, а раз я этого не знаю, то черта с два ты мне что-нибудь расскажешь.

- Он переместил сигару из одного угла рта в другой и, наклонившись ко мне, продолжил:

- Ты самый мерзкий паразит из всех, кого я только знаю, раз двадцать ты путался у меня под ногами, когда я был занят и мне было не до тебя. А теперь вот я приезжаю по вызову на место убийства, а мне сообщают, что важнейший свидетель преспокойно надел пальто и шляпу и удалился, - и кто бы вы думали, был этот свидетель? Да сам Гудвин, собственной персоной!

Единственный раз, когда требовалось, чтобы ты остался на месте и дождался меня, ты взял и смылся. Я уже готов был за пять центов упечь тебя за решетку. А сейчас готов сделать это даже задаром!

- Вы нашли Артура? - поинтересовался я.

- Не твое собачье дело, кого мы нашли. Чего ради ты удрал оттуда?

Я изобразил самую дружескую ухмылку:

- Просто мне так захотелось. Слушайте, инспектор, вы отлично знаете, что это пустопорожний разговор. Я удрал, чтобы не потерять работу. Мистер Вулф отправил меня туда с поручением и велел возвращаться, как только поручение будет выполнено. Я его уже выполнил, а мистер Вулф, как вам известно, не слушает никаких оправданий. Кстати, там осталась моя машина, я припарковал ее на Сорок восьмой улице...

- Не валяй дурака. Почему ты смотался?

- Я же вам толкую. Останься я там хоть до полуночи, проку было бы чуть, куча народу может порассказать об убийстве куда больше меня, а один, по крайней мере, - еще больше всех остальных. - Я позволил себе возмущенно повысить голос. - Я что, и без того мало вас выручил? Кто караулил у входа, когда явились патрульные, а потом парни из участка...

Тут я резко умолк. Кремер зловеще кивнул:

- Так-так. Дошло наконец, да? Извилины, что ли, работали туговато? А я вот уже давно додумался. Итак, Гудвин? Что там произошло после того, как приехали участковые, и перед тем, как ты снял с вешалки свое пальто?

- Да ничего.

- Нет, что-то точно случилось. И я хочу знать, что именно.

- Ничего не случилось, кроме того, что, когда полицейский сменил меня у входа, помощи от меня уже не было никакой, а вы сами знаете, на кого становится похож мистер Вулф, если я вляпываюсь во что-то, не имеющее отношения к моей работе на него.

Кремер не спускал с меня глаз. Затем он развалился поудобнее в большом кожаном кресле, посмотрел на Вулфа и медленно покачал головой.

- Как же я устал, - обиженно протянул он. - Почти всю прошлую ночь я из-за дела Эрлена провел на ногах, спать лег только в восемь утра, а теперь навалилось еще одно дело, да к тому же выясняется, что вы были замешаны в него еще до того, как все случилось, и можете сами догадываться, каким легким и простым оно мне теперь кажется.

- Могу вас заверить, - сочувственно отозвался Вулф, - что то поручение, которое я дал мистеру Гудвину, никоим образом не могло ни предотвратить, ни спровоцировать убийство. Мы в самом деле не представляли, что может случиться нечто подобное.

- Да знаю я, что это за поручение. Бриллианты Дрисколла. К чертям собачьим. Сами посудите. После того как Гудвин спустился вниз с миссис Милтан, он шесть или семь минут торчал у самого входа, дожидаясь, пока приедут патрульные. Они приехали, но снова бросили его одного до тех

пор, пока не появились люди из участка. Гудвин с самого начала знал, что расследование убийства означает для тех, кто оказался на месте преступления, когда группа приступает к работе. Если он и вправду просто хотел явиться к вам с докладом, то все, что ему требовалось, это выйти, сесть а машину и укатить. Вместо этого он ждет, чтобы приехали участковые, потом, когда один из них сменил его у входа, идет в кабинет, осматривается и вдруг как ошпаренный хватает свое пальто и шляпу, крадется в подвал, угрожает пистолетом цветному консьержу...

- Никто ему не угрожал.

- Заткнись. Приказывает, чтобы консьерж не двигался с места, выбирается вместе с раздвижной лестницей на задний двор, карабкается на забор, несет какую-то чушь про кошку своей жены, старательно грохается с забора в соседний двор, улепetyвает через кухню и ресторанный зал на Сорок девятую улицу, прыгает в такси и велит водителю ехать быстрее. А теперь еще имеет наглость уверять меня, что в промежутке между приездом участковых и той минутой, как он потянулся за пальто, ровным счетом ничего не случилось! Я спрашиваю, на что все это похоже?

- На замедленный мозговой процесс, вот на что. Впрочем, я уже привык к этому, к сожалению.

- Это похоже на дурдом. Но Гудвин пока не сошел с ума.

- Безусловно. Не совсем еще. Не хотите немного пива?

- Нет, благодарю.

Вулф нажал на кнопку, откинулся и соединил кончики пальцев на верхней точке своего необъятного пуза.

- Давайте выясним все до конца, мистер Кремер, - резонно заметил он. - Вы были очень заняты, и вам необходимо поспать. Что до вопроса, который вы подняли - насчет того, что произошло в упомянутый вами отрезок времени - то Арчи говорит, что не хотел, чтобы его продержали там до полуночи из-за нескончаемой тягомотины, которую затеяли ваши люди. Я считаю, что это замедленная работа мозга. Если в самом деле произошло что-то значительное, то совершенно очевидно, что мы не собираемся вас в это посвящать, по крайней мере сейчас, так что нет смысла останавливаться на данном вопросе. Далее, если вы спросите, почему мы не пожелали ни с кем общаться до половины десятого, я отвечу, что не хотел, чтобы нас прерывали, пока я не выслушаю полный отчет мистера Гудвина о происшествии, и еще что я терпеть не могу, когда меня беспокоят во время ужина; далее, к вашим услугам множество людей, которые там присутствовали, и вы все равно не узнали бы от Арчи ничего такого, что вам не сказали бы другие.

Вошел Фриц с подносом. Вулф откупорил бутылочку и налил себе пива.

- Что еще? Наверно, вас интересует, зачем я послал туда Арчи? Сегодня во второй половине дня к нам пришла девушка по имени Карла Лофхен. Раньше мы никогда ее не видели. Она хотела нанять меня в интересах своей подруги Нийи Тормик, которую обвинили в воровстве. Дело разъяснилось само собой после заявления мистера Дрисколла, оказавшегося забывчивым ослом. Дальше вы, несомненно, спросите, почему же мистер Гудвин не вернулся домой сразу после того, как все выяснилось и он покинул школу Милтана. Он не вернулся потому, что позвонил мне, а я велел ему задержаться. Вы знаете, что когда я берусь за дело, то хочу, чтобы мне заплатили. Как ни стараюсь я обуздывать спую жадность, все равно люблю получать гонорары даже тогда, когда предоставляю клиенту только желание помочь, а не какой-то умственный вклад. Вот я и послал его снова повидаться с мисс Тормик. Ее-то он и дожидался в кабинете Милтана, когда до них долетел крик консьержа.

Кремер медленно тер подбородок, всем своим видом выражая упрямое несогласие. Он молча смотрел, как Вулф выпил стакан пива и вытер губы, а потом повернулся ко мне:

- Слушай, ты же в своем уме. Когда-нибудь, когда я не буду так занят, я скажу тебе, кто ты есть, но только не сумасшедший. Давай представим, что ты мне рассказываешь маленькую историю.

- Да я вам и длинную бы рассказал. Когда мы услышали вопли, я находился в кабинете с мистером и миссис Милтан...

- Нет, нет. Назад. Начни со своего прихода. Мне нужны подробности.

Я исполнил его желание и изложил все в своем лучшем стиле. По тону Вулфа я понял, что сегодня в программе - стремление угодить (предметами не первой необходимости), так что постарайся не упустить ни одной маловажной детали. И я не ударил в грязь лицом. Одним из небольших пробелов в моем рассказе стал короткий разговор между двумя балканками и мной, когда я караулил выход из здания. Когда я закончил, Кремер задал мне несколько вопросов, ответить на которые труда не составило, после чего снова ехидно проехался по поводу интересующего его отрезка времени. Единственное, что я добавил к своим прежним объяснениям, было то, что я проголодался. С минуту он сидел и, насупившись, жевал сигару, а потом обратился к Вулфу:

- Не верю, - решительно заявил он.

- Вот как? Чему именно вы не верите, мистер Кремер?

- Я не верю, что Гудвин рехнулся. Я не верю, что он сбежал таким идиотским способом только потому, что стосковался по дому и проголодался. Не верю, что он вернулся в школу снова, чтобы получить гонорар с мисс Тормик.

Не верю, что здесь все чисто и гладко, раз дело касается вас, и что вас совершенно не интересует это убийство.

- Я вовсе не сказал, что убийство меня не интересует.

- А! Не сказали? Значит, оно вас интересует?

Вулф скривился:

- Да. Если угодно. Когда Арчи караулил у дверей, мисс Тормик приблизилась к нему и попросила его - точнее, меня - действовать и дальше в ее интересах. Он согласился. И так, я взялся за дело, а доход, который оно мне обещает... - Вулф пожал плечами. - Все равно, меня уже наняли. Из-за этого-то Арчи и решил, что следует немедленно пообщаться со мной наедине. Вы знаете, мистер Кремер, когда представляется подходящий случай, я умею быть искренним...

Инспектор вонзил зубы в сигару и взбешенно процедил:

- Так я и знал!

Брови Вулфа в ответ поднялись на миллиметр:

- Что вы знали?..

- Да все. Как только я узнал, что Гудвин был там и удрал в погоне за несуществующей кошкой... И так все шло к тому, что дело запутанное, а тут еще и это! Так, значит, у вас есть клиент! И конечно, ваша клиентка - та самая, которая фехтовала с убитым в том зале в конце коридора! Не иначе! -левой рукой он спас сигару от расправы, догадавшись вынуть ее изо рта, и одновременно стукнул по столу правым кулаком. - Поймите, Вулф! Я пришел к вам, чтобы предложить сотрудничать, невзирая на то, что Гудвин нагло смотался оттуда! И что я получил в ответ? Вы пытаетесь внушить мне, что за какие-то несчастные десять секунд ваш служащий успел втянуть вас в расследование убийства! Чушь! - Кремер снова стукнул по столу. - Я знаю, на что вы способны - лучше меня никто этого не знает. А я, как последний дурак, пришел к вам с надеждой на короткое серьезное обсуждение, и на это вы мне заявляете, что работаете на клиента! Как это у вас всегда появляется какой-то чертов клиент? Само собой, с этой минуты я перестаю верить каждому слову...

Мне удалось наконец, махая руками, остановить его рев: зазвонил телефон, по мне ничего не было слышно. Спрашивали Кремера. С ворчанием он встал и подошел к моему столу, чтобы взять трубку; я посторонился. Несколько минут он в основном только слушал, а потом ему как будто

сказали что-то неприятное, судя по тому, как он, против обыкновения, не сдержался и крепко выругался по телефону. Он дал несколько указаний, опустил трубку на рычаг и произнес спокойно, но крайне ядовито:

- Так, теперь совсем замечательно.

Вернувшись на свое место, он с минуту сидел молча, покусывая губу.

- Просто замечательно, - повторил он. - Чудесный случай, только раскрывай. Больше мне тут делать нечего.

- Вот как, - пробормотал Вулф.

- Именно. В дело ввязались три фэбээровца. Пусть считается, что расследование убийства, совершенного в Манхэттене, - дело уголовной полиции, которую я как будто возглавляю, но что я по сравнению с фэбээровцами? Пошли я их к черту, комиссар скажет - ах, как же так, надо же сотрудничать. К тому же тут еще две неприятные стороны. Во-первых, у дела сразу появляется совершенно другая окраска, о которой мы даже и не подозревали, - на редкость ободряющее соображение. Во-вторых, кто бы теперь ни распутал дело, неважно - как и когда, весь жар загребет ФБР. Они вечно так.

- Ну-ну, инспектор, - запротестовал я, - ФБР - представители американцев, и вряд ли мы очень погрешим против истины, если скажем, что фэбээровец - это сама Америка...

- Заткнись. Хотел бы я, чтобы ты сам угодил служить в ФБР и они услали тебя на Аляску. Учти, я могу тебя арестовать.

- Вот как, для меня это новость. Что, разве есть управа на невиновных, которые не смогли побороть в себе отвращения при виде крови и удрали домой на такси?

- Где ты там углядел кровь?

- Не видел я никакой крови. Это так, для красного словца.

- Метафора, - буркнул Вулф.

- Издеваетесь. Ладно. - Кремер воззрился на Вулфа. - Значит, вы работаете на клиента.

Вулф соорудил гримасу.

- Что делать, в порядке эксперимента, раз Арчи дал свое согласие. Я говорю "в порядке эксперимента", так как мне еще не довелось с ней познакомиться. Когда я увижу ее и побеседую с ней, я сразу пойму, виновна она или нет.

- Значит, вы допускаете, что она может быть виновна?

- Конечно, может. - Вулф поднял палец. - Мистер Кремер, хотите, я выскажу одно соображение? Раз вы настаиваете на сотрудничестве.

Расспрашивать меня вам невыгодно вдвойне, коль скоро вы исходите из того, что не поверите ничему сказанному мной, и раз я не знаю никого из тех людей и мне все равно, что там происходит.

- Это вы так говорите.

- Верно, сэр, я. Зато мне расспросить вас было бы неплохо. Это, безусловно, помогло бы мне, а в конечном счете - и вам тоже.

- Великолепная мысль. Просто восхитительная.

- Именно.

Кремер положил на поднос изжеванную сигару, достал еще одну и сунул ее в рот.

- Ну, валяйте.

- Спасибо. Во-первых, конечно, о том, что удалось установить.

Кто-нибудь арестован?

- Нет.

- Подходящий мотив вы нашли?

- Нет. Никакого, даже самого отдаленного.

- Понятно. А из обычной рутины - отпечатков пальцев, фотографий, свидетелей - ничего не выплыло?

- Нет. Одна или две вещи могут представлять некоторый интерес, но найти их мы не смогли. Вы что-нибудь смыслите в фехтовании?

Вулф покачал головой:

- Ровным счетом ничего, - В общем, та штука, которой его закололи, называется шпага. У нее треугольное сечение и нет режущего края, а кончик ее такой тупой, что если им сильно ткнуть в человека, клинок просто сломается - он очень сильно гнется. Во время фехтования на шпагу надевают маленькую стальную насадку с тремя выпуклыми точками. Эти точки только показывают на куртке противника место укола; благодаря толстой насадке шпага не может проколоть щитков, которые надевают фехтовальщики, или маску, защищающую лицо.

- На нем же не было никакой маски, - вставил я.

- Я знаю, что не было, а значит, в тот момент, когда его убили, он в самом деле не фехтовал. Милтан сказал, что никто и никогда не фехтует, не надев маски. Та, что надевал во время занятий Ладлоу, валялась на скамье у стены. На шпаге, которая пронзила его, насадки не было - просто торчал затупленный конец клинка; но такой тупой шпагой проткнуть человека совершенно невозможно. Однако в кабинете Милтана в стеклянном шкафу хранилась одна штучка - она исчезла, миссис Милтан обнаружила это как раз тогда, когда в кабинете находился Гудвин. Она назвала эту штучку "калдимор".

Вы говорите по-французски и можете произнести название лучше меня.

- Да, Это col de mort.

- Правильно. Взять его из шкафа мог кто угодно. Миллион к одному, что его-то и надели на шпагу, которой закололи Ладлоу. На расстоянии нескольких футов, да еще когда шпагой орудуют, Ладлоу ни за что не отличил бы этот наконечник от обычной насадки на шпагу. Но и "калдимора" на шпаге не было.

Значит, его сняли потом. Мы обыскали двадцать человек буквально до нитки. Но "калдимор" словно в воду канул. Из здания вышел только один - Гудвин, которого вы видите перед собой. Как вы думаете, он не мог прихватить с собой эту штучку в виде сувенира?

Вулф слегка улыбнулся:

- Я бы до этого не додумался. Может, ее просто выбросили в окно?

- Может быть. Мои люди и сейчас еще продолжают ее искать в крошечной тьме с помощью фонариков. Заодно они ищут еще одну исчезнувшую вещь. Мисс Тормик утверждает, что из шкафа в раздевалке пропала рукавица, одна из дамских фехтовальных перчаток. Мисс Лофхен и еще одна дама, называющая себя Зорка, так не думают. Миссис Милтан не хочет себя никак компрометировать.

Похоже, никто точно не знает, сколько было этих рукавиц.

- А где насадка, которую надо было снять со шпаги, прежде чем надеть на нее col de mort?

- Они все на месте. В ящичках, в фехтовальных залах.

- Если шпагу хватали без перчатки, с эфеса можно снять отпечатки пальцев?

- Нет. Он обернут бечевкой или чем-то другим вроде этого, чтобы за него было удобнее брать.

- Понятно. - Кажется, Вулф говорил сочувственно. - Итак, пропали две вещи, которые могли бы помочь в расследовании. Я обещаю вам, мистер Кремер, если Арчи в самом деле прихватил с собой эти игрушки, то я позабочусь, чтобы вам их передали сразу же, как только мы с ними покончим. Теперь дальше.

Сколько людей находилось в здании, когда был обнаружен труп?

- Если считать всех, то двадцать шесть.

- Скольких вы уже исключили?

- Почти всех - на подозрении осталось восемь или девять человек.

- А именно?

- Во-первых и прежде всего, та девушка, которая с ним фехтовала. Ваша клиентка.

- Ничего иного я и не ожидал. Если после того, как я с ней повидаюсь, она останется моей клиенткой, я ее сам исключу. А кого вы еще подозреваете?

- Девушку, которая приходила к вам, Карлу Лофхен. Она фехтовала с Дрисколлом, но они уже закончили и ушли в раздевалки, так что она вполне могла прокрасться в зал в конце коридора и совершить убийство. Дрисколла.

Вообще-то непохоже, но не исключено. Зорку. Она была в большом зале на этом же этаже, вместе с молодым человеком по имени Тед Гилл. Он заявил, что вообще не умеет фехтовать и учился у нее азам.

- Это тот самый, - заметил я, - который вчера был вместе с Белиндой Рид, когда они увидели нашу клиентку на пути в раздевалку, только она туда шла не затем, чтобы стянуть бриллианты Дрисколла.

- Правильно. Дальше у нас по списку сама девица Рид и молодой Барретт.

Они бродили по всему этажу - трудно точно установить, где же они находились.

Конечно, если это Дональд Барретт, можете сами им заняться. Еще некто по имени Рудольф Фабер.

- Неандерталец без подбородка.

- Не оригинально, но сойдет. Кстати, это из-за него никого не арестовали. Сколько уже насчитали?

- Десять.

- Значит, десять. И ни у кого из всей компании никакого определенного мотива. Я бы не...

Зазвонил телефон. Я взял трубку и почти сразу передал ее Кремеру.

- Это вас. Ваш босс.

- Кто?

- Полицейский комиссар, кто же еще.

Кремер поднялся, покорно произнес: "Ох, дьявольщина", - проплелся к телефону и взял трубку.

Глава 6

Этот телефонный разговор можно было разделить на две части. Сначала говорил в основном Кремер - почтительно и воинственно одновременно, - докладывая о сложившейся ситуации, сетуя на недостаток данных, чтобы двигаться вперед. В течение же второй части, гораздо более короткой, Кремер молча слушал, что ему говорили, и, похоже, приятного в этом было мало, судя по модуляциям его мычания и выражению его лица, когда он наконец повесил трубку и вернулся в свое кресло.

Усевшись, он сердито воззрился на нас.

Вулф сказал:

- Наверно, вы так сокрушаетесь из-за того, что не можете найти подходящий мотив.

- Что? - Кремер взглянул на Вулфа. - А, да. Я бы отдал свой выходной день, чтобы выяснить то, что уже известно вам.

- Ну, на это вам одного выходного не хватит. Я как-никак читаю немало книг.

- Плевал я на ваши книги! Я совершенно убежден, что вы знаете об этом деле что-то такое, о чем я понятия не имею; я понял это, стоило мне услышать о Гудвине. Хотя и не самое приятное удовольствие лицезреть вашу физиономию, мне все-таки любопытно, что на ней отразится, когда я скажу, что комиссар мне сейчас сообщил, как десять минут назад ему позвонили из британского главного консульства. Консул заявил, что он потрясен внезапной насильственной смертью британского подданного по имени Перси Ладлоу и надеется, что мы не пожалеем никаких усилий и так далее.

Вулф покачал головой:

- Боюсь, моя физиономия вам вряд ли поможет. Могу ответить одно - похоже, у британского главного консула завидные источники информации. Сейчас полонинадцатого вечера. Убийство произошло всего четыре часа назад.

- Ничего тут нет замечательного. Он услышал об убийстве по радио, в выпуске новостей.

- А источником сведений в выпуске новостей были вы или ваши люди?

- Естественно.

- Стало быть, вы тогда уже выяснили, что Ладлоу - британский подданный?

- Нет. Никто о нем ничего толком не знает. Мои люди сейчас этим занимаются.

- Тогда то, что у консула уже есть какие-то сведения, еще более занятно. Услышав по радио, что на Сорок восьмой улице в школе танцев и фехтования убит человек по имени Перси Ладлоу, консул сразу сообразил, что убитый - британский подданный. Более того, он даже не стал дожидаться утра, чтобы послать из своей конторы стандартный запрос в полицию, а сразу же лично позвонил комиссару. Стало быть, либо сам мистер Ладлоу был значительной фигурой, либо он был замешан в важных делах. Вполне вероятно, что у консула можно разузнать какие-то подробности.

- Премного благодарен. Комиссар встречается с ним в одиннадцать. А пока - как насчет того, чтобы вам самому поделиться некоторыми подробностями?

- Я не знаю никаких подробностей. Имя мистера Ладлоу я в первый раз услышал сегодня около шести вечера.

- Это я уже слышал. Никаких, как же. Ладно, к чертям собачьим вас с вашим клиентом. Я не гнушаюсь расследований - это моя работа и я стараюсь ее выполнять, но я терпеть не могу, когда сюда примешивают всякие иностранные штучки-дрючки. К примеру, две девицы, которые еле говорят по-английски. Раз им позарез хочется попрыгать со шпагами, то отчего бы им не заняться этим у себя на родине? Или взять Милтана - кажется, он что-то вроде француза и его жену. А Зорка? Или малый по имени Рудольф Фабер, который напоминает карикатуру на прусского офицера времен мировой войны? А теперь туда сбежались фэбээровцы и всюду суют свой нос, и в довершение главный консул сообщает, что даже убитый - вовсе не простой честный американец...

- Из доброй старой Ирландии, - вставил я.

- Заткнись. Вы понимаете, что я хочу сказать. Мне все равно, кто от кого произошел, от итальяшек, индейцев, евреев или каких-нибудь эспаньоле там или янки, негров или голландских колонистов, коль скоро они граждане Америки. Вы мне дайте американское убийство, в котором был бы американский мотив и фигурировало бы американское оружие, это дело другое, тут мы

потягаемся. Но всякие выкрутасы проклятых чужаков, все эти шпаги, калдиморы и консулы, только и знающие что звонить насчет своих драгоценных подданных - да и сам я хорош, раз имел глупость притащиться к вам. Нет, это выше моих сил. Стоило бы лучше арестовать вас, продержат до рассвета в холодной камере - глядишь, вы бы совсем по-другому запели.

Казалось, он вот-вот встанет с кресла. Вулф поднял ладонь:

- Прошу вас, мистер Кремер. О Господи, ведь труп едва успел остыть! Вы не объясните мне, почему, как вы выразились, мистер Фабер взял на себя ответственность за то, что никого не задержали? Если я вас правильно понял, конечно.

- Посмотрим. А вы знаете Фабера?

- Я уже сказал, что все эти люди мне совершенно незнакомы. Я лгу, только когда мне это выгодно, причем так, чтобы ложь нельзя было изобличить.

- Ладно. Я бы задержал вашу клиентку - почти уверен, что задержал бы, - если бы не Фабер.

- Значит, я перед ним в долгу.

- Именно так. Если бы не отсутствие мотива, который, впрочем, еще всплывет, то все указывает на мисс Тормик. Она призналась, что фехтовала с мистером Ладлоу в том зале. Судя по всему, больше туда никто не входил, хотя, конечно, кто-то мог проскользнуть незамеченным. Мисс Тормик заявила, что, когда она вышла из комнаты, Ладлоу сказал, что он еще останется и потренируется с манекеном. Манекен - это такая штука, прикрепленная к стене, с механической рукой, на которую цепляют шпагу. Она сказала, что пошла в раздевалку, оставив щитки, перчатки и маску, а потом...

- А куда она дела свою шпагу?

- Говорит, что оставила ее тоже в фехтовальном зале. Там на стойке больше дюжины шпаг. Одна из них, с надетой насадкой, валялась неподалеку от тела Ладлоу - предположительно это та, которой фехтовал он сам. На Ладлоу не было маски, но, разумеется, она могла и соскочить после того, как его убили.

Я не вижу причин, зачем ее снимать, разве что создать видимость, что, когда его убили, он не фехтовал. Как, впрочем, я не вижу и причин снимать калдимор, разве что кому-то захотелось затеять игру в прятки. Но вернемся к Фаберу. Он находился внизу, в танцевальной комнате, вместе с Зоркой, пока она не ушла с Тедом Гиллом, чтобы показать тому, как нужно держать шпагу.

После этого Фабер поднялся наверх и переоделся в фехтовальный костюм, намереваясь позаниматься фехтованием с Карлой Лофхен, когда она закончит урок с Дрисколлом. Он окопачивался в коридоре на третьем этаже, когда мисс Тормик вышла из комнаты в конце коридора, причем Ладлоу он тоже видел - тот открыл ей дверь, когда она выходила. Ладлоу окликнул Фабера и спросил, не хочет ли он немного пофехтовать, и Фабер отказался. По его словам, Ладлоу сказал: ладно, он пока набьет руку, разминаясь с манекеном, - и вернулся в комнату, закрыв за собой дверь, а Фабер и мисс Тормик направились в нишу в другом конце коридора, сели и выкурили по сигарете. Они оставались там до тех пор, пока консьерж не вошел в комнату, думая, что там никого нет и можно взяться за уборку, но тут увидел тело и выбежал, вопя во все горло. Они бросились туда, чтобы взглянуть, в чем дело, а тут подоспели и остальные из разных комнат и залов.

Вулф, сидевший с закрытыми глазами, чуть приоткрыл их до щелочек.

- Понятно, - пробурчал он. - После всего этого арестовать ее вы все равно не могли, даже зная, что она моя клиентка. С того места, где они сидели, виден весь коридор?

- Нет, ниша расположена за углом.

- Сколько времени они там просидели до того, как поднялась суматоха?

- Пятнадцать-двадцать минут.

- Кто-нибудь их видел?

- Да. Дональд Барретт. Он искал мисс Тормик, чтобы пригласить отужинать с ним. Он подошел к двери женской раздевалки, и мисс Лофхен сказала ему, что мисс Тормик здесь нет. Потом он разыскал их в нише и оставался с ними минут пять перед тем, как поднялся гвалт.

- Он не искал ее в зале в конце коридора?

- Нет. Мисс Лофхен сказала ему, что мисс Тормик заходила в раздевалку и оставила щитки, перчатки и маску, и он решил, что она уже не фехтует.

Немного помолчав, Вулф вздохнул и сказал раздраженно, но негромко:

- Ну что ж, я не понимаю, какого дьявола вы ополчились на мою клиентку.

Кажется, она с ног до головы - сама невинность.

- Конечно, все прекрасно. - Кремер резко встал. - Но... тут есть и еще кое-что. Насколько это известно, именно она и никто другой, находилась с ним в той комнате, и не просто находилась, а делала против него выпады со шпагой в руке. Дальше, алиби, которое ей обеспечивает Фабер, - это из тех чистюлек, которые могут быть на девяносто девять процентов правдой и все-таки оказываются фальшивкой. Достаточно выкинуть из его рассказа то место, где он утверждает, будто видел Ладлоу и говорил с ним, когда мисс Тормик уходила из комнаты. Я не утверждаю, что мне известна причина, по которой Фабер...

Тут вошел Фриц и прервал его. Остановившись у двери, он дождался кивка Вулфа, затем приблизился к его столу и протянул поднос с карточкой. Вулф взял карточку, взглянул на нее и поднял брови.

Он велел Фрицу подождать и задумчиво посмотрел на стоявшего Кремера.

- Вы понимаете, - сказал он, - раз вы все равно уходите, мне ничего не стоило бы попросить посетителя подождать в гостиной, и вы ушли бы не солоно хлебавши. Но я в самом деле хочу сотрудничать, когда это в моих силах.

Одного из перечисленных вами обитателей школы Милтана отпустили. Или разрешили уходить, намереваясь следовать за ним, - по-моему, такой ваш обычный прием.

- Кого именно отпустили?

Вулф снова бросил взгляд на карточку.

- Мистера Рудольфа Фабера.

- Ничего себе! - Кремер вытаращил глаза на Вулфа не меньше чем секунд на семь. - Чертовски неподходящее сейчас время, чтобы являться без предупреждения к совершенно незнакомому человеку.

- Совершенно верно. Пожалуйста, Фриц, приведи его.

Кремер повернулся лицом к двери.

Я засчитал очко неандертальцу. Может, его подбородок и подкачал, но нервы были в порядке. Если у него и была причина, увидев неожиданно инспектора Кремера, оцепенеть от ужаса, или, по крайней мере, от удивления, он тем не менее не отпрянул и не побледнел. Он только приостановился, едва не щелкнув каблуками, поднял бровь и двинулся дальше.

Кремер что-то проворчал в его адрес, затем пробурчал Вулфу и мне "спокойной ночи" и нехотя затопал к двери. Я поднялся, чтобы поприветствовать пришедшего, предоставив Фрицу проводить Кремера. Вулф смирился с неизбежным и пожал Фаберу руку, после чего предложил сесть в кресло, еще теплое после сидевшего в нем Кремера. Фабер поблагодарил и, прищурившись, воззрился на Вулфа, а затем повернулся ко мне и резко спросил:

- Как это вам удалось выбраться оттуда? Подкупили фараона, что ли?

Мне достаточно было одного взгляда на него, чтобы понять: задавать вопросы в таком тоне - его обычная манера. Он, казалось, считал само собой разумеющимся, что раз он задал вопрос, ему на него тотчас же и ответят. Я такого не люблю и не знаю никого, кто позволил бы себе так со мной разговаривать.

Я ответил:

- Отправьте мне письмо с нарочным, и я скажу секретарю моего секретаря, чтобы он разобрался в этом вопросе.

Его лоб собрался недовольными морщинами:

- Слушайте, приятель...

- Вы что, обалдели? Какой я вам приятель? Я сам себе голова, и мы находимся в Соединенных Штатах Америки. Я служащий Ниро Вулфа, его телохранитель, делопроизводитель и наемный раб, но в любую минуту могу уволиться. Я принадлежу себе, и никому больше. Не знаю, в какой части света обитаете вы, но...

- Хватит, Арчи. - Вулф произнес это, даже не потрудившись посмотреть на меня; его глаза были прикованы к посетителю. - Похоже, мистер Фабер, вы не понравились мистеру Гудвину. Не обращайтесь внимания. Чем я могу вам помочь?

- Прежде всего, - ответил Фабер на своем безукоризненном английском, - вы могли бы дать указание своему подчиненному, чтобы он отвечал на вопросы, которые ему задают.

- Да, наверное, мог бы. Когда-нибудь я попробую это сделать. Чем могу еще служить?

- В вашей стране, мистер Вулф, нет никакой дисциплины.

- Ну, я бы так не сказал. Здесь много разных видов дисциплины. То, что хорошо волку, для оленя - смерть. Мы подчиняемся дорожным полицейским и требованиям гигиены, но некоторые свободы нам очень даже по душе. Впрочем, я уверен, что вы пришли не для того, чтобы призвать к порядку мистера Гудвина.

Даже и не пытайтесь, вам такая затея надоеет очень быстро. Лучше выбросьте это из головы. Так что же еще?..

- Я хочу убедиться, удовлетворяет ли меня ваша позиция и намерения в отношении мисс Нийи Тормик.

- Ну что ж, - проворковал Вулф, стараясь держать себя в руках. - А что именно требует удовлетворения? Ваше любопытство?

- Нет. Мои интересы. В определенных обстоятельствах я мог бы подготовиться и объяснить свой интерес, и вы сочли бы выгодным для себя пойти мне навстречу. Я, конечно, наслышан о вашей репутации - и о методах тоже. Вы стоите дорого. Деньги - это все, что вы хотите.

- Я люблю деньги и трачу их немало. Не хотите ли вы сказать, мистер Фабер, что я мог бы тратить и ваши деньги?

- Вполне возможно, если я вам заплачу.

- Совершенно справедливо. А каким образом я мог бы их заработать?

- Не знаю. Дело безотлагательное и требует осторожности и благоразумия.

Я видел здесь полицейского инспектора - вы можете убедить меня, что вы сами не тайный агент полиции?

- Затрудняюсь ответить. Я же не знаю, насколько трудно вас убедить.

Например, я могу дать слово, но я-то знаю, чего оно стоит, а вы - нет. А прежде чем я впрягусь в трудности, чтобы сдержать свое слово, я бы сам хотел кое в чем убедиться. Например, в вашей собственной позиции и намерениях.

Ограничиваются ли ваши личные интересы только мисс Тормик, или они немного шире? И совпадают ли ваши интересы с ее собственными? По крайней мере, не враждебны ли ей ваши интересы, как я полагаю, или вы не стали бы подтверждать ее алиби, когда ей угрожало обвинение в убийстве. Конкретно, что это за интересы?

Рудольф Фабер посмотрел на меня, еще больше сжал и без того тонкие губы и сказал Вулфу:

- Отошлите его из комнаты.

Я собрался было ехидно ухмыльнуться, зная, какой прием встречает подобное предложение, независимо от того, от кого оно исходит; но ухмылка замерла на моем лице, когда я с превеликим удивлением услышал, как Вулф спокойно говорит:

- Конечно, сэр. Арчи, выйди, пожалуйста.

Я был так поражен и взбешен одновременно, что встал, собираясь уйти, без единого слова. Кажется, меня шатало. Но когда я почти дошел до двери, меня остановил донесшийся сзади голос Вулфа:

- Кстати, мы обещали позвонить мистеру Грину. Ты можешь позвонить из комнаты мистера Бреннера.

Вот оно что. Мог бы я и сам догадаться.

- Да, сэр, - ответил я и, выйдя из комнаты, закрыл за собой дверь и сделал три шага в сторону кухни. Там, где я остановился, на левой стене, отделяющей от кабинета прихожую, висело порыжевшее от времени резное деревянное панно, состоящее из трех секций. Две боковые секции были прикреплены на петлях к средней. Я потянул на себя правую часть, немного нагнулся - поскольку панно висело на уровне глаз Вулфа - и заглянул в смотровой глазок, скрытый со стороны кабинета картиной с двумя отверстиями, закамуфлированными дымкой. Я видел их обоих, Фабера в профиль, а Вулфа целиком - я имею в виду лицо. Я слышал также и их голоса, немного натянутые, но было ясно, что оба продолжали пикировку, причем совершенно бессмысленную, и я отправился на кухню. На кухне Фриц в носках читал газету, а рядом на другом стуле лежали его тапочки - на случай, если его вызовут. Фриц поднял глаза и кивнул.

- Молока не хочешь, Арчи?

- Нет. Говори потише. Там отверстие не прикрыто. Вулф что-то замышляет.

- А! - глаза Фрица замерцали. Ему правилась конспирация и всякие зловещие штучки. - Подходящее дельце?

- Дьявольское дельце. Прямо вторая мировая война. Она началась сегодня на Сорок восьмой улице. Лучше не разговаривай.

Я уселся на краешек стола на пару минут, судя по моим часам, после чего снял трубку внутреннего телефона и позвонил в кабинет. Ответил мне Вулф.

- Это мистер Гудвин. Грин говорит, что хочет потолковать с вами.

- Я занят.

- Я ему так и сказал. Он ответил - мол, какого черта.

- Можешь изложить ему программу не хуже меня, и те отчеты, которые мы вчера получили...

- Я и это ему сказал. Он говорит, что хочет выслушать все от вас лично.

Подключаю его к вашей линии.

- Нет, нет, не надо. Пропади он пропадом. Ты же знаешь - я не один, и разговор у меня конфиденциальный. Попроси его не вешать трубку. До чего же он занудливый субъект. Сейчас я подойду и поговорю с другого телефона.

- Хорошо.

Я повесил трубку и на цыпочках вернулся к резному панно на стене. В эту минуту из кабинета вышел Вулф, закрыв за собой дверь. Он поспешно приблизился ко мне и прошептал:

- Молодец, быстро сообразил.

И тут же приник к отверстию.

Я едва не опоздал. Рудольф Фабер оказался малый не промах. Вулф и двух секунд не смотрел еще в глазок, как вдруг резко дернул рукой и махнул.

Топать мне не полагалось, поэтому я сделал три быстрых шага в сторону кабинета, по возможности стараясь ступать помягче, распахнул дверь и, не останавливаясь, влетел в кабинет. Фабер резко замер на полпути - он стоял в противоположной стороне от своего кресла, спиной к книжным полкам, но в руках у него ничего не было. Он сразу бросил на меня взгляд прищуренных глаз, но вообще-то лицо его было бесстрастно, если не считать врожденного выражения чванливости и упрямства. Мельком взглянув на него, я прошествовал к своему столу, уселся, достал из ящика стопку бумаг и принялся просматривать их, будто выискивая что-то.

Он не произнес ни слова, и я тоже. Я просмотрел бумаги и взялся за другую стопку, и уже готовился продолжать в том же духе, но этого не потребовалось. Я дошел до половины второй пачки, когда из двери, ведущей в прихожую, послышался какой-то шум, и дверь почти сразу открылась. Я глянул туда и перенес новое потрясение. В дверях стоял Ниро Вулф, в пальто, шарфе, шляпе и перчатках, с тростью в руках. Я так и уставился на него.

- Прошу прощения, - обратился он к Фаберу, - я должен отлучиться по делу. Если вы хотите продолжить, приходите завтра между одиннадцатью и часом или от двух до четырех, либо же - от шести до восьми. Это мои приемные часы.

Арчи, давай поедем на "седане". С вашего позволения. Фриц! Фриц, проводи, пожалуйста, мистера Фабера...

На сей раз Фабер все же щелкнул каблуками. Не смог, должно быть, бедняга, сдержать огорчения. Он вышел, так и оставив открытым вопрос о том, продолжат ли они завтра или нет.

Когда Фриц вернулся в кабинет, Вулф сказал:

- Возьми все это, пожалуйста. - И вручил ему трость, шляпу, перчатки, шарф и пальто. - И принеси две бутылочки пива.

Услышав это, я запихал бумаги обратно в ящик стола и отправился на кухню за стаканом молока. Когда я вернулся в кабинет, Вулф снова сидел за своим столом, откинувшись и закрыв глаза. Усевшись, я потягивал молоко, пока появление пива не заставило Вулфа выпрямиться, и изрек:

- Вы все-таки точно гений. Он уже тянулся к "Объединенной Югославии".

Вулф кивнул.

- Даже почти дотронулся до нее, когда ты вошел.

- Удачная догадка.

- Никакая не догадка, а опыт. Он явно тянул время. Ничего не сказал и не собирался ничего говорить. Но он хотел, чтобы ты вышел из комнаты.

Почему?

- Конечно. Очень хорошо. Но как он собирался и вас тоже выставить из комнаты?

- Не знаю. - Вулф опустошил стакан. - Мне, слава Богу, незачем вникать в его мысли. Я же вышел, чего же еще?

- Ну да. Ладно. Итак, или одна из балканок послала его сюда, чтобы он раздобыл документ, или он держит в руках мисс Тормик, потому что от него зависит ее алиби в убийстве, или он... Дьявол и преисподняя! - Я хлопнул себя по бедру. - Понял! Он - князь Доневиц!

- Не паясничай. Я не настроен шутить такими вещами.

- Это я уже сообразил. - Я отхлебнул молока. - Все равно, что дальше?

Беремся мы за дело или нет? Если да, то как вы это себе представляете?

- Не знаю. Мне все это не по нутру. И документ тот мне не нравится. И та штука, которая лежит в холодильнике, замаскированная под торт, мне тоже не нравится. Не стоило бы нам начинать поиски, кто той штучкой воспользовался, но переложить это на мистера Кремера мы тоже не можем - и в том и в другом случае приятного для нас мало. А ответственность лежит на мне. Я же удочерил ту девушку.

- Вы даже не знаете, она ли это.

- Это я намерен выяснить, Я снова посылал тебя туда, чтобы ты привел ее. Но ты этого не сделал.

- Ну, знаете! - Я вытаращил на него глаза. - Как прикажете вас понимать - мне следовало сунуть ее в чемодан и взять с собой, когда я удирал через подвал, падал с забора и так далее? Нет. Вы просто цепляетесь ко мне - одному Богу известно, как вы хорошо это умеете. Может, вы хотите, чтобы я сейчас ее к вам доставил?

- Да.

Я раскрыл рот:

- Сейчас?

- Да.

Я посмотрел на него. Он меня не разыгрывал; он в самом деле хотел сказать то, что сказал. Без дураков. Именно в эту минуту я и принял решение никогда, ни при каких обстоятельствах никого не удочерять. Не говоря ни слова, я покончил с молоком и поднялся, и через минуту вышел бы, если бы не зазвонил телефон.

Я сел и взял трубку:

- Контора Ниро Вулфа. Арчи Гудвин слушает.

- А, мистур Гюдвинн? Иэтно мадам Зоррка.

- Да-да. - Я сделал Вулфу знак, чтобы он взял трубку параллельного аппарата, - Мы с вами сегодня видеться.

- Да. Поиэтому я и звонить. Надо зе, сто случилось, иэто просто узасно!

- Вы правы. Совершенно ужасно.

- Да. А полиция, они столько меня расспрашивать! Я им все рассказать, кроме одного. Я нээ сказала, сто видела, как миис Тормик сунула вам в карман...

- Вы им не сказали?

- Нет. Я думала, иэто нэ мое дело, и я не хочу никаких неприятностей.

Но я очень волновать. Теперь я думаю - ведь иэто убийство, и мой долг... Я должна все зе сказать полиции, а то я не усновать. Иэто святость долга.

- Конечно, я понимаю. Ваш святой долг.

- Да. Но есе я подумать, сто будет справедливо, если сначала я расскажу вам, а потом полиции. Вот я вам и говорю. А сейчас позвоняю в полицию.

- Подождите минутку, пожалуйста. Чтобы я вас правильно понял. Вы намереваетесь сейчас позвонить в полицию?

- Да.

- Точнее - что вы собираетесь им сказать?

- Сто я видела, как миис Тормик сто-то сунуть в карман васего пальто, которое висели на весалке - так, стобы этого никто не заметить. А потом очень быстро вы забирать с весалки пальто и усли.

- Тепер слушайте, что я скажу. - Я постарался рассмеяться. - Вы, конечно, все верно заметили. А где вы сейчас?

- Мне позволили уйти домой. Я в своей квартире на Семьдесят восемь улица Восточна, дом пятьсот сорук два.

- Тогда вот что. Я захвачу мисс Тормик, и мы заскочим к вам. Если вы считаете, что мы убийцы, хотя это совсем не так...

- О, я нисколько не страшуюсь. Просто я беспокойся.

- Не беспокойтесь. Мы будем у вас меньше чем через час. Вы уверены, что будете дома?

- Конечно.

- Полиция может и подождать.

- Но не дольше, миистур Гюдвинн.

- Договорились. Железно.

Я положил трубку и встал.

- Ну вот, - сказал я, ничего особо не чувствуя - вернее, чувства были слишком глубоки. - Приехали. Что я еще мог сказать?

- Ничего, - пробурчал Вулф. - Тепер помолчи.

Он закрыл глаза, и губы его начали втягиваться и выпячиваться. Так продолжалось минут десять. Я сел и попытался придумать, как еще можно поступить с Зоркой, чтобы избежать похищения, но мозги не хотели работать - я был чертовски разозлен. Наконец Вулф спокойно сказал:

- Соедини меня с мистером Кремером.

Это потребовало некоторых усилий, так как болваны, которых Кремер оставил в школе Милтана, должны были посоветаться между собой, даже чтобы признаться, что инспектора там нет. Моей второй попыткой был звонок в кабинет Кремера в полицейском участке, где я до него и добрался; центр расследования, похоже, переместился сюда. Вулф взял трубку:

- Мистер Кремер? У меня кое-что появилось по делу Ладлоу. Нет, это немного сложно. Я думаю, самое лучшее - если кто-то из ваших людей как можно скорее приведет сюда, в мой кабинет, мадам Зорку и мисс Тормик. Нет, я готов сотрудничать, но, по-моему, едва ли другой вариант окажется подходящим. Нет, я не распутал дела, но есть некоторые сдвиги, которые, я уверен, должны вас заинтересовать. Вы сами знаете, что на меня в подобных вещах можно положиться. Вы сами придете? Прекрасно.

Он повесил трубку и потер нос указательным пальцем. Я выпалил:

- Кто бы там ни пришел за Зоркой, она все выболтает, прежде чем они сюда доберутся...

- Оставь меня одного, Арчи. Достань ту проклятую штуковину из этого идиотского торта и засунь снова в свой карман, где она и была.

Я в сердцах плюнул на все. И слепо повиновался. Дисциплина прежде всего.

Глава 7

Нийя Тормик прибыла на сборище первой. Была уже почти полночь, когда я пошел открыть на звонок дверь, избавив Фрица от неприятности влезать в тапочки и радуясь случаю хоть немного размяться.

- Привет, - произнес я с вежливым удивлением, ибо на пороге стояли трое, все знакомые мне.

Нийя Тормик, за ней Карла Лофхен, а в арьегарде высился сержант Пэрли Стеббинс. Мы с Пэрли довольно часто цапались, зато раз или два были такими друзьями - водой не разольешь. Пока я помогал им разоблачаться, он произнес:

- Вторая девица так и увязалась за ней, я не смог от нее отделаться.

Вот я и подумал, если она не нужна, то избавимся здесь от нее вместе.

- Конечно, - согласился я, - только предоставим это Кремеру. Он обещал быть с минуты на минуту. А ты ступай на кухню - дорогу ты знаешь, - Фриц угостит тебя сэндвичем с пороссячьей вырезкой и зеленым луком.

Пэрли встрепенулся, в глазах его появился голодный блеск.

- Наверно, мне все-таки не следует выпускать ее из виду...

- Ба! Ба! Мой дорогой приятель, здесь как-никак собрание, и мы с мистером Вулфом в числе его участников. Так как насчет сочной свининки и дымящегося черного кофе?

Пэрли зашагал на кухню, а я повел балканок, оставшихся на моем попечении, в кабинет.

Я думал, Вулф встанет на дыбы, оказавшись лицом к лицу сразу с двумя черногорскими барышнями, но он поднялся и приветствовал их, как подобает мужчине. Кресла я уже расставил. В первый раз я видел Нийю не в фехтовальном одеянии. Она выглядела очень ладненькой в темно-коричневом костюме и таких же полусапожках, без какого-либо иностранного налета - впрочем, одежда - не главное, что меня интересует в женщине. Ее глаза выделялись на лице, как две черносливинины в тарелке со сливками, но на щеках играл румянец - может, из-за холодрыги на улице.

Нийя посмотрела прямо на Вулфа и сказала:

- Так вы и есть Ниро Вулф.

Вулф едва заметно кивнул. Подавшись вперед, он положил локти на стол и сплел пальцы. Поскольку мне много раз приходилось видеть, как он рассматривает людей, я не сомневался, что на моих глазах разыгрывается особое и редкое представление.

- Вы отрядили полицейского, чтобы привести меня сюда, - сказала Нийя. - Не понимаю, зачем.

- Его отрядил не я, а инспектор Кремер.

- Да, но с вашей подачи. - Она слегка мотнула головой; сегодня днем я уже отметил это ее характерное движение. - А может, вы даже сами предложили так сделать.

- Совершенно верно, мисс Тормик. Я устроил эту встречу. Тут выплыло одно обстоятельство, которое вынудило меня к немедленным действиям, чтобы уберечь от ареста мистера Гудвина. Все-таки он мой доверенный помощник, и мне не очень-то улыбается вытаскивать его из-за решетки. Может, конечно, то, что я узнал, на самом деле ложь - мы это выясним. Я подумал, что лучше провести дознание в присутствии инспектора Кремера, а кроме того, я хотел увидеть, как вы поведете себя, когда на вас будут давить.

- Я выдержу, - Вот и отлично.

Она улыбнулась ему. Выражение "не тронь меня" появлялось на лице Нийи, когда она сжимала губы, но когда она улыбалась, то на нем можно было прочесть как раз что-то вроде "приди ко мне".

- Вы уже сказали ему, что я ваша приемная дочь? - спросила Нийя.

Вулф нахмурился и повернулся ко мне:

- Тот, кто ее привел, сейчас на кухне?

- Да, сэр. Это Стеббинс. Вы ведь знаете сержанта Стеббинса.

Вулф кивнул:

- Все равно, мисс Тормик, лучше обсудим это потом. Я не говорил полиции, что вы моя дочь. Сейчас желательно, чтобы меня не подозревали в предвзятом отношении. Тем более столь интимного свойства. Вы согласны?

- Я должна подумать... - Она заколебалась. Улыбка сбежала с ее лица. - Конечно, я сделаю все, что вы скажете; но... - Девушка снова улыбнулась. - Я бы хотела получить назад мою бумагу - теперь-то я знаю, что значит быть дочерью Ниро Вулфа. Я поняла это, когда, оказавшись в беде, послала документ вам. Конечно, после того как я не видела вас с трехлетнего возраста, вы не можете ожидать от меня взрыва дочерних чувств - например, чтобы я бросилась вам на шею и расцеловала в обе щеки...

- О, нет, нет, - поспешно согласился Вулф. - Тут и говорить нечего... речь идет о моей ответственности, только и всего. Ведь я был в здравом уме и твердой памяти, когда брал ее на себя. А что же до документа, подтверждающего факт удочерения, то я бы предпочел, если вы не против... Но вот, кажется, и мистер Кремер. Или мадам Зорка.

- Зорка! - удивленно воскликнула Карла.

Однако в кабинет вошел Кремер, сопровождаемый Фрицем. Он деловито осмотрелся, коротко поздоровался со всеми и, обнаружив, что кресло, в котором он обычно сидит, занято Нийей Тормик, уселся в другое - слева от Карлы Лофхен.

- Ну и где же эта Зорка? - бросил он.

- Пока не пришла, - ответил я.

- А Стеббинс?

- Закусывает на кухне.

Кремер что-то промычал и воззрился на Карлу.

- Я велел Стеббинсу привести сюда Нийю Тормик.

- Я пришла вместе с ней, - отозвалась Карла непререкаемым тоном, всем своим видом показывая, что твердо намерена остаться.

- Да я уж вижу. Так что же, мистер Вулф?

- Ждем мадам Зорку. А пока, может, вы расскажете, что узнал комиссар от генерального консула?

Кремер метнул на него недовольный взгляд.

- Да бросьте, - раздраженно сказал Вулф, - не доводите осторожность до абсурда. Если Ладлоу убила кто-нибудь из девушек, будьте уверены, она прекрасно осведомлена, кто он такой. То, что вы тоже все знаете, может их испугать и заставить проговориться. А если они не убивали, какая разница, даже если они и узнают о Ладлоу?

- Все равно, наверно, об этом напишут завтрашние газеты, - проворчал Кремер. - Они вечно лезут куда не надо. Ладлоу был британским секретным агентом.

- Вот как. А что он делал в школе фехтования? Работал или развлекался?

- Консул ничего не знает. Ладлоу связывался напрямую с Лондоном. Они пытаются узнать в Лондоне что-нибудь стоящее. Там сейчас пять часов утра. Я и раньше вам говорил, что все это похоже на...

Тут он замолчал, чтобы дать мне возможность ответить по телефону.

Звонили ему, и я посторонился, чтобы он мог взять трубку.

Слушая, что ему говорили, Кремер не удержался от сквернословия. Ясно, что речь шла не о каких-то там мелких неприятностях, ибо у Кремера были весьма старомодные соображения о недопустимости ругательств в присутствии дам, и он обычно непоколебимо придерживался своих

строгих принципов, если только они не мешали работе. Наконец он бросил трубку, уселся снова в свое кресло и испустил вздох, от которого закачалась люстра.

- Зачем вообще понадобилось вызывать сюда Зорку? - резко спросил он, посмотрев на Вулфа. - Признавайтесь!

Вулф покачал головой:

- Подождите, пока она придет. Это она звонила? Разве она сюда не собирается?

- Собирается со страшной силой. Она смылась!

- Смылась?

- Сбежала! Дала деру! Отвалила! И вы знали, что она так сделает! Вы заставили меня послать за ней человека! Чтоб вам провалиться, Вулф, я уже двадцать раз говорил, что в один прекрасный день...

- Пожалуйста, мистер Кремер. - Вулф сморщился, как от кислого. - Прошу вас, сэр. Я в такие игры не играю - я вышел из этого возраста. Я понятия не имел, что мадам Зорка собирается сбежать. Она позвонила нам - во сколько, Арчи?

Я заглянул в свои записи и ответил:

- В одиннадцать двадцать одну.

- Спасибо. Она позвонила и кое-что нам сообщила. Арчи сказал ей, что он свяжется с мисс Тормик и перезвонит ей на квартиру, откуда мадам Зорка и звонила. После этого мы немного обсудили то, что она рассказала, и пришли к выводу, что будет лучше разобраться во всем в вашем присутствии. Как вам известно, я никогда не выхожу из дома по делам, поэтому мы попросили вас, чтобы вы доставили обеих сюда. Очень странно, что она ушла из дома, ведь она сама нам позвонила и должна была ждать звонка от Арчи и мисс Тормик.

- Еще как странно. Тем более что она ушла с чемоданом и сумкой.

Вулф поднял брови:

- Но, я полагаю, вы успели организовать за ней слежку?

- Нет! С какой стати? Или вы думаете, что в моем распоряжении миллион человек, которых я отправляю следить за всеми и каждым, замешанным в дело об убийстве? Чуть собака! Я послал человека, чтобы он привел ее сюда. Ее дома не оказалось. Внизу консьерж сказал, что она ушла с чемоданом и сумкой минут за десять до прихода моего человека.

- Что-нибудь выяснилось?

- Выясняют.

- Пф! - Вулф оглядел всех нас. - Ну ладно, все остальные уже собрались.

Самое лучшее, что мы можем сделать в создавшихся обстоятельствах, это начать без нее.

- Валяйте, - хмуро сказал Кремер.

Вулф откинулся и полуприкрыл глаза - мисс Тормик, наверное, и не создавала, что он следит за ней, как ястреб.

- Итак, мадам Зорка позвонила нам в одиннадцать двадцать одну. Она заявила, что вскоре после того, как убийство было обнаружено, когда все находились в конторе, она заметила, как мисс Тормик что-то засовывает в карман пальто мистера Гудвина, которое висело на вешалке. Полиции она об этом не сказала, но ее мучила совесть, так как убийство, по ее мнению, было просто ужасным. Поэтому она решила позвонить мистеру Гудвину и поставить его в известность, что она собирается известить полицию...

- Что вы сунули Гудвину в карман? - пролаял Кремер, повернувшись к Нийе.

Но та не сводила глаз с Вулфа и не обратила на Кремера никакого внимания.

Вулф властно провозгласил:

- Подождите минутку. Я организовал эту встречу, так позвольте мне ее проводить. Арчи сказал мадам Зорке, что разыщет мисс Тормик и встретится с ней. Но, конечно, он сделал это не сразу. Он отправился в прихожую, чтобы исследовать содержимое своих карманов. В одном из них он обнаружил сверток, который сам он туда не клал. Арчи не стал доставать его оттуда. Он оставил его на том же месте, и мы тут же решили позвонить вам и привезти сюда мисс Тормик и мадам Зорку. Пока это все. Арчи, принеси сюда пальто.

Я вышел в прихожую, снял с крючка свое пальто, принес его в кабинет и разложил на столе Вулфа, так, чтобы преступный карман оказался сверху.

- Пожалуйста, мистер Кремер, - сказал Вулф, - наверное, будет лучше, если вы осмотрите содержимое первым.

Даже обращаясь к инспектору, Вулф не смотрел на него, зато не спускал глаз с Нийи. Кремер потянулся к пальто, сунул руку в карман и извлек из него содержимое. Я вертелся у него возле самого локтя, старательно сгорая от любопытства. Он недоуменно посмотрел на свернутый кусок брезента, оказавшийся у него в кулаке, затем положил его на стол и развернул. Пятна на рукавице теперь были цвета потемневшего красного дерева. Когда нашим глазам представилась маленькая металлическая штучка, я позволил себе сделать изумленное восклицание.

- Так я и подозревал, - произнес Вулф - Мистер Кремер, это те самые две вещи, которые вы так и не нашли, не так ли?

Кремер процедил сквозь зубы:

- Так вот почему ты дал стрекача...

Я посмотрел на него сурово и холодно:

- Все догадки строите. Вы же слышали, мистер Вулф сказал, что...

Кремер повернулся к Нийе.

- Вы! - выстрелил он, по-прежнему не разжимая челюстей. - Дайте-ка мне эти штуки. - Он схватил перчатку и сунул ей чуть ли не под нос вместе с *col de mort*, уютно лежавшем в его ладони. - Вы подложили это Гудвину в карман?

Она кивнула:

- Да, я.

От такого ответа у Кремера отвалилась челюсть. Он вытаращил на девушку глаза, и, признаться, я тоже. Нийя же держалась молодцом. Правда, сидела она несколько напряженно, плотно прижав руки к коленям, но вовсе не казалась перепуганной. Кремер собрался что-то сказать, но потом захлопнул рот, подбежал к двери и, распахнув ее, заорал:

- Стеббинс! Сюда!

Пэрли рысью ворвался в кабинет, его большое лицо казалось одновременно испуганным и смущенным, так как бедняга пытался на бегу жевать и глотать.

Кремер направился к своему креслу, на ходу пробурчав:

- Садись и достань свой блокнот.

- Минутку, - вставил Вулф. - Вы собираетесь предъявить обвинение мисс Тормик?

- Нет, - ответил Кремер. - Я ее допрашиваю. А вы что, против? Если да, то я могу забрать ее с собой в участок.

- Во все нет. Лучше сделайте это здесь, где нас четверо, а вас двое.

- Мне плевать, будь вас хоть сотня. - Кремер показал находки сержанту и продолжал:

- Запишите, что я предъявил ей эту брезентовую рукавицу и стальную штучку и спросил, она ли положила их в карман пальто Гудвина, и она ответила: "Да, я". - Он повернулся лицом к Нийе Тормик. - Далее. Вы заявляете, что положили две эти вещи в карман пальто Гудвина, когда

оно висело на вешалке в кабинете Милтана, вскоре после того, как было обнаружено тело Ладлоу. Верно?

- Да.

- Это вы убили Перси Ладлоу?

Она ответила чистым, ясным голосом:

- Вы уже спрашивали меня об этом, и я ответила "нет".

- Дайте ей объяснить... - выпалила Карла Лофхен.

- Замолчите, пожалуйста! Так вы по-прежнему говорите "нет"?

- Да.

- Это вы сняли со шпаги стальной наконечник, после того как шпага пронзила грудь Ладлоу?

- Нет.

- Вы сняли его со шпаги, надев на руку перчатку, и, обнаружив, что на перчатке остались следы крови, решили отделаться от того и другого?

- Нет. Я никогда...

- Когда вы взяли этот наконечник из стеклянного шкафчика в кабинете Милтана?

- Я его оттуда не брала.

- Разве не вы сами положили эти две вещи Гудвину в карман?

- Я.

- Значит, они были у вас, не так ли?

- Да.

- Откуда вы их взяли?

- Я нашла их в кармане своего халата - зеленого халата, который я надеваю поверх фехтовального костюма.

- То есть как - нашла?

- А что такое? Разве "нашла" - неудачное слово?

- Просто превосходное, да и только. Прелестное. Как, когда и где вы нашли эти вещи?

- Минутку, мистер Кремер. - Вулф заговорил деловым тоном:

- Мисс Тормик в нашей стране чужая. Поэтому я либо посоветую ей ничего не отвечать, пока я не раздобуду для нее адвоката, либо мы сделаем небольшой перерыв и я сам скажу ей пару слов.

- Что вы собираетесь ей говорить?

- Вы тоже все услышите. - Вулф поднял палец. - Мисс Тормик. Вряд ли вас обвинят в убийстве, пока не опровергнуто ваше алиби, обеспеченное мистером Фабером. Пока все нормально. Однако вас могут задержать как важную свидетельницу - чтобы вы никуда не сбежали - и выпустить под расписку, чтобы вы были под рукой, когда понадобится. Вас сейчас попросили дать обстоятельный отчет, каким образом вы оказались связаны с орудием, которым было совершено убийство, которое, по вашему собственному признанию, спустя короткое время после совершения преступления находилось у вас. Все, что вы скажете, будет стенографироваться. Если вы согласитесь отвечать, ваши слова будут запротоколированы как официальные показания, так что лучше, если они будут правдой. Если вы откажетесь отвечать, вас могут арестовать как важную свидетельницу. Решайте сами. Я понятно объяснил?

- Да, - она улыбнулась ему. - По-моему, я все поняла. Говорить не правду мне незачем; единственное, что я могу, это как раз рассказать обо всем правдиво. - Она подняла глаза на Кремера. - Все произошло в кабинете Милтана, где мы сидели в ожидании полиции. Я сунула в руку в карман и почувствовала, что в нем что-то лежит. Сверток был большой, даже очень. Я

начала было его вытаскивать, чтобы посмотреть, что это такое, но тут поняла, что это фехтовальная перчатка. Я попыталась решить, что же делать. Я отлично знала, что у меня в кармане ей неоткуда взяться - я хочу сказать, что я ее туда не клала. В первую минуту я очень испугалась, но заставила себя подумать. Мистера Ладлоу убили в фехтовальном зале, где с ним занималась я, и вот теперь у меня в кармане откуда ни возьмись фехтовальная перчатка, и если нас обыщут... - Она повернула ладонь. - Я оглянулась, чтобы найти, куда бы ее спрятать, и мне на глаза попало пальто мистера Гудвина. Я знала, что это именно его пальто, - все остальные раздевались в своих шкафчиках наверху - и вспомнила, что он пришел, чтобы выручить меня из беды, а потому я подошла к вешалке и, когда, как мне показалось, никто на меня не смотрел, вынула сверток из своего кармана и сунула в его карман.

- Премного вам обязан...

- Заткнись, Гудвин! Мисс Тормик, вы хорошо понимаете, что вы пытаетесь мне рассказать?

- Я... Кажется, да.

- Вы пытаетесь мне рассказать, что у вас в кармане находился довольно объемистый сверток, а вы ничего не заметили.

- Но и я тоже, - вставил я. - Я тоже ничего не заметил.

- Тебя не спрашивают! Сиди и молчи в тряпочку. Так что же, мисс Тормик?

Она покачала головой:

- Не знаю - разумеется, я очень волновалась. Халат, который я надеваю, очень свободный, карманы в нем большие. Вы же его на мне видели.

- Видел, видел. Итак, вы признаете, что утаили обстоятельство, связанное с преступлением?

- Это... очень дурно, да?

- Дьявольщина! Нет, что вы. Все просто замечательно. А вы знаете, кто подложил вам в карман тот сверток?

- Нет.

- Ну конечно. И когда - тоже не знаете?

- Нет. - Нийя нахмурилась. - Я уже думала об этом. Халат я оставила на скамье в раздевалке, когда отправилась фехтовать в зал в конце коридора.

Когда я оставила в зале мистера Ладлоу и встретила в коридоре мистера Фабера, я забежала в раздевалку, чтобы сбросить там щитки, перчатки и маску и накинуть халат, а потом пошла в нишу с мистером Фабером. Кто бы ни подложил мне в карман этот сверток, я не думаю, что он сделал это прежде, чем я облачилась в халат, так как я тогда заметила бы, что в нем что-то лежит. Когда консьерж поднял крик, мы все сбежались туда, натываясь друг на друга - вот тут-то, по-моему... это единственное, как я могу объяснить, почему у меня в кармане...

- И вы понятия ни о чем не имели, да?

- Я ничего не знала до тех пор, пока в кабинете Милтана не почувствовала, что в моем кармане что-то лежит.

- И вы испугались. А на самом деле вы тут были совершенно ни при чем.

- Да. Я была не виновата. Я вообще не виновата.

- Ну разумеется. Но, хотя вы были совершенно не виноваты, вы все же не рассказали об этом полиции, и не собирались и никогда бы не стали, если бы мадам Зорка не сообщила, что она видела, как вы это делали, и вы не рискнули опровергать ее слова! - Кремер прогавкал последние слова прямо в лицо Нийе, приблизив к ней свою физиономию дюймов на тридцать.

- Я... - Нийя сглотнула. - По-моему, я могла бы. Но, подумав обо всем, я решила, что, когда мистер Гудвин найдет у себя в кармане сверток, он передаст его вам, а для вас, мне казалось, не будет иметь значения, был он у меня в кармане или пет.

- Ну, так вы не правильно подумали. Мистер Гудвин не таков, чтобы передавать улики полиции. Мистер Гудвин вместо этого перелез через забор и бросился домой к папе показать, что он нашел, а папа сказал...

- Вздор! - резко оборвал Кремера Вулф. - Давайте-ка разберемся. Вы слышали, что я вам сказал; повторять все заново ни к чему. Допустим, что ваши надуманные предположения справедливы, что Арчи видел, что у него в кармане что-то лежит, и решил сбежать, и что он скрыл от вас эту вещь, - вы все равно не сможете доказать свои догадки, так какого же дьявола вы тянете кота за хвост? Тем более что, как только нам позвонила мадам Зорка и мы обыскали карманы пальто Арчи, мы тут же связались с вами.

- Вам пришлось это сделать!

Вулф скривился.

- Не знаю, не знаю. Пришлось? Всегда можно что-нибудь придумать, если очень захочется. Все равно, мы сразу позвонили вам. А ведь мы могли бы и не связываться с вами, а начать разбираться сами, без вас, и две вещи, которые вы не смогли найти, так и остались бы для вас пропавшими, ведь мадам Зорка сбежала, когда ей позвонили Арчи и мисс Тормик, так что угроза разоблачения с ее стороны отпала бы сама собой. Выходит, это нам вы обязаны тем, что два исчезнувших с места преступления предмета оказались у вас в руках. И нам вы обязаны тем, что знаете о крайне подозрительном обстоятельстве, а именно о том, что мадам Зорка исчезла - с чемоданом и сумкой. Вы узнали также и о способе, которым преступник избавился от перчатки и col de mort, и этим вы обязаны бесстрашной откровенности моей клиентки.

Кремер стоял и неотрывно сверху вниз смотрел на Вулфа и, насколько я мог судить по его красной физиономии, вовсе не лучился благодарностью.

- Ага! - произнес он в ответ на последние слова Вулфа. - Так все-таки она ваша клиентка, верно?

- Я же вам говорил.

- Вы говорили неопределенно. Вы сказали, что решите, когда встретитесь с ней.

- Ну, так я с ней уже встретился.

- Отлично. Так она ваша клиентка или нет?

- Да, она моя клиентка.

Кремер поколебался, потом медленно повернулся и посмотрел сверху вниз на Нийю - испытующе, но без особой враждебности; я подавил ухмылку. Я знал, что его глодало. Он отлично сознавал, что не пришло еще то время, когда он сможет позволить себе безбоязненно навесить обвинение в убийстве на клиента Ниро Вулфа, будь то мужчина, женщина или ребенок, и его наверняка подмывало оставить Нийю Тормик в покое и подыскать себе новую жертву. Он даже, почти сам того не сознавая, удостоил Карлу Лофхен быстрым подозрительным взглядом искоса, но затем снова принялся разглядывать Нийю, а через мгновение повернулся к Вулфу и сказал:

- Фабер подтвердил ее алиби. Ну что ж, ладно. Но вам ведь не нужно говорить, что у алиби есть две стороны. А если Фабер почему-то полагает, что ей нужно обеспечить алиби, и решил сделать это? А она тоже думает, что алиби ей необходимо, а потому приняла и подтвердила сказанное им? Может, даже не сознавая, что, выгораживая ее, Фабер на самом деле хлопочет об алиби для себя самого?

Вулф кивнул:

- Старый трюк, но хорошо срабатывает. Конечно, это вполне возможно. Не хотите пива?

- Нет.

- А вы, мисс Тормик, мисс Лофхен?

Выслушав их отказы, он нажал на кнопку и продолжил:

- Грязное дело, мистер Кремер. Придется мне выяснять, кто убил мистера Ладлоу, если только вы не сделаете это раньше меня. Само собой, вы ничего не добьетесь, если будете травить мою клиентку. Посмотрите на нее. Когда вы уйдете, я с ней немного побеседую и посоветую, чтобы пока она по-прежнему держалась за алиби, которое ей предоставил Фабер, даже если он его сфабриковал. Не спорю, это алиби защищает и Фабера, но ее оно тоже защищает.

Если вы вдруг всерьез заподозрите Фабера, особенно если обнаружите подходящий мотив, дайте мне знать, и мы вернемся к этому алиби.

- Вы же сами подозреваете ее во лжи!

- Да нет, не очень. Солгать может кто угодно, по крайней мере, любой скорее молча согласится с ложью, чем решит предстать перед судом в деле об убийстве. Кстати, об этом самом мистере Фабере. Вы глубоко заблуждаетесь, подозревая, что я с ним хоть как-то знаком. До сегодняшнего дня я никогда его не видел и ничего о нем не слышал. Может, он тоже тайный агент?

Кремер смерил его взглядом.

- Откуда вы можете это знать, если вы с ним совершенно не знакомы?

- Я и не знаю. Я просто предположил. Если бы я знал, я бы не спрашивал.

Он не британец?

- Нет.

- Ну разумеется. Он мог бы носить нарукавную повязку со свастикой. Он не понравился ни Арчи, ни мне. Жаль, что алиби моей клиентки построено на его показаниях; я бы предпочел доказать ее невиновность, не опираясь на них.

Как вам кажется, смерть Ладлоу не напоминает охоту германского орла на британского льва?

- Ничего мне не кажется. Для меня речь идет просто о том, что один человек убил другого.

- Ну хорошо, пусть так. - Вулф взглянул на часы. - Уже за полночь, а я еще должен поговорить с мисс Тормик. Кто-нибудь еще хочет ее о чем-либо спросить?

- Она иностранка. Я хочу взять у нее подписку о невыезде.

- Да не сбежит она, по крайней мере сегодня ночью, а насчет подписки можно договориться и завтра, если вы так настаиваете.

Кремер что-то промычал.

- Она слишком важный свидетель. У нее в руках находилось оружие убийства. Пусть придет завтра в мое управление к лейтенанту Роуклиффу.

Вулф насупился:

- Лейтенант Роуклифф - это тот самый невежа, что явился сюда как-то с ордером на обыск и перерыл весь мой дом.

- Вот-вот. Вы это не забыли, правда?

- Не забыл. Так же как и вы не... Войдите... Что там, Фриц?

Из-за того, что кабинет был загромажден креслами, Фрицу пришлось говорить с Вулфом через голову Нийи Тормик. Он держался официально, как всегда в присутствии дам, но не потому, что был так воспитан, а просто-напросто из страха. Когда порог нашего дома переступает женщина любого возраста и наружности, Фриц так и ждет несчастья и пребывает не в своей тарелке, пока непрощенная гостья не убирается восвояси.

- Сэр, к вам пришел один джентльмен, мистер Шталь. Он уже был у вас сегодня.

Вулф велел впустить его.

Глава 8

На фэбээрорце был тот же костюм, что и днем, и держался Шталь так же изысканно; единственная перемена состояла в том, что он удосужился вычистить ботинки. Кремер бросил на него взгляд, что-то промычал и слегка оперся о краешек моего стола.

Фэбээрорец извинился своим хорошо поставленным голосом.

- О, мистер Вулф, я не знал, что вы заняты... Я не хотел вторгаться...

- Да, я буду занят еще какое-то время. Вы хотели поговорить со мной с глазу на глаз?

Казалось, Шталь был озадачен. Он нахмурился и обвел собравшихся быстрым взглядом.

- Может, и нет, - протянул он. - Дело всего лишь... в том законе, который требует регистрации агентов иностранных ведомств.

- Мы же, кажется, все выяснили?

- Ну... необходимо удостовериться, что вы поняли все требования этого положения.

- Кажется, я их отлично понял.

- Возможно. Параграф пятый Акта гласит: "Любое лицо, которое умышленно нарушает любое положение данного Акта, или дающее ложные показания по данному Акту, или уклоняющееся от дачи оных, подлежит наказанию в виде штрафа размером до тысячи долларов, или лишения свободы сроком до двух лет, или и того, и другого".

- Ну да, все ясно.

- Возможно. Другой параграф Акта определяет агента иностранного ведомства как любое частное лицо, компаньона, объединение или корпорацию, которые действуют или работают в качестве представителя иностранного ведомства, а иностранное ведомство определяется как правительство иностранной державы, лицо, постоянно проживающее за границей, или любое иностранное деловое сообщество, компания, объединение, корпорация или политическая организация.

- Повторите еще раз.

Фэбээрорец исполнил просьбу Вулфа. Тот в ответ покачал головой:

- Не знаю. Не думаю, что я должен регистрироваться в соответствии с этим Положением. Я работаю сейчас только на молодую женщину по имени Нийя Тормик. Она иностранка. Но она не деловое сообщество, не компания, не объединение, не корпорация и не политическая организация и в данное время постоянно за границей не проживает.

- Где она?

- Она перед вами.

Фэбээрорец посмотрел на Нийю, внимательно ее изучая. Затем он перевел пристальный взгляд на Вулфа. Наконец он медленно покачал головой и объявил:

- Я тоже ничего не могу сказать. Мне еще не встречались подобные случаи. Я должен посоветоваться с Генеральным прокурором. Позже я сообщу вам его мнение.

Он с достоинством поклонился, повернулся и вышел из кабинета.

Я хихикнул.

Кремер поднял руки, словно собираясь всплеснуть ими, и тоже направился к двери. На полпути он остановился и провозгласил:

- Я все слышал и не верю ни единому слову. Даже запиши я его слова на пластинку и проигрывай их себе каждый день, я все равно не поверю. Но, в отличие от этого, я верю в законное принуждение. Пошли, Стеббинс. Прихватите с собой перчатку и ту штуку тоже. Мисс, завтра в восемь тридцать утра к вам на квартиру придет наш сотрудник, чтобы проводить вас в полицейское управление. Вы будете дома?

Она ответила, что будет, и Кремер, вместе с сержантом, идущим за ним по пятам, вышел из кабинета.

Вулф налил себе пива и выпил. Я скрыл зевок.

Нийя Тормик спросила, наморщив лоб:

- Может, с моей стороны было глупо все признать? Я подумала - это единственное, что я могу сделать.

Вулф вытер губы, откинулся в кресле и посмотрел на нее:

- Так или иначе, это было лучшее, что можно было сделать, и вы это сделали. Вы сказали правду?

- Да.

- А история, рассказанная Фабером, которую вы подтвердили и которая обеспечивает алиби вам обоим, тоже правда?

- Да.

- Вы, наверное, понимаете, что, не будь у вас этого алиби, вас сейчас могли арестовать и предъявить обвинение в убийстве.

- Понимаю.

- Вы знали, что Ладлоу - британский агент?

- Да.

- А то, что Фабер - германский агент?

- Тоже знала.

- А вы или мисс Лофхен - тоже агенты?

- Нет.

- Вы знаете, кто убил Ладлоу?

- Нет.

- А какие-нибудь предположения на этот счет у вас имеются?

- Нет.

Вулф метнул взгляд в сторону, где сидела Карла.

- Мисс Лофхен, вы убили Ладлоу?

- Нет, сэр.

- А кто это мог сделать, по-вашему?

- Даже не представляю, сэр.

Вулф вздохнул.

- Теперь вот что. Поговорим об остальных. Возьмем мистера и миссис Милтан, Дрисколла, Гилла, Барретта, мисс Рид, мадам Зорку. Вам что-нибудь известно о том, был ли кто-нибудь из них хоть как-то связан с Ладлоу, по делам политики или лично?

Нийя подняла глаза на Карлу и снова перевела их на Вулфа. Затем открыла рот, снова закрыла и только потом сказала:

- Не знаю, насколько тесно они могли быть связаны. Они все знали друг друга. Мы сами не так долго работаем в школе Милтана.

- С Ладлоу и Фабером вы познакомились в школе Милтана?

- Да.

- Как вы узнали, что они иностранные агенты?

- Ну как... они мне сами сказали.

- Вот как. Просто так взяли и сказали?

- Они... ну, просто сказали, и все. - Нийя улыбнулась Вулфу. - В определенных условиях... я хочу сказать, мужчина может кое-чем поделиться с девушкой, если обстановка тому благоприятствует.

- Вы были настолько близки с мистером Ладлоу? И с мистером Фабером?

- О, нет, нет. - Ее подбородок чуть задрался. - Вовсе не так близки.

- Еще они вам признались... ну да ладно. Итак, вы утверждаете, что вы не правительственный агент. Может, вы политический агент? Вы приехали сюда с политической миссией?

- Нет.

- А вы, мисс Лофхен?

- Нет, сэр.

- Вы обе лжете.

Они так и уставились на него. Нийя вздернула подбородок. Глаза Карлы сузились, хотя и не настолько, чтобы не видеть, что творится вокруг.

- Мисс Лофхен, - бросил Вулф, - для интриганки вы на редкость неловки.

С тех пор, как вы вошли в мой кабинет, вы дважды взглянули на то место на книжных полках, где стоит "Объединенная Югославия". Я знаю, что вы спрятали туда одну бумагу. Я сам ее оттуда вытащил и переложил в другое место, Нийя по-прежнему не спускала глаз с Вулфа, но и только, зато Карла подскочила с побледневшим лицом и бессвязно залепетала:

- Но я... Я только хотела...

- Знаю. - Вулф остановил ее жестом ладони. - Вы хотели только оставить ее там на некоторое время для пущей сохранности. Там, куда я ее спрятал, она даже в большей безопасности. Я упоминаю об этом только потому...

- Где она? - Глаза Нийи Тормик были похожи на две шпаги, пронзающие Вулфа насквозь, а голос разил словно кинжал. Она вскочила и оказалась возле его стола так неумовимо быстро, что ее движения напомнили мне Милтана, когда он продемонстрировал мне выпад со своей чемпионской шпагой. - Где она?

Тут она повернулась, потому что Карла подбежала к ней и схватила за локоть. Нийя тряхнула рукой, пытаясь высвободиться, но Карла только крепче ухватила ее локоть и отрывисто заговорила:

- Нийя! Нийя, сядь на место! Нийя, ты же знаешь...

Нийя в ответ разразилась потоком слов, для которых, попытайся я что-то записать, я все равно не подыскал бы подходящих английских букв. Ее подруга не осталась в долгу, но ее речь была менее неистойвой - Карла вполне владела собой.

- Я понимаю по-сербско хорватски, - заметил Вулф.

- О! - воскликнули они в один голос.

Вулф кивнул:

- Мне довелось там пожить. В свое время я немного поработал на австрийское правительство - я был тогда слишком зелен и не понимал, что этого не стоит делать. В 1921 году я все еще был в вашей стране и удочерил там одну девочку...

- Я хочу, чтобы вы отдали мне ту бумагу.

- Я знаю, мисс Лофхен. Но я даже обсуждать ничего не собираюсь и предоставлю вам самим разбираться со своими делами, пока вы, детки, не сядете не свои места и не станете вести себя прилично. Чтобы больше не было подпрыгиваний и кошачьего визга; я этого не выношу; да и, кроме того, ваши стенания вам не помогут. Сядьте!

Девушки повиновались.

- Вот так-то лучше. Я упомянул о том документе, только чтобы на деле показать вам, как я догадался, что вы лжете, говоря, что не выполняете в этой стране политической миссии - а кстати, полиции вы, наверно, тоже солгали? Ну конечно, как же иначе. Теперь, раз уж речь зашла о том документе, - мисс Лофхен, расскажите, как он попал к вам?

- Я... - Карла перебирала складки юбки. - Попал, и все.

- Где и каким образом? Это ваш документ?

- Я его украла.

- Нет! - резко оборвала ее Нийя. - Я сама украла его!

Вулф пожал плечами.

- Поделите честь пополам. У кого вы его украли?

- У особы, которой он принадлежал.

- У княгини Владанки Доневиц?

- Не скажу.

- Хорошо. Это лучше, чем пытаться меня обмануть. Княгиня сейчас тоже в Нью-Йорке?

- Я ничего не расскажу вам об этом документе.

- Берегитесь. Вы рискуете жизнью. Единственное, что оберегает вас от обвинения в убийстве, это неподтвержденное алиби, представленное Фабером. Вы хотите, чтобы я уберег вас от этой опасности?

- Да. - Какое-то мгновение казалось, что она вот-вот улыбнется, но этого не случилось. - Да, хочу, - повторила она.

- Вы готовы заплатить мне обычный гонорар, который я требую в таких случаях? Например, несколько тысяч долларов?

- О Боже, нет. - Она взглянула на Карлу и снова на него. - Но... я попробую.

- А когда вы посылали ко мне мисс Лофхен, вы что, рассчитывали, что я помогу вам просто потому, что вы моя приемная дочь?

Она кивнула:

- Я подумала, что вы, может быть, почувствуете что-то...

- Ну, знаете, мой жир, как носорожья шкура, защищает меня от окружающей среды. Из-за моих сантиментальных чувств мне пару раз слишком сильно досталось, и с тех пор и с чувствами покончил. Останься я, как раньше, тощим и приткким, я бы уже давным-давно протянул ноги. Вы знаете, что у меня нет никаких доказательств, что вы моя дочь. Мисс Лофхен, которую вы послали ко мне, дала мне свидетельство об удочерении, подписанное моей рукой. Вот и еще один документ. Его вы тоже украли?

Карла издала негодующее восклицание. Нийя снова вскочила, глаза ее сверкали.

- Если вы можете так думать, то дальше нет смысла...

- Я вовсе так не думаю. Просто я ничего не знаю. Я же попросил вас, чтобы вы перестали вскакивать с места. Пожалуйста, сядьте, мисс Тормик.

Спасибо. Я всегда был романтичен до идиотизма. Я и сейчас таким остался, только научился держать в узде свои порывы. Когда я был двадцатипятилетним мальчишкой, мне казалось романтичным стать секретным агентом австрийского правительства. Мое возмужание, а заодно и накопление жизненного опыта, было прервано мировой войной. Мировая война - не самый лучший способ узнать жизнь: она просто выдерживает вас в крепком рассоле слез, страха и отвращения. Пф! После войны я еще был тощий и пряткий. В Черногории я принял на себя ответственность за средства к существованию, а также физическое здоровье и нравственное воспитание трехлетней осиротевшей девочки - я удочерил ее. Я сделал еще кое-что, что позволило мне окончательно избавиться от юношеской восторженности, но это уже с вами не связано. Когда я впервые увидел ту девочку, она была похожа на живой скелетик... Из-за других своих дел мне пришлось расстаться с Черногорией, я оставил девочку, как полагал, в хороших руках и вернулся в Америку.

Вулф откинулся в кресле и чуть прищурился.

- А дальше, пожалуйста, продолжайте вы.

- Вы оставили меня в Загребе с Перо Бровником и его женой, - сказала Нийя.

- Верно. Как вас звали?

- Анна. Мне было восемь лет, когда их арестовали и расстреляли как бунтовщиков. Я не очень хорошо это помню, но знаю обо всем досконально.

- Понятно, - мрачно отозвался Вулф. - И те три года, что я продолжал посылать деньги в Загреб, их кто-то просто прикарманивал, прикрываясь именем Бровника. У меня зародились подозрения, и я решил в этом разобраться, - хотя я уже был далеко не тощий - но ничего выяснить мне не удалось. Мне так и не удалось разыскать ту девочку. Я угодил в тюрьму, откуда меня вызволил американский консул, и в течение десяти часов должен был покинуть страну. - Вулф скривился. - С тех пор я больше не был в Европе, да и в тюрьме тоже.

Где же вы скрывались?

- Мне тогда было одиннадцать лет.

- Да. Но все же - где вы были?

Прежде чем ответить, она некоторое время изучала его взглядом.

- Я не могу вам этого сказать.

- Либо вы мне все расскажете, либо - марш отсюда и больше не возвращайтесь. А бумага, которую вы украли и которую ваша подруга спрятала в моей книге, останется у меня. Только не поднимайте снова кошачий визг.

- Расскажи ему, Нийя, - велела Карла.

- Но, Карла, тогда он узнает...

- Расскажи, я говорю!

- И расскажите правду, - посоветовал Вулф, - я все равно все узнаю, если отправлю телеграмму в Европу.

Нийя сказала:

- Когда Бровников арестовали, меня отправили в интернат. Год спустя меня забрала оттуда женщина по имени миссис Кемпбелл.

- Кто это?

- Это была англичанка, секретарь князя Петера Доневица.

- Чего ей от вас было нужно?

- Она посетила наш интернат, и я ей как будто понравилась. Тогда я уже не была скелетиком. Она хотела удочерить меня, но не могла этого сделать, из-за вас.

- Почему она не связалась со мной?

- Из-за... князя Доневи́ча. Они были друзья, почти как вы и Бровники.

Они знали, что из-за вас у них могут быть неприятности, и потому связываться с американцем им не очень-то улыбалось.

- Разумеется. Вряд ли бы удалось вызвать американца и потом расстрелять его. Значит, она просто украла деньги, которые я посылал в течение трех лет.

- Об этом я ничего не знаю.

- А сейчас она где?

- Она умерла четыре года назад.

- Где вы были после этого?

- Я продолжала жить там же, где и раньше.

- У Доневи́чей?

- В их доме.

- Молодой князь Стефан тоже там жил?

- Да, и он, и его сестры.

- А жена?

- Потом - да, конечно. Когда они поженились два года назад.

- С вами обращались как с членом семьи?

- Нет. - Она поколебалась, но снова настойчиво повторила:

- Нет, не как с членом семьи.

Вулф повернулся к Карле и резко спросил:

- Вы жена Стефана - княгиня Владанка?

Та, хлопнув ресницами, широко раскрыла глаза:

- Я? Вога ти! Нет!

- Но ведь та бумага, что вы сунули в мою книгу, была у вас.

- Я же говорю, я украла ту бумагу, - прервала Нийя. - Я не всегда лгу.

- Где вы ее украли - в Загребе или в Нью-Йорке?

Она покачала головой:

- Об этой бумаге я ничего не могу вам рассказывать. Ни за что, чем бы вы мне ни грозили.

Вулф хрюкнул:

- Секретная политическая миссия. Знаю, как же. Скорее умру, но не скажу. Я сам играл в эти глупые грязные игры. Но, коль скоро вы жили в одном доме с княгиней Владанкой, вы должны очень хорошо ее знать. Вы с ней подруги?

- Подруги? - На лбу Нийи собрались складки. - Нет.

- Какая она?

- Умная, красивая, эгоистичная и вероломная.

- Вот как. Но я спрашиваю про внешность.

- Ну... она высокая. Руки у нее гибкие, словно две змеи. Лицо такое - Нийя изобразила овал. - Глаза такие черные, как у меня - даже, пожалуй, чернее.

- Она сейчас в Загребе?

- Когда я уезжала, она была там. Говорили, что она должна поехать в Париж повидаться со старым князем Петером, а потом в Америку.

- Вы лжете.

Она посмотрела прямо на него.

- Иногда лгать необходимо. Некоторые вещи я не могу вам рассказать.

- Ха, только через мой труп, верно? Ваши губы запечатаны накрепко каким-то бандитским поручением, но вам-то что с того? Когда вы думаете завершить свою политическую миссию?

Нийя Тормик посмотрела на него, затем на Карлу, снова на него и ничего не ответила.

- Давайте, давайте, - нетерпеливо поторопил Вулф. - Я спросил всего лишь - когда? В обозримом будущем?

- Да, я думаю, - наконец призналась она. - Наверное, даже... завтра.

- Сейчас уже за полночь. Вы имеете в виду - сегодня?

- Да. Но необходимо, чтобы та бумага была у меня. Вы не имеете никакого права держать ее у себя. Когда этот слабоумный Дрисколл поднял шум из-за своих идиотских бриллиантов, которые якобы украли, я подумала, что полиция приедет и запросто может всех обыскать, и комнату, где я живу, тоже. Я и подумала о вас, том американце, который удочерил меня, когда я была ребенком. Когда я уезжала из Загреба, свидетельство об удочерении я взяла с собой; его мне отдала перед смертью миссис Кемпбелл. Вот мы с Карлой и решили, что у вас бумага будет в большей безопасности, чем в любом другом месте, и мы обсудили, как оставить ее у вас, чтобы потом можно было ее легко забрать снова. Потом вы отказались помочь мне, и ей пришлось вернуться к вам и сообщить, кто я на самом деле. - Она замолчала и улыбнулась ему, но была так встревожена, что улыбка получилась озабоченной. - Я должна получить назад ту бумагу! Должна!

- Посмотрим. Вы сами признались, что украли ее. Итак, вы рассчитываете сегодня завершить свою миссию.

- Да.

- Вы, конечно, понимаете, что, пока дело об убийстве не будет раскрыто, полиция не выпустит вас из Нью-Йорка.

- Но я... Вы же сами сказали, что мое алиби...

- Ваше алиби дела не решает. Не делайте глупостей. Если поручение ваше завершится, не вздумайте ускользнуть на каком-нибудь корабле, переодевшись русалкой. Кто такая мадам Зорка?

Обе девушки изумленно уставились на него.

- Ну? - резко потребовал Вулф. - Вы ведь ее знаете, верно?

Карла рассмеялась - на первый взгляд, совершенно естественно, словно ее просто что-то позабавило. Нийя проговорила:

- Да почему... она вообще никто. Просто модельерша.

- Я так и понял. А почему она стала называть себя таким именем - именем дочери короля Черногории Никиты?

- Но королева Зорка умерла...

- Я знаю. Откуда у модельерши такое имя?

Карла снова засмеялась.

- Может, вычитала в какой-нибудь книге.

- Но кто она?

Нийя пожала плечами и повернула ладони вниз:

- Мы ничего о ней не знаем.

С минуту Вулф разглядывал их, затем вздохнул.

- Ну хорошо. Уже поздно, вам давно пора спать, тем более что завтра вам придется вставать рано, чтобы отправиться к мистеру Роуклиффу. Можете с ним пококетничать - он на это падок. Когда освободитесь, приходите сюда часам к одиннадцати, я отдам вам вашу бумагу.

- Но мне она нужна сейчас!

- Сейчас вы ее не получите. Ее здесь нет. Я буду...

Нийя подскочила.

- Что вы с ней... Где она?

- Прекратите визжать. Она в безопасности. Завтра в одиннадцать я вам ее отдам. Сядьте - впрочем, нет, не трудитесь; вы все равно уходите. И запомните, не делайте глупостей. А вам, мисс Лофхен, я бы посоветовал не замышлять ничего более серьезного, чем еда и сон. Я говорю так из-за бездарного представления, которое вы здесь разыграли, чтобы спрятать бумагу в моей книге - расспрашивая при этом мистера Гудвина, читал ли я ту книгу, и не учу ли ее, и не читаю ли сейчас. Невероятно!

Карла вспыхнула.

- Я думала... Я нечаянно...

- Боже милостивый! Нечаянно? Да я и сейчас еще подозреваю, что вы рассчитывали на то, что мы найдем эту бумагу, только вот не пойму, зачем вам это понадобилось. Ладно, спокойной ночи. Кстати, мисс Тормик, насчет того, что вы стали моей клиенткой. Свидетельство об удочерении я верну вам утром вместе с другим документом; похоже, что оно в самом деле принадлежит вам; но я люблю все предусмотреть вперед, чтобы не возникло недоразумений. Вы остаетесь моей клиенткой до тех пор, пока считается установленным фактом, что вы та самая девочка, чьи ребра мне довелось увидеть в 1921 году. Сейчас я вас защищаю, но если выяснится, что вы меня обманывали, я стану вашим врагом. Я не люблю, когда меня дурачат.

- Сомневаюсь, что смогла бы одурочить вас, даже если бы захотела. - Она встретила его взгляд и неожиданно улыбнулась. - Если хотите, можете пощупать мои ребра, но вот посмотреть на них...

- О, нет. Не стоит, благодарю вас. Спокойной ночи. Спокойной ночи, мисс Лофхен.

Я проводил их, помог одеться, а когда они вышли на улицу, закрыл дверь на засов. Затем вернулся в кабинет, остановился у стола Вулфа и, посмотрев на него сверху вниз и заметив выражение его лица, неподвижного и с закрытыми глазами, позволил себе всласть потянуться и зевнуть.

- Nvala bogu, - провозгласил я. - Я, конечно, обожаю черногорских девушек, но не пора ли в постельку? С ними все в порядке. Я предложил их проводить, но они отказались. Несмотря на это, мне придется смотаться на Сорок восьмую улицу и пригнать треклятый "родстер". А случай весьма своеобразный. Я спинным мозгом чувствую, какой романтический конец может получиться у этой истории. У меня сложилось внутреннее убеждение, что с наступлением полнолуния я в этом самом кабинете буду официально просить у вас руки вашей дочери. Вам это тоже будет не так плохо, господарь. Только вам придется помочь мне отучить ее от вранья.

- Заткнись.

- Так мне ехать за "родстером"?

- Пожалуй, да. - Вулф содрогнулся. Выйти из дома, да в такое-то время!

- Во сколько завтра придет Сол?

- В девять утра.

- Позвони ему и попроси принести тот конверт.

- Хорошо, сэр. Вы в самом деле намерены вернуть ей бумагу?

- Да. Я хочу посмотреть, что она с ней будет делать. Фред и Орри тоже будут здесь в девять утра?

- Да, сэръ. За кем вы хотите установить слежку?

- Слежка, может, и не понадобится. Хотя кто знает - возможно, и потребуется, для ее безопасности. Эту бумагу жаждет заполучить мистер Фабер.

- И не только жаждет заполучить, но знает, где она лежит. - Я зевнул. - А так как положила ее сюда Карла, значит ли это, что она сама ему сказала, где ее искать? Или он узнал об этом от члена вашей семьи?

- У меня нет семьи.

- Вообще-то считается, что дочь - это член семьи. А в данном случае едва ли будет преувеличением сказать, что дочь - это и есть семья. - Я постарался говорить веско и торжественно. - Когда я на ней женюсь, думаю, мне неизбежно придется называть вас папой.

- Арчи, клянусь всеми святыми...

- И я стану вашим наследником, когда вы преставитесь. Мне достанется ваша страховка. Мы устроим турниры по гольфу между отцом и сыном. А несколько позже вы будете нянчить младенца. Нет, нескольких младенцев. А когда придет время разводиться... да что еще за дьявол!

В дверь позвонили.

Глава 9

В четверть второго ночи, когда у меня голова того и гляди грозила оторваться от нескончаемых звонков, да еще предстояло куда-то тащиться за "родстером", какой-то идиот трезвонил в дверь.

Я поплелся в прихожую и, отодвинув засов, открыл дверь на пять дюймов - ровно на столько позволяла это сделать накинута цепочка. За дверью маячила фигура какого-то мужчины.

- Чего вам?

- Я хочу видеть Ниро Вулфа.

- Простите, кто вы?

- Откройте дверь! - Тон, надо признать, несколько повелительный.

Я поцокал языком:

- Приемные часы давно закончились, приятель, Не хотите называть свое собственное имя, так придумайте другое. Только какое-нибудь покрасивее, а то время, сами понимаете, не самое располагающее.

- Меня зовут Дональд Барретт.

- О, вот как. Тогда ладно. Погодите здесь немного, я сейчас вернусь.

Я пошел в кабинет и доложил обо всем Вулфу. Тот открыл глаза, нахмурился, что-то пробурчал и кивнул. Я вернулся в прихожую, впустил полуночника, поработал лакеем и отвел его в кабинет. В ярком свете он оказался весьма привлекательным и встревоженным, с чуть помятым белым галстуком и растрепанной шевелюрой. Он, прищурившись, взглянул на Вулфа и повторил, что его зовут Дональд Барретт.

- Я уже понял. Садитесь.

- Спасибо. - Он присел на краешек кресла с таким видом, точно вот-вот встанет. - Очень дурной запашок у этого дела.

Брови Вулфа слегка поднялись:

- У какого дела?

- Да у того, что случилось у Милтана в школе. Вы же знаете - убийство Ладлоу.

- Знаю. Кажется, вы тоже там были.

- Был, пропади все пропадом. Да вам и так все известно от этого малого, которого вы туда послали.

- Простите, - сказал Вулф. - Я думал, вы уже знакомы. Мистер Барретт, это мой помощник, мистер Гудвин.

- Да, знакомы. Даже перекинулись парой слов. Он сторожил дверь, а я попросил его выпустить одну молодую особу, которая опаздывала на важное свидание, но он отказал.

Вулф кивнул:

- Мисс Рид, кажется.

- Надо же, он вам и это рассказал?

- Мистер Гудвин все мне рассказывает.

- Вообще-то я так и думал. Естественно. Он уперся, как баран, и не хотел выпускать мисс Рид. Он сказал, что самое худшее, что она может сделать, это сбежать и заставить фараонов ее разыскивать; а сам каким-то образом удрал, не побоявшись увлечь за собой свору ищеек!

- Знаю, что поделаться, с ним такое случается. - Вулф говорил сочувственно. - Вы для этого хотели меня видеть? Пожурить меня за несносное поведение мистера Гудвина?

Барретт подозрительно посмотрел на него, но Вулф был сама учтивость.

- Нет, - наконец ответил он, - просто упомянул к слову. Он уперся, как баран. К чему было держать там мисс Рид! Я был вполне согласен держать ответ за нас обоих. Но я пришел к вам по другой... по другому поводу. Этот малый, которого вы туда послали, - он должен был представлять мисс Тормик, верно?

- Какой малый?

- Да ваш помощник, черт побери! - Он мотнул головой в мою сторону. - Гудвин.

- Понятно. Я не тупица, мистер Барретт, но предпочитаю называть людей по именам - так удобнее. Да, мистер Гудвин пришел туда, чтобы помочь мисс Тормик.

- Это он сказал.

- Но ведь и она согласилась, разве не так?

- Само собой. Здесь все в порядке. Но тогда речь шла о бриллиантах этого болвана Дрисколла. Так я хочу знать - вы по-прежнему представляете ее?

Я имею в виду сейчас, в деле об убийстве.

- Вы спрашиваете просто как любопытствующий друг?

- Ну а как же, конечно, как друг. Но это не просто любопытство.

- Что ж, да, я представляю мисс Тормик. А что движет вами, помимо любопытства?

- Ну, просто... - Он заколебался, поднял руку, чтобы пригладить растрепанные волосы, заерзал в кресле и прокашлялся. - Если честно, меня немного интересует мисс Тормик, и я терпеть не могу... вы понимаете? В этом деле все жутко подозрительно! Я познакомился с ней всего несколько месяцев назад и устроил ее и мисс Лофхен на работу в школу Милтана - я, стало быть, несу за нее некоторую ответственность. Она в Нью-Йорке чужая, и я хотел бы убедиться, что у нее есть толковый и знающий советник. Конечно, если вы ее представляете...

- Представляю.

- Лучшего и желать нельзя.

- Спасибо.

- Вы уж точно... - Он снова пригладил волосы и прокашлялся. Ясно, его мучили какие-то затруднения. - Вы уж точно понимаете, как важно, чтобы она не запуталась в этом деле. Например, начались всякие пересуды, будто она что-то такое сунула в карман пальто этого малого... Гудвина. Если только это дойдет до полиции, они поднимут страшный шум. Хотя я

совершенно не верю, что она могла такое сделать. Да и чтобы кто-нибудь другой, я тоже сомневаюсь. - Он повернулся ко мне. - Вы должны знать, правда ли это. Вы нашли что-нибудь в кармане пальто?

- Конечно. - Я ухмыльнулся. - Бриллианты Дрисколла.

- Да нет, черт побери...

- Позвольте, - резко перебил Вулф. - Если у нас есть какие-то секреты, которые, по нашему мнению, следует хранить в интересах мисс Тормик, мы, естественно, не намерены их открывать. Ни полиции, ни кому бы то ни было еще. Включая и вас, сэр. Если вы пришли за сведениями такого рода, то останетесь ни с чем.

- Я друг мисс Тормик.

- Значит, вы должны порадоваться что у нее благоразумные советчики.

- Тогда отлично. Разумеется. Но порой ваша братия не прочь снюхаться с полицией.

Понимаете? И будет очень плохо, если до фараонов дойдет, будто она сунула что-то в карман Гудвину. Эти шпики вывернут ее наизнанку. Уже и так достаточно плохо, что она фехтовала тогда с Ладлоу, а эта история ее совсем доконает. Я хочу убедиться, что вы хорошо понимаете...

- Мы все прекрасно понимаем, мистер Барретт. Мы не привыкли миндальничать, но долгий опыт научил нас многому - к примеру, никогда не делиться важными сведениями с врагом, разве что в обмен на нечто более ценное. - Вулф успокаивающе мурлыкал, и мне становилось все более интересно, когда же он изготовится и выпустит когти. Он продолжал:

- Кстати, вы сейчас не встретили мисс Тормик по дороге сюда?

- Нет. А что? Разве она была здесь?

- Да, мы с ней немного побеседовали. С ней и ее подругой, мисс Лофхен.

Они ушли незадолго до вашего прихода, поэтому я и поинтересовался, не встретились ли вы.

- Нет.

- У вас была возможность подробнее обсудить с ней происшедшее?

- Ни малейшей. Сначала они там допрашивали мужчин, а в восемь вечера велели мне катиться на все четыре стороны. Она еще оставалась там. Я не знаю, сколько еще они ее продержали - Вот как. Раз вы такой хороший друг мисс Тормик, что даже потрудились прийти сюда, не совсем понятно, почему вы ушли оттуда и оставили ее одну.

- Я не мог и близко к ней подойти. Весь дом кишел легавыми - по одному на каждого находящегося в доме. Как бы то ни было, это мое дело. Я хочу сказать, вас это не касается. Понятно?

- Конечно, прошу прощения. Вы совершенно правы. - И тут Вулф выпустил когти. Как обычно, голос его при этом ничуть не изменился, он только вывел указательным пальцем на полированной поверхности подлокотника своего кресла красного дерева маленький кружок. - Но, я думаю, вы согласитесь, что это мое дело: куда вы дели мадам Зорку?

Глава 10

Признаться, я ожидал от Дональда Барретта большего - он же повел себя, как самый обычный человек, застигнутый врасплох заданным вопросом, ответ на который он знает, но делает вид, что не знает. У бедняги отвисла челюсть, вылупились глаза и сперло дыхание. Если бы не последнее, то еще можно было бы представить, что Барретт просто изумлен. Впрочем, оправился он довольно быстро. Уставился на Вулфа, приподнял брови и громко спросил:

- Куда я дел кого?

- Мадам Зорку.

Барретт потряс головой.

- Если это шутка, то, пожалуйста, поясните. Я вас не понимаю.

- Хорошо, поясню, - терпеливо пояснил Вулф. - Сегодня вечером мадам Зорка позвонила мне и сказала, что видела, как мисс Тормик подложила что-то в карман мистери Гудвину. Она также сказала, что немедленно сообщит об этом в полицию.

- Не может быть, черт побери!

- Прошу вас, не перебивайте. Мы только зря потратим время. Мистер Гудвин уговорил мадам Зорку, чтобы она не обращалась в полицию, а подождала, пока он вместе с мисс Тормик придет к ней домой, чтобы все обсудить. Когда некоторое время спустя мистер Гудвин и мисс Тормик приехали, в квартире никого не оказалось; консьерж сказал, что мадам Зорка поспешно уехала четверть часа назад, прихватив с собой сумку и чемодан. Тогда мистер Гудвин привез мисс Тормик вместе с мисс Лофхен сюда, ко мне.

- Послушайте, это же...

- Прошу вас! Я побеседовал с обеими молодыми особами, и они уехали. И тут появляется вы. По вашим словам, вам известны следующие три факта: кто-то утверждает, что видел, как мисс Тормик подложила какой-то предмет в карман Гудвину; что эти сведения еще не переданы в полицию и что мне тоже все это уже известно. Я допускаю, что вы могли узнать первое и второе, но никак не третье. Узнать о том, что я уже в курсе случившегося, вы могли одним-единственным путем; поговорив с мадам Зоркой сразу после того, как она позвонила мне.

Барретт встал - должно быть, решил, что засиделся.

- Вздор, - фыркнул он. - Если вы это называете дедукцией...

Вулф потряс головой, а в его голосе зазвенел металл:

- Я не потерплю таких речей, сэр. И я не собираюсь тратить целый час на то, чтобы доказывать очевидное. Мадам Зорка передала вам то, что рассказала мне, Не смейте отпираться, а то выведете меня из себя.

- Ах, какой ужас, - съязвил Барретт. - Ну и что, если Зорка и впрямь рассказала мне? Что из того, если именно поэтому я и пришел к вам? Что в этом плохого?

- Вы признаетесь?

- А что тут плохого?

- Признаетесь?

- Да!

- Она вам позвонила?

- Да.

- И вы, как друг мисс Тормик, поняли, что для того, чтобы мадам Зорка не обратилась в полицию, ее нужно каким-то образом изолировать - и вам это удалось. Потом вы сообразили, что в полицию могу обратиться и я, и поспешили сюда, чтобы избавиться от новой угрозы. Где находится мадам Зорка, мистер Барретт?

- Не знаю. До тех пор, пока я не узнал от вас, что она уехала с чемоданом и сумкой, я думал, что она у себя дома. Теперь послушайте, что я хочу вам сказать. Мне не нравится, как вы ведете это дело, и я собираюсь сказать об этом мисс Тормик. Ей все равно нужен хороший адвокат, и у меня уже есть такой на примете. Если она откажется от ваших услуг, сколько вы возьмете за обязательство не информировать полицию об этих дурацких выдумках, что мисс Тормик якобы что-то подложила Гудвину?

Я вскочил и шагнул к нему, сжав кулаки, но Вулф строгим жестом остановил меня.

- Нет, Арчи. Позволь я сам...

- Извините, - заупрямился я. - Ведь не только вы имеете право выйти из себя. Хорошо, я предложу сделку. Я собирался сначала врезать ему, а потом сказать, что я о нем думаю, но так уж и быть - сначала скажу.

Я приблизился вплотную к Барретту и заговорил:

- Слушайте, вы! Учтите, что я с трудом сдерживаюсь. Только что вы намекнули, что в нашей конторе занимаются доносами. Вы можете предъявить доказательства? Отвечайте как мужчина, независимо от того, мужчина вы или нет. Предупреждаю: я взбешен до крайности. Итак, у вас есть доказательства?

- Я... Я не имел в виду...

- Есть или нет?

- Нет.

- Я требую извинений.

- Я извиняюсь.

- Вы говорите таким тоном, словно уступаете мне. Я бы предпочел, чтобы вы отказались извиняться. Итак?

- Я прошу у вас прощения. Мне очень жаль.

- Слизняк паршивый, - бросил я и вернулся за свой стол.

- Ты должен научиться держать себя в руках, Арчи, - строго сказал Вулф.

- Насилие, пусть даже и вынужденное, не лучшее средство. - Он погрозил пальцем Барретту. - Учтите, я вовсе не противник оправданного насилия. Так вот, для меня не имеет значения, чем руководствовалась мадам Зорка, рассказав вам о нашем с ней разговоре: главное - она вам сказала. Мне также неважно, как вам удалось убедить ее, чтобы она уехала. Совершенно очевидно, что вы ее где-то спрятали или, по меньшей мере, знаете, где она скрывается, поскольку именно вы...

Барретт быстро двинулся к двери. Я рванулся следом, и тут Вулф рывкнул;

- Эй вы, вернитесь! Если не хотите, чтобы вскрылась афера с боснийским лесом и югославскими кредитами...

Что ж, должен признать, что доводы Вулфа возымели большее действие, чем мои. Если от столкновения со мной Барретт едва не наложил в штаны, то после слов Вулфа ему и вовсе небо с овчинку показалось. Он остановился у двери ни жив ни мертв, в лице ни кровинки, потом медленно, точно мумия, повернулся и посмотрел на Вулфа. Я возвратился на место, сел на свой стул и прямо залюбовался на происходящее.

Барретт облизал пересохшие губы - раз, потом другой. Затем он неуверенно шагнул вперед, остановился перед углом стола Вулфа и проскрипел, как плохо смазанная дверная петля:

- Что вы сказали? Вы хоть знаете, о чем говорите?

- Разумеется. Это называется бандитизм. Если предпочитаете эвфемизм, то - финансовая афера. В данном случае ее прокрутила известная компания "Барретт и Дерюсси".

- И что вы имеете в виду?

Вулф покачал головой.

- Я не стану вдаваться в подробности, мистер Барретт. Тем более, что вам они известны лучше, чем мне. Я имею в виду точную сумму кредита, полученного вашей компанией, а также степень вашей близости с бандой Доневиича. Пусть это шантаж, не спорю, но мне нужно знать, где скрывается мадам Зорка, Я уверен, что вы хотите сохранить в тайне аферу со своими югославскими друзьями и организуете мне встречу с мадам Зоркой.

Барретт ошеломленно пялился на него. Влево и наискосок от его уха, над накрахмаленным белым воротничком на шее вздулась и пульсировала жила.

Наконец он собрался с духом и проверещал:

- На кого вы работаете?

- На мисс Тормик.

- Я спрашиваю - на кого вы работаете? На Рим?

- Я расследую дело об убийстве. Мой клиент - Нийя Тормик. Меня интересует одно...

- Ладно, хватит вам. Или вы меня за идиота держите? - Международный финансист оперся всей пятерней о стол Вулфа. - Послушайте. Я прекрасно понимаю, что на кого бы вы ни работали, предупреждаете вы меня не случайно.

Если вы обуздаете своего головореза, то я готов обсудить с вами все условия... После, конечно, консультации со своими партнерами.

- Пф! - брезгливо отмахнулся Вулф. - Мне следовало предвидеть, что вы истолкуете меня настолько превратно. Как мне теперь, черт побери, убедить вас, что меня волнует только благополучие моей клиентки?

- Не знаю. На вашем месте я бы даже не пытался. - Барретт уже не скрипел, а говорил таким голосом, словно это и не он праздновал труса пару минут назад. - Не знаю, как много вам известно, но надеюсь, вы отдаете себе отчет, в какую игру вязались. Не мне вам говорить, насколько это опасно для любого, кто попытается сунуться.

- Я говорил только о шантаже.

- Хорошо, пусть шантаж. Что вам нужно и какова ваша цена?

На сей раз я смолчал. Пусть нахамит вволю, а там я расплачусь с ним разом за все.

Вулф откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул.

- Сядьте, пожалуйста, сэр.

- Мне и так удобно.

- Тогда отойдите назад, пожалуйста. Мне неудобно сидеть, запрокинув голову. Теперь послушайте. Прежде всего выкиньте из головы, что я представляю чьи-то посторонние интересы в ваших балканских делах. Я ни на кого не работаю. Вы, конечно, спросите - откуда я узнал? А какая вам разница? Важно, что я знаю. Следующее: вы должны понять и поверить, что я не претендую на свою долю добычи. Таким людям, как вы, это покажется непонятным и невероятным, но это так. Мне нужно только одно. Я хочу, чтобы вы проводили мистера Гудвина к мадам Зорке, а мистер Гудвин доставит ее сюда. Вот и все.

Если вы откажетесь, я немедленно отсылаю по трем адресам всю имеющуюся у меня информацию о том, как вы ограбили югославский народ. Вы представляете, какую шумиху это вызовет. И не усложняйте дело, приписывая мне корыстолюбие и алчность в большей мере, чем я ими обладаю. Вы страдаете профессиональным заболеванием. Когда на международного финансиста нападает вооруженный грабитель, финансист тут же отдает ему не только деньги и драгоценности, но и рубашку с брюками. Почему? Потому что ему даже в голову не придет, что грабителю этого не нужно. Прошу вас, поймите и зарубите на носу: мне нужна от вас только мадам Зорка. И все. Больше вам от меня ничего не грозит, если, конечно, не окажется, что это вы убили Перси Ладлоу.

Вулф перевел взгляд на меня.

- Арчи, мистер Барретт проводит тебя к мадам Зорке. Привези ее сюда.

- А вдруг она сбежала из города?

- Сомневаюсь. Не думаю, что она далеко. Возьми "родстер" и поезжай за ней. Но не отпускай мистера Барретта.

- Как раз с Барреттом я предпочел бы не связываться.

- Понимаю. Придется тебе потерпеть. Хотя... - Он повернулся к Барретту.

- Где она? Далеко отсюда?

Финансист явно пребывал в нерешительности. Наконец он разлепил губы и пробормотал:

- Если вы кому-то проболтаетесь, черт возьми...

- Я уже сказал вам, что мне нужно, - резко оборвал Вулф. - Больше повторять не буду. Где она?

- Она... Я думаю... Недалеко.

- В Нью-Йорке?

- Думаю, что да.

- Хорошо. И не пытайтесь перехитрить мистера Гудвина. Он крут на расправу.

- Я вернусь сюда вместе с ними. Я хотел поговорить...

- Нет. Не сегодня. Возможно, завтра. Не впускай его в дом. Арчи.

- О'кей. - Я вскочил на ноги. - Давайте поживее, а то моя кровать приревнует меня к кушетке, решив, что у нас с ней роман.

Барретту уходить явно не хотелось - он боялся покинуть Вулфа, которому оставалось только протянуть руку к телефону - и тайные аферы с боснийским лесом выплывут наружу. Но я решительно вытолкал его сначала в прихожую, а оттуда - на улицу, в свежую ноябрьскую ночь.

Я думал, что на улице Барретта дожидается "роллс-ройс" или хотя бы "кадиллак", но обманулся, и нам пришлось пешком тащиться на Восьмую авеню, где в засаду нам попалось приподнявшееся такси. Я проследил, чтобы Барретт сел в машину, залез следом, и Барретт приказал водителю:

- Таймс-сквер.

Когда машина покатила, я неодобрительно покосился на Барретта и произнес:

- Только не говорите мне, что оставили ее стоять на тротуаре.

Барретт, не обращая внимания на мой выпад, повернулся ко мне и вдруг доверительно зашептал:

- Послушайте, Гудвин, мне нужна ваша помощь. Я попал в дурацкое положение. Убеждать Вулфа, что я не знаю, где находится Зорка, было бесполезно - он бы все равно не поверил мне. Но беда в том, что я и в самом деле не знаю.

- Плохо.

- Конечно. Чертовски гнусно. Если вы вернетесь и доложите, что я не привез вас к ней, потому что не знал, где ее найти, Вулф ведь наверняка выполнит свою угрозу.

- Да, это как пить дать.

- Значит, так не пойдет. Но мы можем сделать вот что. Давайте куда-нибудь заскочим и пропустим по стаканчику. Потом, например, через полчаса, вы вернетесь и скажете, что мы заехали по определенному адресу - назовите подходящий адрес, - рассчитывая, что Зорка там, но ее там не оказалось. Вы можете описать, как я удивился и огорчился, - распишите яркими красками.

- Запросто. В таких делах я собаку съел. Но вы...

- Минутку. - Такси свернуло на Сорок вторую улицу, и Барретт покачнулся, но потом выпрямился. - Я знаю, что вам влетит на орехи, если вы вернетесь без нее, но вы не виноваты - я и

впрямь не знаю, где она. Я понимаю, что вы не обязаны помогать мне просто так, задарма. С какой стати, верно? Как насчет пятидесяти долларов?

Еще никогда меня не пытались подкупить столь жалким образом.

Я презрительно фыркнул:

- Ну и жмот же вы, приятель! Пятьдесят зеленых, когда на карту поставлена судьба международной аферы? Нет, хотя бы сотню.

- Где остановить? - спросил таксист.

Барретт велел ему притормозить у тротуара и не выключать счетчик. Потом вытянул ногу, залез в брючный карман и извлек тощую пачку банкнот.

- Не знаю, есть ли у меня столько с собой, - пожаловался он и, шурясь в полумраке, начал отсчитывать деньги. Озираясь по сторонам, я заметил закутанную в шаль старуху, которая направлялась к нам с коробкой жевательной резинки. Прекрасно, не придется вылезать из такси, подумал я.

- Есть, - сказал Барретт.

- Отлично. Давайте сюда. Мне легче соображается, когда башли уже в кармане.

Барретт молча передал мне деньги. Я, не став пересчитывать, сунул их через окошечко приблизившейся старухе со словами:

- Держите, бабушка, за две жвачки, сдачи не надо.

Старушенция всучила мне два пакетика жвачки, взяла деньги, посмотрела на них, потом испуганно уставилась на меня, но в следующую секунду засеменила прочь, быстро перебирая непослушными ногами.

Я протянул одну жвачку Барретту.

- Держите. Как раз по одной на брата.

Вместо того чтобы принять угощение, он процедил:

- Чертов кретин!

Я покачал головой.

- Ничего подобного. Что-то многовато у вас промашек, приятель. Кстати, моя находка отнюдь не оригинальна - как-то раз я уже проделал такую штуку в Кроуфорде, когда меня пытались подкупить в коровьем стойле. Только вместо старухи я облагодетельствовал долговязого парня с вилами и в комбинезоне <См. Рекс Стаут. "Где Цезарь кровью истекал...">.

- Я сунул пластинку жвачки в рот. - Может, спать расхочется. Хватит валять дурака; к тому же мистер Вулф уже ждет. Ведите меня к Зорке.

- Подлый обманщик!

- Опять вы за свое. Где она?

- Не знаю.

- Хорошо. - Я наклонился к водителю. - Едем на Сорок восьмую улицу к востоку от Лексингтон-авеню.

Таксист кивнул и включил зажигание.

- Это еще зачем? - встрепенулся Барретт. - Зачем вам Милтан?

- Я оставил там свою машину. Я сяду в нее, поеду домой и передам мистеру Вулфу грустные новости. Придется заодно помочь ему с телефонными звонками и прочей суетой - он никогда не откладывает на завтра то, что я могу сделать сегодня.

- Вы хотите сказать, что после того, как вы выманили у меня деньги и отдали их этой старой карге...

- Я хочу сказать вот что: либо вы прекратите извиваться и выкручиваться, как червяк, и отвезете меня к Зорке, либо я возвращаюсь к Ниро Вулфу - тогда пеняйте на себя. Мне уже давно пора спать. Вы утверждаете, что не знаете, где искать Зорку. Мой шеф считает, что вы врете.

У меня своего мнения нет. Мой мозг девственно чист, но я слепо повинуюсь указаниям. Ведите меня к Зорке или примиритесь с доносом в полицию.

Такси пересекло Шестую авеню и понеслось вдоль Брайент-парка к Пятой.

Возле библиотеки Барретт подал голос:

- Притормозите у тротуара, но счетчик не выключайте.

- Когда такси остановилось, я сказал:

- Надеюсь, у вас хватит денег, чтобы расплатиться.

Барретт ожег меня злобным взглядом и, чуть помолчав, произнес:

- Послушайте, я не могу проводить вас к ней. Просто не имею права.

Давайте сделаем вот что: вы подождете здесь, а я возьму другое такси и вернусь сюда вместе с ней минут через двадцать.

Я молча уставился на него.

- Не отвечаю я потому, - сказал наконец я, - что у меня от вашей наглости язык отнялся. Боже всемогущий!

- А в чем дело? Даю вам честное слово...

- Готов назвать десяток мест, куда можно засунуть ваше честное слово.

Хватит валять дурака!

Он решил немного поиграть в гляделки. Я выждал минуту, но потом мне надоело.

- Считаю до двадцати девяти, - сказал я. - По единице за каждый год прожитой жизни и еще по единице, чтобы вырасти и жениться. После этого...

- Подождите. - Он решил сменить пластинку, и в его голосе появились умоляющие нотки. - Дело в том, что у меня есть очень личная причина не вести вас к ней. Поверьте, я вовсе не хочу и не собираюсь вас обманывать. Вы же сами видите, в какое безвыходное положение я попал. Может, договоримся так: я звоню ей в вашем присутствии из телефона-автомата, и мы назначаем встречу...

Я решительно потряс головой.

- Нет! Тысячу раз нет. И прекратите изворачиваться. Кто знает - может, у вас с ней разработан тайный шифр на случай неожиданности. Еще раз повторяю: я только выполняю распоряжения шефа. Хватит болтать - ведите меня к ней.

Пальцы Барретта сжались в кулаки.

- А ведь я могу открыть дверцу и убежать, - вызывающе сказал он.

- Попробуйте. Я вас даже останавливать не буду. Позвоню Вулфу и поеду домой.

- Черт побери, но если вы услышите, как я звоню...

- Заткнитесь! Вы меня уже утомили.

Барретт свирепо посмотрел на меня, потом махнул рукой и назвал таксисту адрес на Мэдисон-авеню, буквально в десяти кварталах от того места, где мы находились. Водитель кивнул, и такси тронулось с места.

Денег, чтобы расплатиться за проезд, Барретту хватило. Фасад дома, перед которым мы остановились, явно знал лучшие времена. На первом этаже располагался дешевый магазинчик, света внутри, естественно, не было. Барретт вынул из кармана ключ и отпер дверь, за которой открывался узкий и темный коридор. Пройдя до конца коридора, Барретт отомкнул еще одну

дверь, и мы оказались в крохотном лифте допотопной конструкции. Лифт вознес нас на пятый этаж, и нам еще пришлось вскарабкаться вверх по лестнице. Дом пока не разваливался, но и похвастать ему было явно нечем. Барретт пересек маленький коридор и открыл уже третьим ключом широкую массивную дверь. Я шагнул за ним, он прикрыл дверь, повернулся и привычно воззвал:

- Э-гей!

Ему тут же ответили:

- Я здесь, зайчик!

В прихожей было жарко и пахло духами. Я последовал примеру Барретта и снял пальто, но потом, когда он, посмотрев исподлобья, сказал: "Подождите здесь", - я не послушался. Я прошел прямо за ним и очутился в просторной, ярко освещенной гостиной, полной ароматных запахов, пушистых ковров, диванов с подушками и всего прочего. И еще я увидел двух девиц - одна сидела на диване, а вторая раскинулась в шезлонге.

Зорка в небрежно наброшенном красном халате замахала было руками, но, увидев меня, замерла на месте. А Белинда Рид, сидевшая в чем мать родила, выкрикнула:

- Как там, мой зайчик... Ой! - и поспешно потянулась к бледно-голубому пеньюару, который свешивался со спинки дивана.

Глава 11

- Я же просил вас подождать в прихожей, - зарычал на меня Барретт.

- Не имеет значения, - заверил я. - Когда я думаю о деле, я не обращаю внимания на...

- Ой, это же наш сыщик! - восторженно воскликнула Белинда Рид - святая невинность. - Выпьем с нами?

Сама она потягивала коктейль, а туалетный столик рядом с диваном был весь заставлен бутылками. Зорка тоже приложила к стакану. Приподнявшись на локте, она таращилась на меня и смущенно улыбалась. Говорить, судя по всему, не намеревалась.

- Замолчи, Бел, - сердито сказал Барретт. - Он пришел за Зоркой. Вам не стыдно так сидеть? - вскинулся он и повернулся ко мне. - Объясните ей сами.

- Нетшего объясняй тут, - обиженно процедила Зорка.

- Выпейте с нами, - не унималась Белинда. - Я еще никогда не выпивала вместе с сыщиком, да еще с таким хорошеньким. - Она похлопала по дивану рядом с собой и целомудренно натянула пеньюар на обнажившееся колено. - Садитесь сюда.

- Белинда, не дури, - прорычал Барретт.

- Она хочет, чтобы ты приревновал, Дональд, - хихикнула Зорка. - Ты же заставил ее ревновать к этой Тормик.

- Ладно, - отмахнулась Белинда. - Выпейте со мной! Как вас зовут?

- Зовите меня Арчи, - великодушно разрешил я. Потом, сообразив, что не мешало бы подкрепить силы, я потянулся за бутылкой и стаканом. В последний миг обернулся к Барретту и спросил:

- Извините, если хозяин вы...

- Это квартира мисс Рид, - сухо ответил он. - Но вы вторглись сюда...

- Пожалуйста, выпейте, Арчи, - взмолилась Белинда.

- Спасибо, - улыбнулся я и, до краев наполнив стакан, залпом осушил его. После чего посоветовал Барретту:

- Вам тоже не помешает промочить горло, старина. Вы перенапряглись. - Я обратился к Зорке:
- А дело вот в чем. После того, как вы позвонили в контору Ниро Вулфа и сказали мне...
- Сто? После чего?

Я придвинулся к ней поближе, чтобы ей было легче сосредоточиться.

- После того, как вы позвонили и сказали мне, что видели, как мисс Тормик подложила что-то в карман моего пальто...

- Ничего подобного! Я? Я вам позвонила? - Она махнула рукой, держащей бокал, в сторону Белинды, расплескав добрую половину его содержимого на ковер, и обиженно попросила:

- Бел, не давай ему больше пить! Он говорит, сто я ему звонила!
 - Может быть, так оно и есть, дорогая? Ты ведь часто звонишь мужчинам.
- И я тебя не виню, что ты звонила ему. Он красавчик.

- Но я ему вовсе не звонила!
- Ну и зря. - Белинда пылко посмотрела на меня. - Выпей со мной, Перси.
- Я не Перси. Меня зовут Арчи. Перси - это тот, кого убили.

- Ох! - Белинда нахмурилась. - Да, это правда. Мы же поэтому и устроили попойку, чтобы попытаться забыть об этом. Бррр! - Она содрогнулась. - Подумать только: я назвала тебя Перси! Тебя! Ну и ну. А тебе не кажется, что это забавно, зайчик?

- Нет, - огрызнулся Барретт. - Этот субъект...
- Нет, это, безусловно, забавно! Тем более, что имя Арчи мне нравится.

С какой стати я назвала его Перси? - Белинда снова вздрогнула. - Просто ужасно! Привратник вопит. Перси лежит на полу, вокруг шныряет полиция... - Она приумолкла и посмотрела на меня, раскрыв рот. - Господи, я же совсем забыла! Ах ты, сукин сын! Ведь это ты меня не выпускал! Подлый мерзавец!

Барретт похлопал меня по плечу.

- Понимаете, вы ворвались сюда без...
- Да, понимаю, - отрезал я и обратился к Зорке, на губах которой блуждала бессмысленная улыбка. Я бы отдал целый час своего драгоценного сна, чтобы узнать, сколько коктейлей она успела вылакать.

- Насчет вашего звонка, - произнес я. - Возможно, я просто прихвастнул.

У меня есть слабость - хвастаться по поводу того, что мне часто звонят женщины. А с Дональдом Барреттом я пришел сюда просто, чтобы ему помочь. Мне все равно нужно было попасть на Сорок восьмую улицу, чтобы забрать свою машину. Барретт сказал, что просил вас приехать сюда и переночевать у мисс Рид, но после беседы со мной согласился, что нужды в этом нет, и вы можете возвращаться домой. Вот я и зашел с ним, чтобы отвезти вас домой. Не правда ли, Барретт?

- Я вовсе не соглашался...
- Не правда ли? - повторил уже я более настойчиво.
- Э-э... Да.
- То-то же. Так что можете набросить на себя пальто - одеваться вам ни к чему, - а я прихвачу вашу сумку и чемодан...
- Зачем? - спросила она, - Дома вам понадобятся ваши вещи.
- Я не поеду домой.
- Господи, ведь уже почти рассвело...
- Я не поеду домой. Белинда, разве я еду домой?

- Нет, конечно. Если бы и ехала, то уж не с ним. Он мне не нравится. Ты слышала, как я вспомнила, что он мне, оказывается, совсем не нравится?

Я опять наполнил стакан и отхлебнул. Потом присел на краешек шезлонга возле голых ног Зорки, чтобы обмозговать положение. Сложностей создалось немало, а главная заключалась в том, что я не знал, насколько она назююкалась. Если она и вправду лыка не вяжет, толку от нее Вулфу не будет никакого. Но нельзя было сбрасывать со счетов и мою репутацию. За годы работы на Вулфа меня посылали со всевозможными поручениями многие сотни раз - раздобыть для него все, что угодно, от катушки ниток до уолл-стритовского брокера, - и я всегда с честью справлялся с любым заданием. Практически без осечек. Поэтому легко было представить, какой прием ждал меня дома в случае, если бы я вернулся без Зорки. Еще одним доводом послужила ее дурацкая улыбка, которая меня страшно бесила.

Я встал и заявил Барретту тоном, не допускающим возражений:

- Вам решать, братец. Вы ее сюда завлекли, вам и вытаскивать.

- А что я могу с ней сделать? - взвизгнул Барретт. - На руках вынести, что ли?

- Не смей ко мне прикасаться, - недобрый голосом просипела Зорка. - Руки оторву!

- Да, не трогать ее! - подхватила Белинда, - Особенно ты, красавчик!

- Я вас к ней привел, - сказал Барретт. - На большее мы не договаривались. Эй, что вы делаете?

Не обращая на него внимания, я обогнул диван и подошел к узкому длинному столику, на котором стоял красный телефон. Барретт закусил губу и следил, как я набираю номер. Белинда науськивала его:

- Врежь ему, зайчик! Размажь по стенке. Нечего ему звонить. Вообще, пусть ничего не трогает...

- Ниро Вулф слушает, - прогудел мне в ухо голос.

- Алло, это управление полиции? - громко спросил я. - Мне нужен инспектор Кремер, начальник отдела тяжких преступлений.

- Понятно, - сказал Вулф. - Действуй дальше.

Барретт перегнулся через диван и страстно жестикулировал. Я отмахнулся от него и продолжал:

- Алло, отдел тяжких преступлений? Мне нужен инспектор Кремер. Ах, вот как? А кто это говорит? Сержант Финкл? Да, мне так и показалось. Арчи Гудвин из конторы Ниро Вулфа. Я хочу поделиться свежими новостями по поводу убийства Ладло...

Рука Барретта взметнулась, как змея, вырвала трубку из моей ладони и придавила к рычажкам телефонного аппарата.

- Не будьте идиотом, - посоветовал я. - Даже если я не сверну вам шею...

- Что вы хотели ему сказать?

- Где им искать женщину, которая показала, что видела, как мисс Тормик что-то подложила в карман моего пальто, а теперь это отрицает.

- Вы с ума сошли! Вы же представляете интересы мисс Тормик. Вы должны ее защищать.

- Я знаю. Но в конечном итоге оказывается, что лучшая защита - говорить правду.

- Чуть собачья! Вы понимаете, что они могут проследить, с какого номера звонили?

Я пожал плечами.

- Наверное. Если так, то они перезвонят сюда сами. Потом, если им что-то не понравится, они кого-нибудь пришлют, и вам придется их впустить.

Ну и, конечно, если они застанут здесь меня и Зорку...

Барретт стиснул зубы.

- Ах, чертов предатель...

Я снова пожал плечами.

- Мне уже до смерти обрыдло слушать про вашу Тормик! - встряла мисс Рид. - Насколько я понимаю, Арчи...

- Заткнись! - резко оборвал ее Барретт. - Сама ведь знаешь...

Он вдруг прикусил язык и повернулся к Зорке.

- Тебе придется сматываться, да поживее! Вставай, быстро!

- Но ведь ты обещал... - взвыла Зорка.

- Мало ли что я обещал. Этот обманщик... - Барретт схватил ее за плечо и рывком поднял на ноги. Нужно отдать ему должное - в критической ситуации он не растерялся. - Где твоё пальто? Где туфли и чулки? Впрочем, черт с ними, с чулками! Где туфли?

Он рванулся к двери и выскочил из гостиной. Я вышел в противоположную сторону, в прихожую, нацепил шляпу и надел пальто. Потом распахнул дверцы встроенного шкафа, думая помочь Зорке, - и остолбенел: каких только шкур, в которых раньше красовались пушные четвероногие, там не было! Решив, что сойдет и первая попавшаяся, я потянулся к ближайшей, по кто-то сзади схватил меня за локоть и прогнусавил прямо в ухо:

- Так дело не пойдет. Оставь мою норку в покое! И вообще - мотай отсюда!

Разгневанная Белинда, пеньюар которой распахнулся, явив моему нескромному взору все женские прелести, оттолкнула меня и выхватила из моих рук норковую шубку. Затем, повесив ее на место, она вручила мне другую, точно такую же. Я отнес норку в гостиную, где Барретт, придерживая шатавшуюся Зорку, одновременно пытался затянуть пояс вокруг ее красного халатика. Мы натянули на Зорку норковую шубу, застегнули доверху и, поддерживая с двух сторон, препроводили модельершу в прихожую. Мисс Рид стояла там, распахнув настежь входную дверь. Когда мы протискивались мимо, Барретт сказал Белинде:

- Мне придется проводить их вниз. Если зазвонит телефон, не снимай трубку. Я сейчас вернусь.

На ступеньках Зорка споткнулась, но мы ее удержали и в лифт затолкали уже без приключений. Барретт нажал на кнопку, и мы спустились на первый этаж. Проведя нас по темному коридору, Барретт отомкнул входную дверь и выпустил нас на улицу.

- Если хотите, чтобы я помог...

- Нет, благодарю. Если перезвонят из полиции, советую вам...

- Иди к черту!

Дверь захлопнулась, и я остался на тротуаре один со своей добычей. Она повисла у меня на руке и время от времени вскрикивала что-то вроде "гоп!". Я ободряюще потрепал ее по руке и повел по направлению к Гранд-Сентрал; мы не проковыляли и полквартала, как откуда-то вынырнуло такси, и я успел остановить его. Затолкать Зорку в машину оказалось уже только вопросом силы, а не ловкости. Она обмякла на сиденье, так что мне пришлось поддерживать ее, когда такси подпрыгивало, попадая в ямы, или круто заворачивало в сторону Лексингтон-авеню. Теперь Зорка бормотала нечто, напоминающее "тип-топ".

"Родстер" стоял на том же месте, где я его оставил, словно верный пес, ожидающий загулявшего хозяина. Таксист оказался понятливым и ловким, и с его помощью я сумел запихнуть Зорку в мою машину без особых усилий. Правда, в последний миг она вдруг стала отбиваться и лягаться, но я проявил твердость и решительно усадил ее на заднее сиденье и захлопнул дверцу. Я расплатился с таксистом, добавив скромные чаевые, а в ответ кроме благодарности удостоился дружеского совета:

- Когда будешь ее вытаскивать, толкай сзади. Тогда она не сможет тебя укусить, да и до лица когтями не доберется.

- О'кей. Спасибо большое.

Я забрался на место водителя, запустил мотор, и мы покатали. Когда я завернул за угол, Зорка явственно произнесла:

- Грибблзук абгрындрл!

Я отозвался сочувственным "Hvala bogu" и, должно быть, попал в точку, потому что Зорка привалилась к спинке сиденья и затихла. Еще пару раз я раскрывал рот, чтобы напомнить ей, куда мы едем, но ответом меня не удостоили. Впрочем, посмотрев на нее в зеркальце, я понял, что ответа едва ли дождусь. Улицы были почти пустынные, так что до Тридцать пятой я добрался быстро и без помех.

Остановившись перед нашим домом, я потрогал Зорку за плечо и назвал по имени. Она не ответила, сидя с закрытыми глазами. Я встряхнул ее, потом отпустил, и Зорка безжизненно свалилась в угол, обмякнув, словно тряпичная кукла. Я ущипнул ее за ляжку, но Зорка даже не поморщилась. Я снова потряс ее, уже куда сильнее, но ее голова только беспомощно моталась из стороны в сторону.

- Дьявольщина! - выругался я. - Нам всего-то десять ярдов осталось до посадки.

Я выбрался из машины, выволок Зорку наружу, подставил плечо и взвалил ее на себя. Она повисла на мне мертвым грузом, как куль с овсом. Только потяжелее: фунтов сто двадцать, прикинул я. Покачиваясь, я вскарабкался на крыльцо, проковылял к двери и позвонил три раза - два коротких звонка и один длинный. Минуту спустя дверь приоткрылась, насколько позволяла цепочка, и заспанный голос Фрица спросил:

- Это ты, Арчи?

- Нет, Микки-Маус! Открывай.

Дверь распахнулась, и я ввалился в прихожую. Разглядев мою ношу, Фриц отшатнулся со словами:

- Grand Dieu! Она мертва?

- Найн, даже не больна. Запри дверь.

Дверь в кабинет была нараспашку, и я вошел бочком, стараясь, чтобы Зорка не ударилась головой о косяк. Вулф сидел за столом, читая книгу.

Увидев меня с грузом, он поморщился, захлопнул книгу, загнув страницу, выпрямился и недовольно потряс головой. Бросив взгляд на кушетку, я убедился, что она по-прежнему завалена картами, которые Вулф расстелил на ней три дня назад, распорядившись, чтобы их никто не трогал, так что я аккуратно опустил Зорку посреди ковра, с хрустом выпрямился, расправил позвоночник, ткнул указующим перстом в бесформенную грудку на ковре и величественно провозгласил:

- Мадам Зорка, сэр.

Вулф сложил руки на необъятном пузе.

- Что с ней случилось?

- С ней-то? Ничего.

- Ты ее ударил?

- Нет.

- Не будь ослом. Ты не стал бы приносить на спине женщину и класть ее прямо на ковер, если бы с ней ничего не случилось. Она без сознания?

- Не думаю. Насколько я понимаю, она разыгрывает из себя мертвецки пьяную. Но мне кажется, что она притворяется. Я разыскал ее в любовном гнездышке, свитом в мансарде на Мэдисон-авеню. Барретт предоставляет гнездышку мебель, а Белинда Рид обеспечивает любовь.

Такие дела. Зорка была там гостьей Белинды. Кстати, Зорка категорически отрицает, что звонила сюда, и отказывалась ехать. Мне пришлось позвонить Кремеру, чтобы надавить на них, и это подействовало. Держу пари, что она внимательно слушает, что мы говорим. Как бы она не задохнулась тут в своей шубейке.

Я нагнулся, расстегнул норковую шубку и распахнул ее. Вулф встал из-за стола, протопал к Зорке и остановился, хмуро разглядывая ее.

- Она без чулок.
- Вы правы.
- А что это на ней такое? Платье?
- О, нет. Скорее халат для расслабухи.
- Ты считаешь, что она притворяется?
- Уверен.
- Что ж... - Он повернулся и крикнул:
- Фриц!

Фриц не заставил себя долго ждать.

- Принеси дюжину кубиков льда, - приказал Вулф.

Я склонился над пациенткой и пощупал ее пульс, потом приподнял верхнее веко, взгляделся в радужную оболочку глаза и возвестил, что все нормально - опыт можно проводить. Вулф посмотрел на меня и сурово кивнул. Фриц принес чашку с кубиками, и Вулф велел, чтобы он отдал чашку мне. Я взял один кубик и положил на щеку Зорке, но он соскользнул вниз. Я подобрал его и аккуратно положил в ямку у основания шеи, где ему лежалось вполне уютно. Потом я осторожно, но твердо приподнял ее руку, положил еще один кусочек льда в подмышечную впадину, опустил руку и крепко прижал.

Реакция последовала столь бурная и неожиданная, что я даже опрокинул чашку, и остальные кубики рассыпались по ковру. Зорка вскочила, едва не сбив меня с ног, да и сам Вулф еле успел отпрянуть, не то и его могла бы постичь та же участь. Зорка судорожно дернулась, и злополучный кубик вывалился из-под халата на пол. Она ошалело огляделась по сторонам, высмотрела кресло и плюхнулась в него.

- Что... что... - забормотала она.
- Вы неверно вжились в образ, - сказал я. - Нужно было спросить: "Где я?"

Зорка глухо застонала и обхватила руками голову. Вулф, подождав, пока Фриц собрал все кубики, вернулся к своему креслу и грузно сел. С минуту понаблюдав за Зоркой, он не выдержал и обратился ко мне:

- И что я, по-твоему, должен с ней делать? - брюзгливо спросил он.
- Понятия не имею. Вы же хотели ее видеть.
- Но не в таком виде.
- Отошлите ее домой, - посоветовал я. И тут же спохватился:
- В такси.
- Мы не можем отослать ее домой. Ее разыскивает полиция, так что у ее двери наверняка выставлен пост, а я должен поговорить с ней первым.
- Пожалуйста - говорите.
- Я должен задать ей несколько вопросов. Она в здравом уме?
- Пожалуй, да. Но я сомневаюсь, чтобы она вам вразумительно ответила - со льдом или без одного.

Он посмотрел на нее в упор.

- Мадам Зорка, я Ниро Вулф. Я хотел бы кое-что обсудить с вами. Когда вы были в Югославии в последний раз?

Не отнимая ладоней от лица, она помотала головой, застонала и пробормотала что-то еще более неразборчивое, чем "грибблзук абгрындрл".

- Послушайте, мадам, - терпеливо продолжил Вулф. Я вам сочувствую, но вопрос у меня очень простой.

И тут он выпалил пару фраз на непонятном языке, которые, возможно, имели какой-то смысл для Зорки, но никак не для меня. Но Зорка даже ухом не повела.

- Вы не понимаете по-сербско хорватски? - спросил Вулф.

- Нет, - буркнула она. - Этот я не понимаю.

Вулф бился с ней целый час. Когда ему втемяшивало, его упорство не уступало его весу. Я исписал почти весь блокнот, но на сотне страничек не набралось бы и строчки полезных сведений. Например, Вулфу так и не удалось выяснить, была ли она хоть раз в Югославии, откуда у нее такое странное имя Зорка, где она появилась на свет, и вообще - появилась ли. Более или менее достоверно удалось установить одно - как-то раз Зорка провела по меньшей мере одну ночь в каком-то парижском отеле. И еще: в тот же самый год с помощью иностранного капитала ей удалось открыть мастерскую в Нью-Йорке на втором этаже отеля "Черчилль". А также несколько мелочей: ее родной язык был не сербско-хорватский, ни с Нийей Тормик, ни с Карлой Лофхен она не дружила, с Перси Ладлоу была знакома лишь шапочно, а уроки фехтования брала для того, чтобы не полнеть. Вот и все. Вулфу, правда, удалось вытянуть из нее признание, что она звонила к нам в контору, но торжествовать ему не пришлось: она не могла вспомнить ни слова из разговора! Ни единого слова!

В двадцать минут пятого Вулф со вздохом поднялся с кресла и сказал мне:

- Уложи ее спать в южной комнате, над моей спальней, и запири на ключ.

Зорка тоже встала, оперлась рукой о край его письменного стола и провозгласила:

- Я хочу домой.

- Дома вас ждет полиция. Как я уже вам говорил, я сообщил им о вашем телефонном звонке. Они увезут вас в участок и будут куда настойчивее, чем я.

Итак?

- Хорошо, - простонала она.

- Спокойной ночи, мадам. Спокойной ночи, Арчи.

Вулф, тяжело ступая, протопал в прихожую к лифту.

Тащить Зорку вверх я не собирался, поэтому взбежал по лестнице, зашел в лифт, на котором вознесся Вулф, спустился в прихожую и отвез гостью в южную комнату. Полусонный и недовольный Фриц проверил, застлана ли постель, развесил полотенца, разложил туалетные принадлежности и поставил в вазочку наши фирменные орхидеи - катлеи из вазы со стола Вулфа. Пусть Зорка не захватила с собой ночную рубашку, тапочки и зубную щетку, но зато могла вдоволь понаслаждаться орхидеями. Фриц отвернул одеяло, и я усадил Зорку на край кровати.

- Бедненькая, - покачал головой Фриц.

- Угу, - буркнул я. Потом спросил Зорку:

- Может, вам помочь - с шубкой или еще как-нибудь?

Она помотала головой.

- Окно открыть?

Тот же ответ.

Мы оставили ее и вышли. Я запер дверь снаружи и положил ключ в карман.

Когда я, наконец, улегся в собственную постель, было уже без десяти пять и в окно уныло скребся тусклый ноябрьский рассвет.

В восемь утра, умытый и одетый, но невыспавшийся и злой, я понес Зорке поднос с кофейником. Когда на мой третий и самый громкий звук никто не отозвался, я отомкнул дверь и вошел. Зорки и след простыл. Постель была в том же виде, в каком ее оставил Фриц. Окно с левой стороны, выходящее к пожарной лестнице, было поднято до самого верха.

Глава 12

Я спустился на этаж ниже, постучался в дверь спальни Вулфа и вошел. Он восседал в постели, подложив под спину три подушки и готовый наброситься на поднос с завтраком, который покоился на холме, покрытом черной шелковой простыней. Апельсиновый сок, яйца au beurre noir <В пережаренном масле (франц.)>, два ломтя копченого окорока, мелко нарезанная жареная картошка, горячие золотистые пышки с черникой и кофейник с дымящимся шоколадом - неплохое начало дня, да?

Увидев меня, Вулф рявкнул:

- Я еще не поел!

- Я тоже, - грустно признался я. - И настроение у меня тоже неважное, так что давайте будем терпимее. Я только что относил нашей гостье кофе...

- Как она?

- Не знаю.

- Она спит?

- Не знаю.

- Какого дьявола...

- Я хотел вам сказать, но вы перебили. Как всегда. Прошу больше не перебивать. Она исчезла. Спать даже не ложилась. Она вылезла из окна, спустилась по пожарной лестнице и, судя по всему, выбралась на Тридцать четвертую улицу через проходные дворы, которыми и мы с вами иногда пользуемся. Поскольку она спускалась по пожарной лестнице, она должна была миновать ваше окно, - я указал, - да еще почти на рассвете.

- Я спал.

- Я так и подумал. Хотя лелеял надежду, что, когда в доме женщина, которая к тому же может оказаться убийцей, вы не сомкнете глаз, чтобы бдительно...

- Замолчи.

Вулф отпил немного апельсинового сока, с полминуты хмуρο тарачился на меня, потом отпил еще.

- Позвони мистеру Кремеру. Расскажи все без утайки.

- Включая путешествие в любовное гнездышко?

Вулф поморщился.

- Не пользуйся такими выражениями, когда я еще не успел позавтракать.

Расскажешь ему все про мадам Зорку, мистера Барретта и мисс Рид, кроме моей угрозы мистеру Барретту.

- По поводу боснийских лесов?

- Эту тему вообще не затрагивай. Если ему потребуется письменное изложение моей беседы с мадам Зоркой, ублажи его - пусть потешится. У него достаточно сил, чтобы выяснить подноготную этих людей и разыскать мадам Зорку. Если он захочет меня видеть, пусть придет в одиннадцать.

- Но в одиннадцать придет ваша дочь.

- Тогда перенеси мистера Кремера на двенадцать, если он пожелает. - Вулф допил сок. - Позвони на радио "Сеवन Сиз" и спроси, нет ли для меня чего. Если нет, то пусть свяжутся со мной немедленно, как что-то получают. И договорись, чтобы в девять я смог позвонить в Лондон и побеседовать с мистером Хичкоком.

- Напечатать вам...

- Нет. Кто внизу?

- Пока никого. Но придут с минуты на минуту.

- Когда придет Сол, положи конверт в сейф. Я поговорю с ним, как только закончу разговаривать с мистером Хичкоком. Пусть первым поднимется Сол, потом Фред, а последним Орри. Ты уже позавтракал?

- Вы же сами знаете, что нет, черт возьми.

- Ах, да. Иди и поешь.

Я спустился в кухню, позвонил на радио и заказал разговор с Лондоном на девять часов. Потом позавтракал, одновременно читая "Таймс" - раздел, посвященный убийству Ладлоу. Тупица-репортер переврал мою фамилию, да и вообще для газеты, тираж которой начинают печатать в полночь, они дали совершенно устаревшую информацию; в частности, сообщили, что полиция до сих пор разыскивает меня. Как и предсказал Кремер, они уже откопали, что Ладлоу был британским агентом, но ни про Черногорию, ни про боснийские леса или балканских принцесс в газете не было ни слова. На второй полосе "Таймс" поместила набор фотоснимков и небольшую заметку про убийство в Париже, совершенное когда-то с помощью col de mort.

Когда прибыли Сол, Фред и Орри, я отправил их ждать в гостиную, чтобы не мешали мне работать. После второй чашки кофе и всего, что ей сопутствовало, я почувствовал себя гораздо лучше, а к тому времени, как мне удалось дозвониться до инспектора Кремера и поведать ему нашу душераздирающую историю, я уже вообще весело насвистывал. Поскольку выспаться этой ночью Кремеру удалось примерно так же, как и мне, выслушал он меня не слишком дружелюбно и совершенно рассвирепел, когда узнал, что целых два часа Зорка была у нас в руках, а мы ему даже не позвонили. И уж совсем мне стыдно передать, какие грубые выражения использовал этот достойный человек, услышав, что Зорка улизнула еще до завтрака. Я, как мог, попытался подсластить ему пилюлю, напомнив, сколько свежатинок скормил ему совершенно задарма, но Кремер продолжал кипеть, как чайник. У него самого никаких новостей вроде бы не было или он не хотел со мной делиться, но в двенадцать он обещал заскочить, если сумеет, а тем временем было бы неплохо, чтобы я отпечатал отчеты о встречах с Зоркой и Барреттом, а также о моей поездке на Мэдисон-авеню. Что ж, очень мило с его стороны.

Впрочем, случилось так, что много печатать мне не пришлось. Разговор с Хичкоком из Лондона состоялся, как и было намечено, в девять утра - я его не слушал. Затем я отправил Сола наверх, в оранжерею, как велел Вулф, хотя перед этим я взял конверт и упрятал его в сейф. Судя по всему, Солу досталось задание не из простых, так как спустился он только четверть часа спустя и спокойно попросил пятьдесят долларов на расходы. Я присвистнул и спросил, кого он собирается подкупить, и Сол ответил - окружного прокурора.

Вулф перезвонил из оранжереи и сказал, чтобы я пока попрдержал Фреда внизу, а наверх послал Орри. С Орри особых забот не было, поскольку он вернулся, не успев выйти, прошагал ко мне и потребовал:

- Выдай мне три тысячи долларов трешками <В США имеют хождение банкноты номиналом в один, два, пять и т.д. долларов.>.

- С удовольствием. Мне некогда валять дурака, Орри. Говори, сколько тебе надо.

- Нисколько, дорогуша.

- Нисколько?

- Да, представь себе. И прошу не приставать ко мне с докучливыми расспросами. Я проведу весь день в публичной библиотеке. Будь готов...

Орри увернулся от блокнота, который я в него швырнул, и, приплясывая, выбрался из кабинета.

Я вставил в машинку лист бумаги и принялся печатать отчет для Кремера.

Поскольку работа меня не слишком занимала, мысли витали где-то в стороне. Я не добрался еще до трети первой страницы, как вдруг сообразил, какая бы вышла потеха, если бы мне удалось разыскать Зорку, не вставая из-за стола. Я подтянул к себе телефон и набрал номер. Мне пришлось ждать довольно долго, прежде чем я услышал голос:

- Алло-алло-алло!

Я заговорил уверенно, но ласково:

- Алло, Белинда?

- Да. Кто это?

- Угадай.

- Я не в состоянии играть в угадайку.

- Это Арчи. Красавчик-сыщик. Я хочу предупредить...

- Как ты узнал этот номер? Он не внесен в справочник.

- Знаю. Как, по-твоему, читать я умею? Вот и прочитал на твоём аппарате, когда звонил с него. Хочу сказать следующее. Во-первых, я считаю, что ты - прелесть, поэтому, если позовешь меня почитать вслух, я приду.

Во-вторых, я забыл поблагодарить тебя за выпивку. И в-третьих, хочу предупредить тебя насчет Зорки. За ней охотится около тысячи фараонов, и если ее обнаружат у тебя, то могут быть...

- Что ты несешь? С какой стати ее здесь обнаружат, если ты сам увез ее?

- Но ведь она вернулась.

- Ничего подобного. Где она?

- Примерно в пять утра она вышла в твою сторону.

- У меня ее нет.

- Занятно. Как ты думаешь, что с ней могло случиться?

- Представления не имею, Разговор с громким щелчком оборвался. Ну и ладно. Похоже, Зорка и в самом деле не возвращалась на Мэдисон-авеню. Я напечатал еще три строчки, но в дверь позвонили. Я побрел открывать. На пороге стоял Рудольф Фабер.

Я согласен, что дом принадлежит Ниро Вулфу, а учтивость прежде всего, но тем не менее пальто свое Фабер повесил сам. Так уж я возлюбил этого субъекта. Я пропустил его вперед в кабинет, чтобы не поворачиваться к нему спиной, и неандерталец уселся в кресло, не дожидаясь приглашения. Еще в прихожей я предупредил, что до одиннадцати мистер Вулф не принимает, но, сев за стол, тем не менее позвонил Вулфу в оранжерею.

Когда недовольный голос Вулфа ворвался в мое ухо, я сказал:

- Пришел мистер Рудольф Фабер.

- Вот как? Что ему надо?

- Увидеться с вами. Говорит, что подождет.

- Сомневаюсь, что смогу поговорить с ним до обеда.

- Я ему так и сказал.

- Так. Одну минуту. - Молчание. - Поднимайся сюда. А еще лучше - позвони мистеру Грину. Прежде, чем уйти, предложи ему хорошую книгу для чтения и понаблюдай, что случится.

- По-настоящему хорошую книгу?

- Лучшую, какую только найдешь.

Я повесил трубку и развернулся на стуле лицом к гостю.

- Я нужен мистеру Вулфу наверху, и он просит меня дать вам хорошую книгу, чтобы вы без меня не скучали.

Я подошел к книжным полкам, снял "Объединенную Югославию" и протянул Фаберу.

- Думаю, что вы от нее не оторветесь, тем более...

Фабер встал, швырнул книгу на пол и зашагал к двери.

Я в три прыжка преградил ему путь и грозно проревел:

- Поднимите!

Я, конечно, понимал, что это ребячество, но уж больно у меня руки чесались вмазать ему по холеной надменной физиономии, да и просто поучить хорошим манерам такого наглеца не мешало бы. Кстати, я оставил ему лазейку для отступления, повторив, чтобы он поднял книгу, но он продолжал переть на меня, как носорог, словно рассчитывал, что я растаю и обернусь морской пеной.

Я спокойно предупредил:

- Смотрите, уже летит, - и резко выбросил вперед правый кулак.

В подбородок я метить не стал по двум причинам: во-первых, оный у Фабера отсутствовал, а во-вторых, мне не улыбалось оплачивать больничные счета. Так что удар пришелся в левую скулу.

Дверь, открывающаяся из кабинета в гостиную, чуть приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова Фреда Даркина.

- Эй, помочь не надо?

- Зайди, Фред. Как он тебе?

Фред подошел поближе и склонился над распростертым на ковре Фабером.

- Черт побери! Сколько же раз ты ему врезал?

- Один.

- Дьявольщина! И ты носишь фамилию Гудвин? Мне и раньше порой казалось... Твоя мать никогда не жила в Ирландии?

- Катись к чертям. Лучше отойди и не мешай - видишь, человек приходит в себя.

Фабер поднимался по частям. Сначала оперся на руки, потом встал на четвереньки и, наконец, с трудом выпрямился во весь рост. Медленно повернулся и одарил меня таким взглядом, что я не выдержал и посмотрел в сторону. Вот уж не ожидал увидеть такое выражение в глазах человека, которого я только что отправил в нокаут. Разумеется, первым моим порывом было потребовать от него, чтобы он поднял книгу, но я сдержался. Более того, когда Фабер двинулся к двери, я даже отступил на шаг, освобождая ему дорогу, и попросил Фреда, чтобы он проводил его. Затем подобрал книгу, поставил ее на место, потер ушибленные костяшки пальцев, несколько раз сжал и разжал кулак, позвонил наверх Вулфу и доложил сводку. В ответ услышал только хрюканье.

Размяв пальцы до рабочего состояния, я снова уселся за машинку, но день, похоже, складывался неудачно для кремеровского отчета. Мало того, что все во мне сопротивлялось необходимости переводить чистую белую бумагу ради того, чтобы обеспечить полицейских интересным чтивом, но меня еще без конца прерывали телефонные звонки. Позвонил Милтан,

чемпион-фехтовальщик. Хотел знать, как обстоят дела, но порадовать его мне было нечем. Позвонил какой-то приезжий из Сент-Луиса, мечтавший поболтать с Вулфом по поводу орхидей, - провинциал удостоился аудиенции на следующий день. Звонил Орри Кэтер, который доложил Вулфу, а немного позже и Сол Пензер - в обоих случаях Вулф просил меня не слушать по параллельному аппарату.

Время шло уже к одиннадцати, когда позвонил японский император. Так, во всяком случае, была обставлена церемония звонка. Сначала женский голос попросил к телефону мистера Вулфа, я спросил - кто его спрашивает, и женщина ответила, что мистер Барретт. Я попросил передать мистеру Барретту трубку, а она сказала, чтобы я подождал. Я подождал. Наконец мужской голос произнес, что хочет говорить с мистером Вулфом; я спросил, он ли мистер Барретт, и он ответил, что нет, но, в свою очередь, потребовал, чтобы я подзвал к телефону Вулфа. Я спросил, кто хочет говорить с Вулфом, и он ответил, что мистер Барретт. Тогда я снова попросил подзвать мистера Барретта и опять услышал, что должен подождать. Так вот мы развлекались. Наконец, когда борьба пошла уже по третьему кругу, я услышал в трубке нечто более определенное - расслабленный вкрадчивый голос:

- Барретт у телефона. Мистер Вулф?

- Дональд Барретт?

- Нет, нет, Джон П. Барретт.

- А, отец Дональда. Из фирмы "Барретт и Дерюсси"?

- Да, мистер Вулф, вы...

- Минуточку. С вами говорит Арчи Гудвин, доверенный помощник мистера Вулфа.

- Я думал, что меня соединили с мистером Вулфом.

- Нет. Я всех переспорил. Мистер Вулф занят до одиннадцати часов, но я могу передать ему послание.

- Э-э... - Молчание. - Что ж, передайте следующее: я хотел бы, чтобы мистер Вулф как можно скорее перезвонил мне в контору.

- Нет, сэр, ничего не выйдет. Он никогда не звонит по телефону.

- Но у меня очень важное дело. Даже срочное. Хорошо бы, чтобы мистер Вулф...

- Нет, сэр, это бесполезно. Мистер Вулф по деловым вопросам принимает только у себя в конторе. Он не перейдет на другую сторону улицы, даже если ему посулят весь золотой запас Америки.

- Но это просто нелепо!

- Да, сэр. Я всегда так говорил. Но обсуждать это бесполезно - случай клинический.

Секунд десять трубка выразительно молчала. Потом:

- Где находится ваша контора?

- Дом пятьсот шесть по Западной Тридцать пятой улице.

- Мистер Вулф проводит там весь день?

- И ночь тоже. Контора расположена в его собственном доме.

- Что ж... я еще подумаю. Спасибо.

Вулф спустился из оранжереи несколько минут спустя, просмотрел почту, проверил, запровадена ли авторучка, позвонил, чтобы Фриц принес пива, и пробежал глазами три страницы отчета, которые я успел отстучать. Лишь тогда я поведал ему о переговорах с Барреттом. Вулф внимательно выслушал, поблагодарив меня небрежным кивком. Решив, что неплохо бы расшевелить лентяя, я заметил, что он и так уже втянут в дело из чувства семейного долга, что он сорит деньгами направо и налево, в связи с чем было бы глупо и недальновидно не занять еще

одного клиента в придачу к мисс Тормик, тем более такого, как Джон П. Барретт, которому явно не терпится поучаствовать в общей потехе. Я также рассказал о том, что первая сотня барреттовских денег уже прошла через мои руки и было бы обидно останавливаться на достигнутом.

Впрочем, пробить дырку в его броне мне помешало появление самой клиентки - Фриц возвестил о том, что пришла мисс Тормик, и ввел ее в кабинет.

На ходу поздоровавшись с Вулфом, Нийя, не замечая меня, прошагала к его столу и решительно потребовала:

- Где бумага? Вы ее получили?
- Да, она у меня, - ответил Вулф. - Сядьте, пожалуйста.
- Я... Мне нужна бумага!
- Арчи, отдай ей бумагу.

Я подошел к сейфу, открыл его и вынул конверт, адресованный Солу Пензеру. Достав из него бумагу, я протянул ее Нийе, а конверт выбросил в корзинку для бумаг. Нийя развернула бумагу и просмотрела ее.

Вулф протянул руку.

- Дайте мне посмотреть, Мисс Тормик даже ухом не повела. Вулф нахмурился и повторил свою просьбу, уже настойчивее. Нийя неохотно отдала ему бумагу, но сама не спускала с нее глаз. Вулф быстро пробежал ее глазами, свернул вчетверо и спросил:

- Где мисс Лофхен?
- В фехтовальной школе. Сказала, что едет туда.
- Но ведь сегодня не может быть занятий.
- Не знаю. Так она мне сказала.
- Вы видели ее утром?
- Естественно. Мы живем вместе в маленькой квартирке на Тридцать восьмой улице. - Нийя протянула руку. - Отдайте мне...
- Подождите. Не знаю, почему я решил, что вы приедете ко мне вместе с мисс Лофхен - глупо, конечно, но я сам виноват. Тем не менее именно она оставила здесь документ, так что только ей я могу его вернуть. Если она...

- Я сама ей передам.

- Нет. Я не согласен. Арчи, возьми. Поезжай вместе с мисс Тормик к Милтану и отдай бумагу мисс Лофхен. Так мне спокойнее.

- Но это же дикость! - возмутилась клиентка. - Какая разница, кому отдавать бумагу - мне или Карле?

- Возможно, никакой. Но так мне удобнее. Так аккуратнее. - Вулф отдал мне бумагу и хмуро воззрился на дочь. - Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что делаете. Надеюсь также, вы понимаете, что происходит. Я не понимаю.

Мистер Фабер уже дважды приходил сюда, чтобы попытаться завладеть этой бумагой.

- Вот как? - Нийя поджала губы, - Приходил к вам?
- Да. Второй раз - чуть больше часа назад, причем мистер Гудвин вышел из себя и стукнул его по лицу. Так что вы, девушки, должны понимать, чем грозит вам...
- Мы понимаем.
- Очень хорошо. И вы по-прежнему рассчитываете закончить свое... дело... сегодня?
- Да.

- Когда и где?

Мисс Тормик покачала головой.

Вулф пожал плечами.

- Вы встречались сегодня утром с мистером Кремером? - поинтересовался он.

- Встречалась, но не с мистером Кремером. Какой-то полицейский отвез меня в полицейское управление, и там со мной говорили двое. Оттуда я поехала напрямик к вам.

- Вы рассказали о том, что нашли эти штуки в своем кармане и про все остальное?

- Да.

- Они не задавали вопросов о ваших политических целях?

- Нет, конечно. С какой стати? Ведь они ничего об этом не знают.

- За вами следили, когда вы вышли из полицейского управления?

- Я... - Нийя прикусила язык. Немного помолчав, она сказала:

- Не знаю.

Не думаю. Если вы настаиваете... У меня нет времени. Я все равно должна повидаться с Карлой, но если он собирается...

Вулф кивнул.

- Ладно. Пф! Арчи, отдай бумагу мисс Лофхен в присутствии мисс Тормик.

Я предложил:

- Фред в гостиной. Он мог бы...

- Нет. Сам.

- Но через полчаса придет Кремер.

- Я знаю. Возвращайся как можно скорее.

Я проводил Нийю к выходу. "Родстер" стоял напротив крыльца, где я его и оставил. Мы забрались в машину, я запустил двигатель, с минуту разогревал его, потом включил передачу, и мы поехали, Нийя сидела с отчужденным видом.

Не знаю, что было у нее на уме, но ко мне ее мысли определенно отношения не имели. Смирившись, я не открывал рта за все время непродолжительного путешествия на Сорок восьмую улицу.

На другой стороне улицы напротив заведения Милтана собралась небольшая толпа, а перед входом патрулировал полицейский. Пока мы шли к входным дверям, фараон придирчиво осмотрел нас, но останавливать не стал. Ни в вестибюле, ни в приемной не было ни души, но из кабинета Милтана доносились приглушенные голоса. Мы заглянули туда и увидели, что Жанна Милтан сидит за столом в кресле, а по другую сторону стола расположились двое сыщиков с блокнотами. Муж Жанны с потерянным видом и несчастной физиономией мерил шагами комнату, время от времени сокрушенно покачивая головой. Увидев нас, один из сыщиков задрал голову и рявкнул:

- Что вам надо?

- Все в порядке, - приветливо отозвался я. - Мы по личному делу.

Нийя остановила Милтана и спросила:

- Мисс Лофхен наверху?

- Никого наверху нет, - простонал Милтан. - Здесь совсем пусто. Мы разорены. Мистер Гудвин, вы можете мне сказать...

- Прошу прощения, но мне нечего вам сказать. А утром мисс Лофхен была здесь?

- Да, она заходила, но сейчас ее нет.

- А давно она ушла?

- Господи, откуда мне знать? Может, полчаса назад. - Милтан хлопнул себя по лбу и посмотрел на Нийю. - Она просила вам что-то передать, если вы придете...

Раздался голос Жанны Милтан:

- Она уехала домой, мисс Тормик.

- Да, верно, - согласился Милтан. - Это она и просила передать. Что едет домой. И больше ничего. Она уехала домой.

- А что вы от нее хотели? - спросил сыщик.

- Подсказать фаворита на предстоящих скачках, - ухмыльнулся я. - Идемте, мисс Тормик.

Мы вышли на тротуар. Я спросил:

- Значит, говорите, на Тридцать восьмой улице? Западной или Восточной?

Нийя нежно улыбнулась.

- Право, это такая глупость. Зачем вам со мной ехать? Неужели вы думаете, что я не отдам ей бумагу?

- Что вы, нет, конечно, - заверил я. Какой, скажите, смысл был мне препираться с будущей женой? - Я бы с радостью отдал вам бумагу, но мне все равно нужно ехать в том направлении. К тому же если я послушаюсь Вулфа, он меня уволит. Какой у вас адрес?

- Дом четыреста четыре. Восточная Тридцать восьмая улица.

- Это займет всего лишь... Извините, я сейчас. - Я заметил кое-что занятное. - Залезайте в машину, а я сейчас вернусь.

Я зашагал к такси, которое стояло футах в двадцати позади нашего "родстера". Несколько секунд назад я заметил, как пассажир такси внезапно резко пригнулся, чтобы скрыться с моих глаз. Когда я всунул голову внутрь, таксист сказал:

- Занято.

- Вижу, - ответил я и вытянул шею, чтобы получше рассмотреть Фреда Даркина, съжившегося на сиденье. Стало быть, Вулф приставил "хвост" к собственной клиентке. - Просто хотел сберечь ваши нервы и время. Четыреста четыре, Восточная Тридцать восьмая улица.

Я вернулся к "родстеру", сел на водительское сиденье, запустил мотор и сказал Нийе, что обменялся парой любезностей со своим закадычным дружкой, русским графом, который разъезжал в такси для поправки здоровья. Нийя промолчала. Вся в папочку. Должно быть, погрузилась с головой в балканскую историю или, по меньшей мере, - в ту ее часть, в которую сейчас влипла. В отместку всю дорогу я был нем как рыба.

Прямо напротив дома 404 оставалось свободное место, где я и остановил машину. Домик оказался довольно старым, одним из тех, которые превращали в многоквартирные, отгораживая лестницу и возводя поперечные перегородки.

Крыльцо из восьми ступенек, вестибюль с почтовыми ящиками и кнопками звонков и дверь в узкий коридор. Нийе даже не пришлось доставать ключ, потому что дверь была приоткрыта. Я пропустил девушку вперед. Мы поднялись по темной лестнице на третий этаж, Нийя остановилась перед ближайшей к лестнице дверью и попыталась нащупать в сумочке ключ. Потом, должно быть, решила, что проще попытаться счастья по-другому, и позвонила - звонок был громкий, я слышал, как он дребезжал внутри квартиры. Однако открывать никто не спешил, и Нийя, позвонив еще пару раз, в сердцах процедила:

- Он же сказал, что она поехала домой.

- Угу. Ключ-то у вас есть?

Она снова порылась в сумочке и на этот раз отыскала ключ. Отопнула дверь, зашла, сделала четыре шага и остановилась как вкопанная. Я заглянул через ее плечо и увидел, что ее испугало: на полу в неестественной позе распростертое тело человека, которого пару часов назад я угостил ударом кулака.

Прежде чем я успел ей помешать, Нийя вздернула голову и завопила что было мочи:

- Карла!

Глава 13

- Вы не могли бы заткнуться? - раздраженно попросил я.

Нийя даже не пошевелилась. Я обошел вокруг и заглянул ей в лицо.

Похоже, сотрясать стены она уже не собиралась, так что я оставил ее и присел на корточки перед трупом. Одного взгляда оказалось вполне достаточно.

Пораскинув мозгами, я встал, посмотрел на Нийю, грудь которой судорожно вздымалась, и сказал:

- Самое неприятное, что у меня в кармане эта бумажка.

Нийя подняла голову и еле слышно прошепестела, едва шевеля губами:

- Отдайте ее мне.

- Разумеется, Блестящая мысль.

Я обогнул стол, подошел к окну, выходящему на Тридцать восьмую улицу, приподнял его, выглянул наружу и увидел как раз то, на что и рассчитывал. Я повернулся к девушке и спросил:

- У вас нервы крепкие?

- Да.

- Тогда подойдите сюда.

Она подошла, быстро и бестрепетно. Я попросил, чтобы она выглянула из окна и посмотрела вниз, - Видите бело-серое такси возле тротуара посередине квартала?

- Да.

- Подойдите к нему и спросите у пассажира, он ли Фред Даркин. Он ответит, что да. Скажите, что он мне срочно нужен здесь, но ничего не объясняйте, чтобы таксист не услышал. Приведите Даркина сюда. Я буду следить за вами из окна на тот случай, если вам вдруг захочется сделать ноги...

- Не захочется.

- Хорошо. Только, пожалуйста, побыстрее. И знайте - вы славная и смелая девушка.

Нийя отправилась выполнять поручение. Несколько секунд спустя она уже вышла на улицу, сбежала с крыльца, быстро прошагала к такси, открыла дверцу, что-то сказала и повернула обратно уже вместе с Фредом. Не будучи знатоком повадок черногорок, оказавшихся в трудном положении, я оставался на посту у окна до тех пор, пока Фред с Нийей не вошли в комнату. При виде того, что лежало на полу, Фред остолбенел.

- О, дьявольщина, - пробормотал он и испуганно посмотрел на меня.

- Нет, - покачал головой я. - На сей раз я невиновен. Никто больше не испортит физиономию этому бедолаге. - Я вынул из кармана бумагу. - Вот кое-что важное. Поскольку труп обнаружил я, уйти я не могу, а в свете кое-каких событий, случившихся вчера, меня могут обыскать с ног до головы.

Возьми эту... Эй, стой, бесовка!

Нийя сделала неуправляемый фехтовальный выпад, выхватила бумагу у меня из руки и отпрянула назад, прижимая к груди добычу.

- О, черт! - покачал я головой. - За вами и молния не поспеет. Но вы поступили глупо. Вам ведь тоже придется оставаться здесь - я уж об этом позабочусь. Когда нагрянут полицейские, они обыщут здесь все, в том числе и нас, причем нас - особенно тщательно. Бумажка эта им нужна как воздух.

Отдайте ее Фреду. Хорошо?

Нийя судорожно дышала.

- Не упрямьтесь, черт возьми? Только Фред может вынести ее отсюда.

Отдайте!

Фред протянул руку.

- Давайте же.

- А что он с ней сделает?

- Будет ее холить и лелеять денно и ночью.

Нийя не шелохнулась. Я шагнул вперед, вырвал бумажку и отдал ее Фреду.

- Ступай вниз, - велел я. - Отошли прочь такси, садись в мой "родстер", поезжай к Вулфу и отдай бумагу ему, если он один. Если у него кто-то есть, пусть Фриц вызовет Вулфа на кухню - передашь бумажку там.

- Сказать ему...

- Я сам ему позвоню. Если тебя будут допрашивать, расскажешь только про то, что здесь видел, а про бумагу не упоминай. В контору я тебя посылаю потому, что полицейские наверняка вцепятся в меня мертвой хваткой и продержат бог знает сколько, а в мое отсутствие ты будешь нужен Вулфу.

Договорились?

- О'кей. - Фред повернулся, чтобы идти.

- погоди. Задержись на минутку.

Я принялся шарить по комнате. Заглянул за диван и даже под него, проверил стенной шкаф и уже прикоснулся к ручке двери, ведущей в спальню, когда Фред прорычал:

- Эй, ты не забыл про отпечатки?

- Черт с ними, с отпечатками. Имею же я право поискать убийцу.

Я продолжил свое занятие и не успокоился до тех пор, пока не проверил все места, где мог затаиться преступник. Много времени у меня это не заняло, поскольку в квартирке была одна ванная, кухня и две спальни. Я вышел в переднюю и сказал Фреду:

- Все, можешь топать.

Фред поспешно отчалил.

Я посмотрел на Нийю.

- Вы уже дрожите. Присядьте лучше.

Нийя помотала головой.

- Со мной все в порядке. Но я... я... Карла... Где она?

- Представления не имею. - Я подошел к столу, на котором стоял телефонный аппарат, и снял трубку.

- Но подождите... пожалуйста! Почему нам нельзя просто уйти? Уйти и поискать Карлу?

- О, замечательно! - Я начал накручивать диск. - У вас порой случаются настоящие озарения. Как вчера, например, когда вы засунули эту штуку мне в карман. Просто запереть дверь и уйти,

да? Когда эти ребята, что берут интервью у Милтана, знают, что мы поехали сюда? Да еще таксист...

- Ниро Вулф слушает, - пробурчала трубка.

Я понизил голос до шепота.

- Привет, босс. Просьба соблюдать осторожность.

- Согласен.

- Кремер там?

- Да.

- Отвечайте одними междометиями, чтобы можно было наврать, будто звонили из Армии спасения. Мы ездили к Милтану и узнали, что Карла там была, но уехала домой. Тогда мы отправились туда, в дом четыреста четыре по Восточной Тридцать восьмой улице. Адрес запомнили?

- Да - Старый дом, без лифта, третий этаж. Нийя отперла дверь своим ключом.

На полу лежал Рудольф Фабер без признаков жизни. В пиджаке слева на груди дырка. Рубашка залита кровью. Оружие не обнаружено. Карлы дома тоже не оказалось. Звоню прямо отсюда, Нийя стоит рядом со мной...

- Одну минуту. Мне было доверено...

- Тут все в порядке. Фред следил за нами, я послал за ним Нийю, и сейчас это уже у него, а он едет к вам. Установить, что она побывал здесь, легче легкого - нас это тоже касается. Кто-то все второпях перерыл - ящики выдвинуты, на полу разбросаны вещи и так далее. Телефон здесь такой: Хэммонд три-сорок пять ноль пять. Мне продолжать?

- Нет.

- Повесить трубку, чтобы вы пустили в ход свой гениальный мозг, и перезвонить снова через три минуты?

- Нет. Оставайтесь там вместе с мисс Тормик. Здесь у меня мистер Кремер, и я ему все передам. Не вешай трубку.

Я услышал его голос, а потом до меня донеслись громкие звуки - должно быть, Кремер кувыркнулся от злости. В следующую секунду мне в ухо проорали:

- Гудвин!

- Да, сэр, слушаю вас.

- Оставайся на месте! Понял?

- Да, сэр.

Вот и все, если не считать щелчка брошенной трубки. Я дал отбой, прошагал к Нийе, взял ее за локоть, увлек к креслу и усадил.

- Они нагрянут минут через пять. Или даже быстрее. На сей раз первым подоспеет сам инспектор Кремер. И теперь вы уже точно втянуты в дело об убийстве. Здесь, в собственной передней. Что вы собираетесь рассказать Кремеру?

Нийя подняла голову и посмотрела на меня в упор. Она не моргала, по подбородок мелко дрожал. Девушка пожала плечами.

- А что я могу рассказать?

- Не знаю что.

- Ничего.

- Этого мало. При данных обстоятельствах. Его ухлопала ваша подруга Карла?

- Не знаю - Или вы сами?

- Вы же знаете, что нет!

- Не знаю. Много у вас здесь секретных шифров, компрометирующих бумаг про боснийские леса, концессии и плутни "Барретт и Дерюсси"?

- Нет, здесь ничего нет. Я очень осторожна.

- Да, очень. Я что хочу сказать, если вы станете отпираться и утверждать, что никогда и в глаза не видели Фабера и не представляете, с какой стати его пришили именно здесь, вам придется туго. Если будете говорить правду - другое дело, но если решите лгать, вам нужно быть поизобретательнее. Беда еще в том, что тот, кто убил Фабера, лишил вас алиби в убийстве Ладлоу. Я не пытаюсь вас запугать, но хочу, чтобы вы...

Зазвонил телефон, я подошел и снял трубку.

- Телефон Хэммонд три...

- Арчи, мистер Кремер приедет с минуты на минуту.

- Ах, какой кошмар!

- Как мисс Тормик?

- Замечательно. Уверяет, что у нее память отшибло.

- Шок?

- Нет, просто ничего не знает.

- Когда ее будут допрашивать о ее передвижениях после десяти утра - в это время Фабер ушел от нас живой, - она должна дать согласие отвечать только в присутствии своего адвоката. При данных обстоятельствах эта мера вполне оправдана.

- Я ей передам.

- Непременно. Я договорюсь с мистером Паркером, чтобы он представлял ее. А что она говорит про мисс Лофхен?

- Тоже без понятия. Войдя и увидев, что лежит на полу, она первым делом завопила: "Карла!"

- Понимаю. Что ж, очень плохо. Кстати, куда ты дел записи о размножении гибридов онцидиума? Я хотел бы кое-что уточнить.

- Боже всемогущий! - Я всплеснул руками. - Ваша дочь тут сходит с ума от ужаса, я сижу с руками, обогранными кровью Фабера, а вы несете какую-то чепуху о всяких дурацких... Почему бы вам вместо этого не поупражнять свои гениальные мозги?

- Я не могу работать, когда работать не с чем. Постарайся вернуться как можно скорее. Куда ты подевал эти записи?

Я рассказал. Он поблагодарил и положил трубку. Я взглянул на Нийю, которая сидела, сжав губы и сцепив пальцы, и мрачно заметил:

- Ну и субъекта вы себе выбрали в приемные отцы. Знаете, чем он развлекается? Изучает, как размножаются орхидеи, которые он высадил год назад! Кстати, он передал, чтобы вы отвечали на любые вопросы, которые вам будут задавать полицейские по поводу всех ваших сегодняшних передвижений начиная с десяти утра. На все другие вопросы отвечать отказывайтесь, пока не посоветуетесь с адвокатом. Он предоставит вам своего.

- Адвоката - мне?

- Да.

Вдали за открытым окном послышался вой полицейской сирены.

В пять минут третьего Вулф допил последнюю каплю послеобеденного кофе, отставил чашечку в сторону и издал два четких и совершенно различных звука.

Первый означал удовольствие и удовлетворение, полученное от ближайшего прошлого - того часа, что он провел за обеденным столом; второй - тоску по поводу ближайшего будущего, которое воплощалось в рассеявшейся в красном кожаном кресле махине - инспектор Кремер собственной персоной пожаловал ровно в два часа и с тех пор ждал в кабинете.

Мы с Вулфом вошли в кабинет и расселись по своим местам. Конец незажженной сигары во рту Кремера описал восьмерку.

- Сожалею, что вы из-за меня так скомкали свой обед, - съязвил он.

Вулф отрыгнул.

Инспектор излил свой яд на меня.

- Не придумал чего-нибудь новенького по поводу того, зачем вам с мисс Тормик понадобилось ехать к ней домой?

Я потряс головой.

- Нет, сэр. Как я вам уже говорил, мы поехали туда, чтобы увидеться с мисс Лофхен.

- И зачем она вам потребовалась?

- Я собирался привезти ее сюда, к мистеру Вулфу. Обговорить кое-какие дела.

- А что - ее разбил паралич?

- Оставьте, мистер Кремер, - поморщился Вулф. - Сами понимаете - это ребячество.

Размахивать кулаками - не лучший аргумент в спорах. Не думаете же вы, что вам удастся вырвать у мистера Гудвина признание, если у них с мисс Тормик и впрямь было какое-то важное дело?

Кремер отрешенно жевал сигару, потирая кончики пальцев. Наконец он сказал:

- Я вот сидел тут и думал...

Вулф сочувственно кивнул:

- Да, здесь хорошо думается. Уличный шум почти не мешает.

Молчание.

Кремер изрек:

- Я отнюдь не дурак...

Вулф снова кивнул:

- Всем нам порой так кажется. Это все яд самомнения. Но страшного ничего нет - нужно только всегда держать под рукой противоядие.

- Я вовсе не тщеславен, черт побери! - взорвался Кремер и вынул сигару изо рта. - А имел я в виду, говоря, что я не дурак, то, что я прекрасно понимаю - только здесь, сидя в вашей конторе, я могу получить хоть какую-то наводку.

- Могу лишь повторить, что здесь и в самом деле хорошо думается.

- Да. Только я не об этом говорю. Я говорю о вас. Вокруг этого дела создали завесу тайны.

Почему - я не знаю, но вам-то это известно, как пить дать. Я, конечно, не рассчитываю, что вы мне выложите всю подноготную, но намекать вам и прежде случалось, и я не вижу причин, почему бы вам не намекнуть и сейчас. Не удивлюсь, если вам уже известно, кто убил Ладлоу и Фабера.

- Вы ошибаетесь. Я этого не знаю.

- Но вы наверняка знаете что-то такое, чего не знаю я. Возьмем, к примеру, вашу клиентку.

Почему эта девушка стала вашей клиенткой? Разве она способна заплатить сумасшедший гонорар, к которому вы привыкли? Ясное дело - нет. Тогда кто вам заплатит? Это-то вы знаете?

Естественно, да. Вы беретесь за дело только тогда, когда это вам выгодно. Даром у вас и песка в

пустыне не допросишься. Почему, кстати, Даркин торчал там в такси? Гудвин сам признает, что позвал его в квартиру, а потом отослал сюда в машине. В вашей машине. Держу пари, что он прихватил с собой и Лофхен.

- Вздор. Фред приехал сюда один и по дороге никуда не заезжал.

- Это вы говорите.

- Можете спросить Фрица, который открыл дверь.

- Чушь собачья! Какой смысл спрашивать людей, которые работают на вас? Ничего, мы найдем Лофхен, да и Зорка никуда от нас не денется, будьте уверены.

- Так вы еще не напали на их след?

- Нет еще. Но нападём. За Лофхен следил наш человек, но он еще не докладывал, так что нам неизвестно, где она. И еще: Зорка была здесь у вас...

- Она была пьяна.

- Но не настолько, чтобы не суметь удрать по пожарной лестнице. Если верить вам. - Кремер ткнул в направлении Вулфа сигарой. - Вы отдаёте себе отчет, что на сей раз мне ничего не стоит пришить вам обвинение в укрывательстве улик?

- Сомневаюсь. Впрочем, можете попытаться.

- Я бы попытался, но не могу. И причина весьма серьезная. И комиссар и окружной прокурор всячески пытаются замаять эту историю.

Брови Вулфа взметнулись вверх.

- В самом деле?

- Да. Я говорил, что все это дело покрыто мраком. Терпеть не могу такую мерзость. Я полицейский. Мне платят за то, чтобы, посмотрев на труп, я решил - убийство это или нет, и если да, то отыскал преступника и доказал его вину. Вот за что мне платят. В девяносто девяти случаях из ста руководство мне помогает, но время от времени какие-то политики или иные влиятельные особы вмешиваются и пытаются повязать мне руки. Я не люблю и не потерплю, чтобы мне вставляли палки в колеса. - Кремер всунул сигару в рот и опустил тяжелые кулаки на подлокотники кресла. - Никогда не потерплю.

- И вам пытаются помешать именно сейчас?

- Да. Британский консул позвонил комиссару, чтобы выразить озабоченность по поводу убийства британского подданного и так далее. Вчера в одиннадцать вечера они с комиссаром встречались, а сразу после встречи консул связался с Лондоном. Утром я спросил комиссара, в чем дело, но тот ответил, что британский консул ничем нам помочь не в состоянии, однако надеется на то, что правосудие восторжествует. Хотя шансов на это не больше, чем на знойную зиму. Затем, немного позже, во время разговора с окружным прокурором я предложил, чтобы он связался с Британским посольством в Вашингтоне, но прокурор напрочь отказался, заявив, что, по его глубокому убеждению, расследование в этом направлении никуда не приведет. Довел меня до того, что я сам едва не позвонил в Вашингтон!

- А почему, кстати говоря, нет?

- Потому что я слишком стар, чтобы искать другую работу. Зато буквально через пять минут после того, как я добрался туда на Тридцать восьмую улицу, я позвонил генеральному консулу Германии и спросил его прямо в лоб про Фабера. Представляете, у консула хватило наглости заявить мне, что он не имеет ни малейшего понятия о том, чем занимается в Нью-Йорке Фабер! Хотя еще накануне, когда речь шла об убийстве Ладлоу, сказал мне, что за Фабера ручается головой! Тогда я позвонил в Вашингтон, в посольство Германии, но там мне тоже дали от ворот поворот. Какого черта эти страны засылают к нам таких типов, о деятельности которых и упомянуть-то вслух стыдятся? Даже после их смерти.

Вулф потряс головой.

Кремер некоторое время молча пялился на него, потом вдруг произнес:

- Я отправил телеграмму в Югославию, в Загреб.

- Вот как? - безмятежно поинтересовался Вулф.

- Да. Это город, из которого приехали эти две девушки. Он, во всяком случае, указан в их паспортах. По словам девушек, в Америку они приехали, потому что это страна неограниченных возможностей. Им задали вопрос, почему они тогда прибыли не как беженцы, а по гостевым визам? Они ответили, что хотели сначала посмотреть и удостовериться, такова ли на самом деле Америка, как ее описывают.

- Осторожничают, - буркнул Вулф. - В телеграмме вы, конечно, спрашиваете, не уличены ли они в какой-нибудь деятельности против Британской империи. Сомневаюсь, чтобы вам удалось чего-нибудь добиться. Если они работают на югославское правительство, вам ничего не ответят. Если на кого-то другого... Загреб - столица Хорватии, а тамошние власти вряд ли захотят вам помочь. Могу я спросить, почему вы так заинтересовались именно этими девушками?

- Это вовсе не так. Я навожу справки обо всех. Но сейчас - чему вы удивляетесь? Ведь одна из них исчезла. Да и Фабера как-никак закололи в их квартире. Тормик по-прежнему ваша клиентка?

- Да.

- Если она ни в чем не виновата, вы зря запрещаете ей давать показания.

- Я так не считаю.

- А я считаю. - Кремер отбросил сигару и откинулся на спинку кресла. - Откровенно говоря, я ее вовсе не подозреваю. Главным образом, по двум причинам. Во-первых, она ваша клиентка. Это само по себе немало. Во-вторых, убийство Фабера разрушает ее алиби в убийстве Ладлоу. Не настолько же она глупа. В четверть десятого утра ее выпустили из управления, но приставили "хвоста". Она села в такси. На Кэнал-стрит внезапно выскочила и скрылась в подzemке. Мой сыщик подрастерялся и в толпе не поспел за ней, а тут как раз и поезд подошел. Вопрос в том, что она делала до десяти минут двенадцатого, когда пришла к вам?

- А что она говорит?

- По ее словам, она сказала таксисту, чтобы он отвез ее к вам, но по дороге сообразила, что вполне успеет добраться на метро до Милтана, чтобы поговорить с мисс Лофхен. В метро же она поняла, что время поджимает, вылезла на станции "Гранд-Сентрал", позвонила оттуда мисс Лофхен, села в другое такси и поехала к вам.

- Она позвонила мисс Лофхен? К Милтану?

- Да Мы проверили. Милтан сам снял трубку, узнал голос мисс Тормик и позвал мисс Лофхен. Примерно без четверти одиннадцать.

- А о чем, по ее словам, мисс Тормик говорила с мисс Лофхен?

- Она заявила, что это не мое дело.

Вулф вздохнул.

- Попробуйте это опровергнуть.

- Да, я и сам понимаю. Поэтому и говорю, что вовсе не подозреваю ее в убийстве.

- А кого подозреваете? Мисс Лофхен?

- Откуда мне знать, черт возьми? - Кремер выпрямился и снова сжал кулаки. - Разве я не признался, что ни черта в этом деле не понимаю? Ни ухом ни рылом. Я даже не представляю, кто мог находиться в квартире девушек от десяти утра, когда Фабер ушел от вас, до того времени, когда Гудвин с мисс Тормик нашли его там зарезанным. У нас нет ни одного свидетеля. Мы продолжаем расспрашивать жильцов этого и окрестных домов, но пока тщетно.

Сами знаете, насколько это тяжело.

Он стукнул кулаком по подлокотнику.

- А что будет, если мы и найдем свидетеля? Пусть бы даже я сам стоял на тротуаре и видел, как она вошла в дом вместе с Фабером, а потом вышла без него. Что из этого? Если встанет вопрос, она ли убила Фабера или Ладлоу, что я отвечу? А? Когда дело выносится на суд присяжных, принято представлять не только доказательства, уличающие преступника, но и причину убийства.

Побудительный мотив. Так уж заведено. Сейчас же я нахожусь в таком положении, что с равным успехом могу обвинить в содеянном Гудвина, заявив, что он зарезал Фабера складным ножом.

- Я не ношу складного ножа, - возразил я. - Только перочинный ножичек.

- Не слишком ли вы узко мыслите? - спросил Вулф. - Может быть, стоит...

- Я вообще никак не мыслю. Здесь и мыслить-то нечего. Мы проверяем всех и каждого. В том числе тех, кто вчера вечером был у Милтана. Юный Гилл был у себя в конторе. Один исключается. Милтан с женой находились у себя. Трое исключаются. Остается шестеро. Дрисколл в половине одиннадцатого отправился прогуляться и вернулся в контору в одиннадцать тридцать. Дональд Барретт уверяет, что сидел в конторе, но опрос свидетелей еще не окончен, так что о его алиби говорить еще преждевременно. Лофхен, Тормик и Зорка. Двое из них исчезли. Белинда Рид вышла из своей квартиры в начале одиннадцатого, но еще не вернулась.

- А орудие убийства?

- До сих пор не найдено. Колотая рана слева, нанесенная острым предметом - достаточно длинным, чтобы попасть в сердце. Судя по количеству вытекшей крови, оружие вынули из раны не сразу, а несколько минут спустя.

Однако еще раньше его сильно ударили по левому глазу каким-то тяжелым, твердым и тупым предметом. Маловероятно, чтобы такие следы остались от падения, да и в любом случае внешний вид повреждения позволяет утверждать, что оно было причинено раньше. Следовательно, была драка, а раз так... В чем дело?

Я сжал пальцы правой ладони в кулак и выразительно покрутил им перед носом Кремера.

- Тяжелый, твердый и тупой предмет, - пояснил я.

- А? Что?

- Да, сэр. Это я. Арчи, и мой маленький кулачок. Фабер повел себя здесь настолько нагло, что мне пришлось ему разок врезать, чтобы научить изящным манерам. Вам я это говорю только потому, что вы можете откопать какого-нибудь свидетеля, который видел Фабера после того, как он покидал наш дом, а я не хочу, чтобы и меня обвиняли в сокрытии улики.

Кремер набылчился, подбородок его уперся в грудь. Ну ни дать ни взять - Джек Демпси <Знаменитый американский боксер.>, готовый обрушиться на противника. Потом медленно, очень медленно Кремер поднес к носу кончик указательного пальца и принялся тереть нос снизу вверх и обратно, не спуская с меня полуприщуренных глаз. Прошла, должно быть, минута, прежде чем он произнес:

- Нет, ты бы его не заколол.

- Да, сэр, - живо откликнулся я. - Это не мой стиль.

- Заткнись. Могло быть и иначе. Например, вы с Тормик, придя туда, застали в квартире Фабера, который шарил по ящикам. Ты бросился на него и врезал по глазу. А Тормик потерял голову и заколола его ножом. Ты вызвал Даркина и отдал ему нож, чтобы замести следы. Потом позвонил мне.

- Звучит весьма правдоподобно, - признал я, - но вы упираетесь в прежнее препятствие. Где мотив? С какой стати Тормик вздумалось бы всадить в него нож? Более того, когда я врезал

Фаберу по физиономии, Фред Даркин был здесь же, в конторе. - Я помотал головой. - Нет, эта версия не выдерживает критики. Сам я скорее склоняюсь к...

Меня прервал телефонный звонок. Попросили Кремера. Я встал и освободил ему место за своим столом. За десять минут, что инспектор разговаривал, чего мы только не наслушались - от односложных восклицаний до подробнейшего инструктажа, - после чего Кремер возвратился на свое место.

Усевшись в красное кресло, он спокойно посмотрел на меня и сказал:

- Знаешь, сынок, у тебя есть пара приличных качеств. С одной стороны, ты мне даже нравишься. Правда, с другой - я бы мог стоять столбом, наблюдая, как с тебя сдирают шкуру, и при этом не пролил бы ни единой слезинки. По части наглости тебе вообще равных нет, за исключением разве что самого Вулфа. Тормик сейчас в управлении вместе с адвокатом, которого вы к ней приставили, и отказывается отвечать на вопросы. Меня так и подмывает испробовать на ней старый как мир трюк. Пожалуй, позвоню Роуклиффу: пусть передаст ей, что ты признался в том, что вы застали Фабера в ее квартире и ты сбил его ударом кулака.

- Валийте, - согласился я. - Занятно будет посмотреть, что у вас получится. Что же касается моей наглости, то никогда - ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем - у меня не хватало и не хватит наглости, чтобы допустить даже мысль о таком деянии, которое приведет к тому, что моя славная жизнь оборвется на электрическом стуле.

- Вчера днем ты удрал с места преступления, унеся с собой орудие убийства.

- Я же не нарочно. И не удрал, а степенно ушел. К тому же я понятия не имел, что этот калдимор лежит у меня в кармане.

Кремер развалился в кресле, вздохнул и снова принялся тереть нос.

Открылась дверь из прихожей. Вошел Фриц, приблизился к столу Вулфа и произнес:

- Мистер Кэтер, сэр.

Вулф приподнял голову.

- Пусть войдет.

По неуловимым оттенкам в голосе Вулфа я понял, что Орри может раздобыть нечто важное, однако при первом же взгляде на физиономию Орри я понял, что у того ничего не вышло. Вулф, судя по всему, пришел к такому же выводу, так как не спросил, а констатировал:

- Безрезультатно.

Орри стоял в пальто, теребя шляпу и переминаясь с ноги на ногу.

- Да, сэр.

Вулф поморщился.

- Но ты нашел... то, что я тебе сказал?

- Да, сэр. И даже больше. Там еще упоминалось... я видел фамилию... во многих статьях и заголовках, но и только. Конечно, я не мог прочитать...

- Это нам не поможет. Фотографии?

- Нет, сэр. Я просмотрел все в библиотеке, а также побывал в других местах. В "Таймс" меня поначалу обнадежили, но потом выяснилось, что и у них этого нет. Сейчас я еду в консульство и решил сам заскочить по дороге, чтобы не звонить...

- Консульство отменяется. Я звонил им - это безнадежно. Ни мне, ни мистеру Кремеру консульства оказались не по зубам. Ты был на Второй авеню?

- Нет, отложил напоследок.

- Попробуй. Может, там получится. Не исключено, что по распоряжению мистера Кремера за каждым, кто покидает мой дом, будет установлена слежка.

Можешь смело стряхнуть "хвоста", если заметишь. Я не хочу, чтобы полиция вмешивалась в мое расследование. Пока, по крайней мере Орри ухмыльнулся:

- Буду рад.

И вышел вон.

- Чушь собачья! - фыркнул Кремер.

- Для вас не впервой прибегать к такому способу, - мягко заметил Вулф.

- К тому же это раздражает меня меньше, чем ваша привычная нахрапистость.

Слава богу, вы от нее отказались. Вы уже перестали развлекаться с Арчи?

- Развлекаться? О господи!

- А как же иначе? Не могли же вы на полном серьезе пороть такую чушь?

Пива хотите?

- Нет, спасибо. Впрочем, да. Пить хочется.

- Очень хорошо. - Вулф нажал на кнопку. - Если я вас верно понял, вы организовали слежку за мисс Лофхен?

- Да. Я приставил к ней двоих. Один из них позвонил в половине одиннадцатого, что она вышла из дома и поехала к Милтану, но с тех пор мы от них ничего не слышали. Они должны докладывать через каждые два часа, если это не грозит слежке.

- Понимаю. Очень хорошо, когда под рукой есть такая уйма людей.

- Да. Если бы они к тому же хоть на что-то годились. Этим делом занимается уже больше ста человек. Допрашивают людей на Тридцать восьмой улице. Ищут орудие убийства. Копаются в биографиях подозреваемых.

Разыскивают Лофхен и Зорку. Проверяют алиби. При этом я в любую минуту ожидаю приказа прекратить расследование. Возьмут - и прикроют всю лавочку. - Инспектор стиснул зубы. - Пока же этого не случится, я буду действовать, исходя из тех убеждений, что налогоплательщики платят мне не за то, чтобы убийца уходил от правосудия. Вот почему я сижу здесь и точу с вами лясы.

Только здесь у меня есть хоть какой-то шанс получить зацепку, в которой мне отказывают эти паршивые консулы и послы... Премного благодарен.

Он взял стакан с пивом, которое налил ему Вулф, отпил, облизнулся и еще раз отпил. Потом откинулся на спинку, не выпуская из рук наполовину опустевший стакан.

- Позвольте задать вам вопрос. Если бы вам предоставили возможность выбирать, кого из жителей Нью-Йорка или его окрестностей допросить в связи с этим убийством, на ком бы вы остановили выбор?

- Слава богу, тут думать не приходится, - ответил Вулф. - На мадам Зорке, разумеется.

Зазвонил телефон. Опять попросили Кремера. На сей раз разговор получился коротким, и красная физиономия инспектора, когда он занял свое место в кресле, выглядела довольной.

- Что ж, - ухмыльнулся он, - начало положено. Зорка оказалась легка на помине. Ее нашли и вскоре, по моей просьбе, доставят сюда.

- Вот как, - произнес Ниро Вулф, наполняя стакан. - И где ее отыскали?

- В "Бриссендене". Зарегистрировалась под вымышленным именем. А пришла в отель в пять утра.

- Надеюсь, - пробормотал Вулф, - на ней было хоть что-нибудь, кроме той красной штуки, в которой она приехала ночью к нам.

- А? Что вы сказали?

- Ничего. Разговаривал сам с собой. Да, Фриц?

Фриц вошел в кабинет, держа в руке подносик. Вулф жестом попросил его приблизиться к столу, взял с подносика визитную карточку, прочитал и нахмурился.

- Черт побери, - процедил он. - Где он?

- В прихожей, сэр.

- Отведи его в гостиную, закрой дверь и возвращайся.

Когда Фриц покинул кабинет, Вулф обратился к инспектору:

- Думаю, других дел у вас на сегодня нет?

- Да, - многозначительно подтвердил Кремер. - Я уже десять раз повторял вам, что мне здесь нравится. Если же я уйду, назад вы меня можете и не пустить, пока я не предъявлю ордер на обыск.

- Ладно. Тогда боюсь, что вам придется... Послушай, Фриц! Подними мистера Кремера на лифте в оранжерею и попроси Теодора показать ему орхидеи.

Он улыбнулся инспектору.

- Давненько вы не бывали в моей оранжерее. Там есть на что посмотреть.

- С превеликим удовольствием, - возвестил Кремер и последовал за Фрицем в прихожую.

Вулф протянул мне визитку, и я прочитал вслух:

- Джон П. Барретт.

Послышалось лязганье поднимающегося лифта. Вулф сказал:

- Приведи его.

Глава 15

Внешность отца "зайчика" полностью соответствовала тому голосу, который я слышал по телефону. Большинство людей назвало бы такую внешность respectable, по мне же такой тип - "мечта камердинера". На вид около пятидесяти, благообразный и гладко выбритый, с серыми пронизательными глазами, схватывающими все с первого взгляда, Джон П. Барретт был облачен в неброскую одежду стоимостью долларов этак с 485. Он неспешно и с достоинством поздоровался с Вулфом за руку - словно никуда, ну совсем никуда не спешил.

- Приятная тут у вас обитель, - заметил Барретт, присаживаясь. - И от реки недалеко.

Вулф кивнул.

- Да, уж и припомнить трудно, когда я купил этот дом, но о переезде даже не помышляю.

Прошу меня простить, мистер Барретт, но я довольно ограничен во времени. Мне удалось принять вас вне очереди. Другой посетитель любезно согласился совершить экскурсию по моей оранжерее. Мистер Кремер из уголовной полиции.

- Кремер?

- Да. Глава отдела по расследованию тяжких преступлений.

- Понимаю, - безмятежно произнес Барретт, хотя в плазах промелькнула тревога. - Я пришел поговорить с вами по поводу нескольких фраз, которые вы обронили вчера вечером, беседуя с моим сыном. Я имею в виду боснийские леса, кредиты, полученные моей компанией, и банду Доневица. Так, кажется, вы изволили выразиться - банда...

- Да, да, я помню, - отмахнулся Вулф. - А что, разве я допустил какую-то неточность?

- Нет, все точно. Могу я закурить?

Получив разрешение, Барретт извлек сигарету из портсигара, бегло оценив который, я тут же повысил суммарную стоимость барреттовского прикида с 485 до 800 зеленых, закурил и поблагодарил меня за пепельницу.

- Мой сын, - произнес он, скрывая раздражение, - еще слишком неопытен.

В юности свойственно сортировать людей по категориям - это единственный способ избежать безнадежной путаницы - но для этого нужна сноровка. А вот мой сын, похоже, еще слабоват. Одних он незаслуженно превозносит, других недооценивает. Возможно, я сам в этом виноват - уж слишком я ему помогал.

Воистину отцовская любовь способна обернуться катастрофой.

Барретт стряхнул пепел с сигареты и спросил:

- Чего вы добиваетесь, мистер Вулф?

Это прозвучало резковато, но отнюдь не сварливо.

- Сейчас - ничего, - ответил Вулф, покачав головой. - Мне нужно было только встретиться с мадам Зоркой, и ваш сын оказал мне любезность, устроив эту встречу.

- Да, он мне рассказывал. Но ведь это не все?

- В данную минуту - все. На самом деле.

- Что ж, - Барретт улыбнулся, - насколько я понимаю, будучи частным сыщиком, вы беретесь за любую работу, которая сулит принести вам доход, соразмерный вашим способностям.

- Да, сэр, вы правы. В определенных границах, которые я устанавливаю сам. Я стараюсь не бороться с собственными предрассудками: они мне крайне дороги.

- Разумеется. - Барретт сочувственно рассмеялся. - Кому, как не нам самим, лелеять собственные предрассудки. - Он снова стряхнул пепел с кончика сигареты. - Мой сын также рассказал мне, что в данное время вы защищаете интересы одной молодой особы, мисс Тормик, с которой он дружит. Или по меньшей мере поддерживает хорошие отношения. Вы представляете ее в связи с убийством этого Ладлоу.

- Совершенно верно, - согласился Вулф. - Хотя изначально я подрядился, чтобы снять с нее обвинение в краже бриллиантов у некоего Дрисколла. Затем убили мистера Ладлоу, и мисс Тормик потребовались мои услуги, поскольку в силу обстоятельств она оказалась замешана в этом деле.

- Так это мисс Тормик предоставила вам сведения, которыми вы воспользовались, чтобы оказать нажим на моего сына? Вы ведь на него надавили, да?

- Разумеется. Я его шантажировал.

- Да. Под угрозой раскрыть определенные сведения. Вы узнали об этом от мисс Тормик?

- Господин мой уважаемый, - погрозил ему пальцем Вулф, - неужто вы настолько наивны или глупы, что рассчитываете таким образом выудить из меня то, что мне известно?

Барретт улыбнулся.

- Мало ли - вдруг повезет. Тем более что я не вижу причин, зачем вам скрывать. Или вы защищаете интересы еще кого-нибудь помимо мисс Тормик?

- Да. Свои собственные. Всегда и во всем.

- Вполне понятно. Но чьи еще? Думаю, вы не ошибетесь, если ответите мне на этот вопрос. Чьи еще? Может быть, мадам Зорки?

Вулф насупился.

- Я всегда крайне неохотно делюсь с кем-либо любой информацией. Так же, как вы, например, неохотно расстаетесь с деньгами. Вы банкир, и ваш бизнес заключается в том, чтобы продавать деньги; я сыщик, и я торгую информацией.

Но я не хочу казаться нелюбезным, и я отвечу. Так вот, в связи с делом, которое мы обсуждаем, я не представляю чьих-либо интересов, помимо интересов мисс Тормик.

- И, как всегда, своих собственных.

- Разумеется.

- Хорошо. - Барретт притушил сигарету. - Это облегчает мою задачу.

Только, пожалуйста, не считайте меня глупым. Я навел справки и выяснил, что репутация у вас воистину завидная - вам можно доверять. В связи с тем, чем занимается моя компания, я хотел бы сделать вам одно предложение. Речь идет о том, что вы, э-э, упомянули моему сыну. Мы нуждаемся в ваших услугах. Это вовсе не обременительно и безусловно не заставит вас бороться с собственными предрассудками, - Барретт достал из кармана изящный кожаный бумажник. - Сейчас я выпишу вам чек в качестве залога. Десять тысяч вас устроит?

Что ж, подумал я, теперь понятно, от кого наш зайчик унаследовал зуд к взяточдательству. Я ухмыльнулся и посмотрел на Вулфа. Кончик его рта чуть искривился: это означало, что Вулф ведет мучительную борьбу с самим собой.

Бессчетное число раз ему приходилось оказываться в подобном положении, и степень его мук всегда была соразмерна количеству нулей в предлагаемой сумме. На десять тысяч специалист класса Рэя Борчерса мог бы целый год лазить по Центральной Америке в поиске редких орхидей и, возможно, даже наткнулся бы на новый вид. Можно было купить 5000 коробок пива или 600 фунтов икры...

После мучительного раздумья Вулф отважно выдохнул, быть может, чуть громче, чем диктовалось ситуацией:

- Нет!

- Нет?

- Нет.

- Даже если я заверю вас, что от вас не потребуется ровным счетом ничего такого, что ущемило бы ваши интересы? Тем более, что вы могли бы считать себя свободным от любых обязательств и в любой миг, если пожелали бы, возратить эти десять тысяч...

Губы Вулфа чуть дернулись. Я отвернулся. Но голос Вулфа тут же возвестил, что Вулф все-таки справился с искушением:

- Нет, сэр. Вернув такую сумму, я приобрету несварение желудка на целую неделю. Если бы я к тому же нашел в себе силы на такой поступок, в чем я сильно сомневаюсь. Нет, сэр. Выбросьте это из головы. Я не приму от вас ни задатка, ни аванса.

- Это... окончательное решение?

- Окончательное и бесповоротное.

Широкий лоб Барретта прорезала вертикальная складка. Не проявляя других признаков внутреннего припадка, Барретт медленно спрятал бумажник в карман, после чего вперился в Вулфа со всей открытостью, на какую был способен.

- Что ж, вы не оставляете мне другого выхода, - произнес он тоном, в котором не осталось и тени любезности. - Придется сделать определенные выводы.

- Если вы так считаете - пожалуйста.

- Но, признаться, вы меня озадачили. Со мной это не часто случается, поверьте. Я не настолько доверчив, чтобы воспринять на веру ваши слова. Тем более, что у вас нет иных серьезных причин отклонить мое предложение. Мой сын считает, что вы работаете либо на Лондон, либо на Рим, хотя против этого свидетельствуют два факта: во-первых, у меня нет сведений о том, что вы вступали в подобные контакты, а во-вторых, будь это правдой, вы бы не стали откровенничать так,

как сделали это вчера. Именно поэтому, кстати, мы и решили, что вы приглашаете нас к сотрудничеству.

- Прошу прощения, что ввел вас в заблуждение, - пробормотал Вулф.

- Значит, вы отказываетесь признаться, кого представляете?

- Кроме мисс Тормик, у меня сейчас нет ни одного клиента.

- И вы отказываетесь сотрудничать с нами?

Вулф помотал головой, без особого рвения, по твердо.

Джон П. Барретт встал. Вида он не показывал, но чувствовалось, насколько он раздосадован.

- Надеюсь, - голос его слегка сорвался, - что в своих собственных интересах вы не встанете непреднамеренно поперек моего пути. Мы знаем своих противников и умеем с ними обращаться. Если вы сами ввязались в эту игру и рассчитываете пожить...

- Вздор! - оборвал его Вулф. - Я сыщик и занимаюсь своим собственным делом. Я не собираюсь становиться кому-либо поперек дороги - ни осознанно, ни непреднамеренно. Вот что я вам скажу. Существует возможность, что, заканчивая расследование, я могу прийти к выводу, что наши интересы пересекаются. Если так случится, я извещу вас заранее.

И тут с треском рассыпалась еще одна иллюзия. Я никогда бы не подумал, что человек барреттовского сложения и воспитания, да еще и облаченный в такой костюмчик, способен на дурные поступки или речи. Хотя сказал он всего лишь:

- Не вздумайте, мистер Вулф! Не советую становиться мне поперек дороги.

И круто повернулся, чтобы уйти.

По счастью, я услышал, что в прихожей топчется Фриц, и, показав жестом Вулфу, чтобы тот задержал Барретта, успел выскочить из кабинета в прихожую, прикрыв за собой дверь в тот самый миг, как Барретт обернулся на какое-то замечание Вулфа. Фриц как раз успел открыть входную дверь, в которую сандвичем протискивались полицейский шпик, Зорка и еще один сыщик. Не теряя времени на извинения, я бесцеремонно затолкал их в гостиную, прикрыл дверь, поспешил к кабинету и едва не сшиб дверью Барретта, который еле успел отпрянуть.

- Прошу прощения, сэр, я это сделал непреднамеренно.

Барретт пригвоздил меня к месту испепеляющим взглядом и выбрался в прихожую. Я проследил, пока Фриц помог ему одеться и выпустил на улицу, после чего сообщил Вулфу о новых гостях и поинтересовался, не считает ли он, что Кремер уже вволю налюбовался на орхидеи. Вулф велел, чтобы я позвонил наверх Хорстману, и попросил его спустить Кремера на лифте, что я и сделал, а потом заглянул в гостиную, чтобы позвать Зорку. Оба шпики тут же двинулись за ней, но я предложил им задержаться, пояснив, что веду Зорку к инспектору Кремеру.

- Мы поможем тебе, приятель, - хором заявили они, словно сиамские близнецы, не отходя ни на шаг. При виде нашего квартета, гурьбой ввалившегося в кабинет, Вулф нахмурился. А минуту спустя нас стало уже полдюжины - Кремер и еще четверо дюжих молодцев против одной модельерши.

Один из сыщиков извлек из кармана блокнот, а я расположился за своим столом с записной книжкой наготове. Вулф откинулся на спинку кресла, сцепив руки в самой высшей точке своего необъятного пищеприемника и глядя на Зорку из-под прикрытых век. Кремер тоже хмуро разглядывал ее.

Я вспомнил, как звали девицу из Библии, которую напоминала мне Зорка, - Далила. Правда, сейчас выглядела она неважно - растрепанная, с припухшими глазами, испуганная и задерганная, во всяком случае - безусловно, не беззаботная. Я с удовлетворением убедился, памятуя слова Вулфа, что она удосужилась поменять красную хламиду на приличное шерстяное платье, да еще

нацепить в придачу чулки и туфли. Впрочем, первым делом Вулф все равно пристал к этой одежде - не мог, зануда, простить, как ловко его провели с пожарной лестницей.

- Откуда у вас эта одежда? - прорычал он.

Зорка взглянула на свою юбку, словно увидела ее в первый раз.

- Одежда... - недоуменно произнесла она.

- Я имею в виду то, что на вас надето. Когда сегодня ночью... сегодня утром вы покинули наш дом, на вас была только та красная штукавина. Под шубкой. Те же вещи, что мы сейчас на вас видим, находились в чемодане и сумке, которые вы отвезли на квартиру мисс Рид. Это так?

- Это вы говорить.

- Разве я не прав? Кто привез их вам в отель "Бриссенден"? Мистер Барретт?

Зорка передернула плечами.

Кремер рявкнул:

- Мы ведь это докажем! И не только это! После того, как вы вышли из отеля, за вами все время следили.

- Ой, не правду вы говорить.

Зорка закусила нижнюю губу, потом продолжала;

- Во-первых, если вы знать, где я была, вы бы не ждать так долго, чтобы схватить меня и привести сюда. В-вторых, я вовсе не выхожу из этого отеля, а эти люди сами ворвались...

- Это вам не поможет! Теперь, послушайте...

- Не надо. Мистер Кремер, прошу вас. - Вулф раскрыл глаза. - Вспомните свои слова о том, что пусть вы даже сами бы стояли на тротуаре и видели, как она вошла в дом с ним, а вышла без него. Какой смысл припираться к стенке, если у вас не хватает доказательств.

- А у вас хватает? - вскинулся инспектор.

- Не знаю. Как раз собираюсь это выяснить.

Кремер достал сигару и воткнул ее в рот.

- Валяйте.

Вулф прокашлялся и пристально посмотрел на Зорку.

- Мадам Зорка... Кстати, вас и в самом деле так зовут?

- Конечно, как же еще?

- Я сам знаю, что это имя начертано на ваших фирменных бланках, и оно же фигурирует в телефонном справочнике. Вас нарекли так при рождении?

- Меня так звать.

- А дальше?

Она небрежно отмахнулась:

- Просто Зорка.

- Послушайте, уважаемая. Вчера ночью вы были пьяны или, по меньшей мере, казались пьяной. Сейчас вы не пьяны, хотя выглядите неопрятно. Вы намерены раскрыть нам свое полное имя или нет?

- Я... - Зорка замялась, потом вдруг решительно отрезала:

- Нет. Я не могу.

- Почему?

- Потому что мне... Это будет опасным.

- Опасным для кого? Для вас?

- Нет, не для меня... Для других люди. - Она глубоко вздохнула. - Я ведь беженка. Я бежала.

- Откуда?

Зорка помотала головой.

- Перестаньте ломаться, - резко приказал Вулф, - Не называйте точного места, если боитесь. Не деревню, не город, но страну-то назвать можете?

Германия? Россия? Италия? Югославия?

- Хорошо. Столько можно. Югославия.

- Понятно. Хорватия? Сербия? Черногория?

- Я сказала - Югославия.

- Да, но... Очень хорошо. - Вулф пожал плечами. - Когда вы бежали оттуда?

- Около один год назад.

- И прибыли прямо в Америку? В Нью-Йорк?

- Сперва в Париж. Париж немного время, потом Нью-Йорк.

- У вас с собой было много денег?

- О, нет. - Зорка даже развела руками, чтобы отмести такое дурацкое предположение. - Нет деньги. Ни у один беженец нет деньги.

- Насколько я понимаю, то дело, которое вы открыли в Нью-Йорке, весьма дорогостоящее и требовало поначалу довольно существенных капиталовложений?

Зорка почти развеселилась.

- Я так и знать, что вы захотеть спросить. Друг был очень добрый к меня.

- Вашего друга зовут Дональд Барретт?

С минуту Зорка молчала, не сводя глаз с Вулфа, потом ответила:

- Да, это глупо. Чего я стесняться. Тем более, что это знать несколько люди, и вам можно спросить они и узнать. Да, добрый друг, кто дать мне деньги, это мистур Барретт. Он, как ви выражаться, теневой компаньон.

- Значит, вы должник мистера Барретта? - уточнил Вулф.

- Должник? - Зорка нахмурилась. - Ах, да, должник. Да, я очень должник.

Вулф кивнул.

- Я сочувствую вам, мадам. Сам я терпеть не могу ходить в должниках.

Хотя некоторые относятся к этому совершенно спокойно. Кстати, люди, оставшиеся в Югославии, - те, которым может грозить опасность, если вы приоткроете свое полное имя, - они ваши родственники?

- Да, некоторые. Некоторые родственники.

- Вы еврейка?

- О, нет. Я из очень старая югославская фамилия.

- В самом деле? Из знати?

- Ну... - Зорка явно замялась.

- Понимаю. Не буду настаивать. Опасность, грозящая вашим родственникам, - она как-то связана с вашим родом занятий здесь, в Нью-Йорке?

- Но у меня нет род занятий, кроме мой бизнес.

- Тогда я не совсем понимаю, в связи с чем вашим родным может грозить опасность.

- Это есть... Это будет навлечь подозрения.

- Подозрения? На кого?

Зорка замотала головой.

- Хватит, - пророкотал Кремер. - Мы и сами видим, что она ненормальная.

Я вам сразу хотел сказать, что у нее не все дома. Когда мы утром обыскали ее квартиру...

Зорка резко вскинула голову и негодуя завопила:

- Вы посметь залезть в мою квартиру!

- Да, мадам, - преспокойно ответил Кремер. - И еще в ваш дом моделей.

Любой человек, устраивающий такое представление, вроде вашей ночной выходки, должен быть готов к подобному вниманию со стороны полиции. Еще скажите спасибо, что вы сейчас не у нас в управлении, не то уже давно звонили бы своему добряку-дружку, чтобы внес за вас залог. Кстати, именно туда мы сейчас и двинемся, когда закончим разговор. - Кремер повернулся к Вулфу. - Ни дома, ни на работе нет ни единого предмета, ни одной мелочи, которая бы уносила в ее прошлое больше, чем на один год, когда она впервые появилась в Нью-Йорке. Вот почему я вам сказал, что с ней не все в порядке.

- Вы нашли ее паспорт?

- Нет. И это тоже странно...

- Где ваш паспорт, мадам?

Зорка подняла глаза на Вулфа и дважды провела языком по губам.

- Я в этой стране легально, - объявила она.

- Значит, у вас есть паспорт. Где он?

Впервые в ее глазах появилось загнанное выражение.

- Я объяснить. Официальное лицо...

- А что, я кажусь вам неофициальным? - мрачно спросил Кремер.

Зорка всплеснула руками.

- Я потерять он.

- Кажется, уже горячо, - сказал Вулф. - Теперь по поводу этой ночи.

Почему вы позвонили сюда и сказали, что видели, как мисс Тормик подложила что-то в карман мистеру Гудвину?

- Потому что я сама видеть это.

- Почему в таком случае вы не сообщили в полицию?

- Я просто не хотела делать неприятности. - Зорка подалась вперед. - Послушайте сюда. Все случилось именно так, как я вам говорить. Я хотела не делать неприятности. Потом я думать, что убийство - это такой ужас, и у меня нет права молчать. Тогда я звонить вам и говорить, что полиция я тоже потом говорить. Потом я вспомнила, что мистур Барретт есть друг мисс Тормик и надо сказать ему тоже, и я потом звонить ему тоже. Он, конечно, знает, насколько я беженка, насколько я убежать, но я не должна подвергать людей в опасность...

- Кстати, где вы познакомились с мистером Барреттом?

- Я познакомилась с ним в Париже.

- Продолжайте.

- Он сказал: ах, какой ужас, полиция меня так много допросить, они должны будут все про меня узнать, и мне и много другие люди это будет так опасно, и почему бы мне лучше не поехать к мисс Рид, и я собрала вещи...

В дверь постучали, и в кабинет вошел Фриц. Приблизившись на несколько шагов, он произнес, стоя за спиной одного из полицейских сыщиков:

- Мистер Пензер, сэр. - Скажи, что у меня здесь мадам Зорка и мистер Кремер.

- Я уже сказал, сэр. Он настаивает, что должен поговорить с вами.

- Пусть войдет.

Кремер проревел:

- Значит, Дональд Барретт велел вам сделать ноги...

- Одну минутку, - попросил Вулф. - Похоже, к нам подоспело подкрепление.

Никто из тех, кто видел Сола Пензера впервые, даже не заподозрил бы, что Сол может показаться подкреплением в чем бы то ни было, но это роковое заблуждение. Не счесть, сколько людей недооценили Сола и потом жестоко поплатились за свое легкомыслие. Он оставил свою старую коричневую кепку и пальто в прихожей и теперь, когда стоял в проеме дверей, оценивая несколько миллионов мелочей сразу одним взглядом, все в нем казалось незначительным и не стоящим внимания, кроме огромного носа.

- Есть новости, Сол? - спросил Вулф.

- Да, сэр.

- Убедительные?

- Да, сэр.

- Приятно слышать. Выкладывай.

- Я хотел принести сюда ее свидетельство о рождении, но потом решил, что могут быть неприятности, поэтому захватил копию...

Сол отступил на шаг, потому что Зорка внезапно вскочила и набросилась на него, вереща не своим голосом:

- Как вы посмеет! Вы не имеете...

Один из шпиков повис у нее на локте, а Кремер прогрохотал:

- Сядьте на место!

- Но он... Если он...

- Сядьте, я сказал!

Зорка попяtilась, споткнулась о ногу второго сыщика, пошатнулась, но упала прямо в кресло. Ее плечи безвольно поникли, и она сидела, обмякнув, словно тряпичная кукла.

Сол сказал:

- Мне не пришлось прибегать к тем расходам, на которые вы мне выделили деньги, сэр, но я потратил три доллара девяносто центов на телефонный звонок. Мне показалось, что это вполне оправданно.

- Не сомневаюсь. Продолжай.

Сол для верности отступил еще на один шаг.

- Сначала я наведалься в квартиру мадам Зорки. Там производили обыск четверо полицейских, а служанка сидела в спальне и плакала. Я заранее решил, что сделаю, если найду то, за чем пришел, поэтому...

Он примолк, глядя на Кремера и сыщиков.

- Продолжай, не обращай на них внимания, - велел Вулф. - Если они и узнают секрет твоего успеха, в следующий раз придумаешь что-нибудь другое.

- Спасибо, сэр. Словом, я заглянул на минутку - заручиться знакомством и постараться, чтобы служанка меня запомнила в лицо. Потом я отправился в дом моделей мадам Зорки на Пятьдесят четвертой улице. Там тоже кишели полицейские, к тому же место не показалось мне многообещающим, так что я решил отложить его напоследок. Мне удалось навести справки о

троих друзьях и знакомых мадам, и я потратил на них целых четыре часа, включая перерыв на обед, но ничего не добился.

- Потом, в четверть третьего, я вернулся в квартиру. Внизу я узнал, что двое полицейских еще оставались там, так что я дождался их ухода, а в два тридцать пять поднялся. Служанка, запомнив меня с утра, приняла меня за полицейского, хотя я вовсе не представлялся, будто я из полиции. Я просто вошел и начал искать...

Кремер не выдержал:

- Черт подери, вы выдали себя за...

- Что вы, инспектор! - потрясенно воскликнул Сол. - Как вы могли такое подумать? Просто я решил, что служанка приняла меня за полицейского, и спорить не стал. В противном случае она не позволила бы мне произвести в доме обыск. Более того, попытайтесь я доказать ей, что я не из полиции, она мне не поверила бы. Если же вы по-прежнему считаете, что я поступил неподобающим образом, то хочу в качестве подхалимажа поздравить вас, ваши ребята проделали изумительную работу. Все осталось точь-в-точь в таком же виде, как и прежде - как будто никто ни к чему даже не прикасался. А ведь они прочесали буквально каждый дюйм. Именно поэтому я и не стал искать в очевидных местах, а исходил из предпосылки, что существует какой-то хитроумный тайник. В итоге тайник оказался не таким уж и хитроумным - всего лишь двойное дно в шляпной коробке. Там я и нашел ее свидетельство о рождении, несколько писем и кое-какие мелочи. Я сделал копию со свидетельства, а все остальное оставил на прежнем месте. Потом я позвонил из автомата ее матери в город Оттумва, штат Айова, чтобы проверить...

- Как, вы позвонили моей матери? - выпалила Зорка.

- Да, мадам, позвонил. С ней все в порядке, не волнуйтесь - я ее даже не напугал. Выяснив из вашего свидетельства о рождении, что вас зовут Пэнси Бапп, и прочитав письмо...

- Что ты сказал? - переспросил Вулф. - Как ее зовут?

- Пэнси Бапп - Сол выудил из кармана бумажку - П, э, н, с, и, б, а, п, п. Ее отца зовут Уильям О. Бапп. Он держит продуктовую лавку. Пэнси родилась в Оттумве девятого апреля тысяча девятьсот...

- Дай мне бумажку.

Сол отдал листок Вулфу. Вулф пробежал его глазами, потом перевел взгляд на женщину, сидевшую ни жива ни мертва, и промычал (именно промычал впервые за несколько лет):

- К чемууу?

- Что к чемууу? - в тон ему огрызнулась лжеЗорка.

Весь этот идиотский вздор? Дурацкая комедия?

Она одарила его таким взглядом, словно мечтала всадить и него нож:

- А какая участь, по-вашему, ожидала бы кутюрье с Пятой авеню, если бы вдруг выяснилось, что ее подлинное имя - Пэнси <Пэнси - гомосексуалист (англ.)> Бапп? - Она от негодования сорвалась на визг. - Что бы, по-вашему, случилось?

Вулф, вне себя от злости, погрозил ей рукой.

- Отвечайте! - прогрохотал он. - Вас и в самом деле зовут Пэнси Бапп?

- Да.

- Вы родились в Оттумве, штат Айова?

- Да.

- Когда вы оттуда уехали?

- Я... Я ездила в Денвер...

- Я спрашиваю не про Денвер! Когда вы переехали оттуда?

- Два года назад... почти два года. Папа дал мне денег на поездку в Париж, я устроилась там на работу, освоила профессию модельера... Потом познакомилась с Дональдом Барреттом, и он предложил...

- Откуда вы взяли имя Зорка?

- Где-то вычитала.

- Вы хоть раз были в Югославии?

- Нет.

- А еще где-нибудь в Европе, помимо Парижа?

- Нет.

- А вчера вы сказали правду - почему вы позвонили сюда, а потом сбежали к мисс Рид?

- Да. Господи, как глупо, какая я дура... - Она судорожно сглотнула. - Меня мучила совесть из-за того, что случилось убийство. Если бы я не позвонила, ничего бы сейчас не... - Она в отчаянии заломила руки. - Как бы это... Можно ли сейчас...

Ее подбородок предательски задрожал.

- Мисс Бапп! - рявкнул Вулф. - Не смейте! Арчи, убери ее отсюда!

Выстави ее прочь!

- С префеликим удофольстфием, мистур, - бодро откликнулся я.

Глава 16

Вулф бросил взгляд на настенные часы и произнес:

- Уже без десяти четыре. Скоро мне придется вас покинуть, чтобы идти к своим растениям.

В кабинете уже снова царили мир и спокойствие. Шпики отбыли, уведя с собой мисс Бапп, а в управлении ее поджидал лейтенант Роуклифф, которому предварительно позвонили.

- И все-таки она может оказаться подсадной уткой, - сказал Кремер. - Мы тоже наводили справки среди ее коллег и знакомых. Кто говорил, что она турчанка, кто называл ее венгеркой, еврейкой российского происхождения или даже наполовину японкой. Думаю, нам не помешает перепроверить как следует.

Вулф потряс головой.

- Оттумва, штат Айова, - скривился он.

- Да, пожалуй, вы правы, - признал инспектор. - Однако это означает, что вы тоже шли по ложному следу?

- Нет, - покачал головой Вулф. - Просто теперь...

- Теперь вы остались с носом, верно? - гоготнул Кремер и, не дождавшись ответа, задумчиво посмотрел на Вулфа, потом сказал. - Что до меня, я не отказываюсь от своей игры и по-прежнему рассчитываю на вас. Если вы сейчас подниметесь в оранжерею, я составлю вам компанию. Если вы пойдете на кухню готовить соус для салата, я...

- Соус для салата готовят не на кухне. Его смешивают прямо на столе и употребляют, не сходя с места.

- Пусть так. Неважно - зачем бы вы не отправились на кухню, я пойду с вами. Теперь уже совсем очевидно, что вам известно, где собака зарыта, а мне нет. Возьмем даже тот факт, что Дональд Барретт посоветовал Зорке Бапп спрятаться, чтобы мы до нее не добрались. Я бы успел состариться, прежде чем сумел выжать из него сведения о ее местонахождении, когда и комиссар полиции и окружной прокурор дружно решили поиграть в молчанку. Разве я не прав? Вы же даже

не стали тратить время на Дональда - его папаша, Джон П. Барретт, самолично соизволил прийти к вам, прямо сюда в контору. Кому-нибудь такое скажешь - не поверят.

Вулф посмотрел на меня.

- Арчи! Выясни у Теодора: неужто он не понял, что когда я направляю гостя в оранжерею, тот должен любоваться орхидеями, а не...

- Не стоит, - хмыкнул Кремер. - Я не спускался и не подсматривал.

Роуклифф сказал мне по телефону, что получил донесение о том, что Джон П.

Барретт вошел к нам в дом в два часа пятьдесят пять минут.

- Вы установили слежку за мистером Барреттом?

- Нет.

- Понятно. Вы обложили наш дом сотней ищек.

- Не сотней. Но я уже говорил и готов повторить, что в настоящее время ваш особняк и впрямь интересует меня куда больше, чем любой другой дом во всем Манхэттене. Если вы захотите меня выдворить, вам придется вызвать полицию. Кстати, Роуклифф сказал мне еще кое-что: им удалось найти Белинду Рид. Она сейчас на концерте в театре Линкольна. Она нужна нам здесь?

- Мне - нет.

- Тогда и мне не нужна. Ребята сами о ней позаботятся. Если она сумеет представить веские доказательства своей невиновности... Это меня?

Я кивнул и встал со стула, чтобы Кремер мог ответить на очередной звонок. На сей раз он разговаривал совсем мало. Пару раз поддакнул, произнес несколько ничего не значащих фраз, положил трубку и вернулся на место. Не успел я сесть на свой стул, как зазвонил внутренний телефон. Пока я подтягивал к себе аппарат и снимал трубку, Вулф полюбопытствовал, нет ли чего новенького, а Кремер ответил, что нет, ничего примечательного он не узнал. Я поднес трубку к уху и услышал голос Фреда Даркина.

- Арчи? Поднимайся сюда.

- Черт побери, Фриц, я занят! - раздраженно пролаял я. Потом, чуть подождав, прибавил:

- Ну ладно, ладно, не злись, сейчас зайду.

Я встал, неспешно вышел в прихожую, плотно закрыл за собой дверь, повернул к лестнице, бесшумно взлетел по ступенькам и вошел в спальню Вулфа.

Фред Даркин сидел на стуле возле кровати, куда я и усадил его два часа назад.

Увидев меня, Фред заворчал:

- Ну и работка, черт побери...

- Не жалуйся, браток. От каждого - по способностям. Что там - Лофхен?

Фред кивнул.

- Я не стал тебе звонить, когда мы получили донесение про Зорку, потому что он сказал привести ее сюда, но сейчас...

- Где Лофхен?

- Ее "хвост" позвонил в управление. - Фред заглянул в блокнот. - Утром они проследили ее до милтановского заведения. Оттуда она вышла в десять пятьдесят три и вернулась в дом четыреста четыре по Восточной Тридцать четвертой улице...

- Черт побери! Кто-нибудь с ней был?

- Нет, она приехала одна. Пробыла наверху всего десять минут. В одиннадцать пятнадцать спустилась, пошла пешком на Вторую авеню и села в такси. Такси высадило ее напротив Мейдстоун-билдинг на Сорок второй улице.

Преследователи чуть поотстали, и она успела войти в лифт, двери которого закрылись прямо перед их носом. Лифтер не сказал им, на каком этаже она вышла, хотя, как мы с тобой знаем, это ничего бы им не дало - она могла спуститься или подняться пешком по лестнице на любой другой этаж. Лифты в вестибюле Мейдстоун-билдинг находятся в четырех разных местах, так что агенты боялись отлучиться к телефону, но только что мимо проходил полицейский, они остановили его и попросили передать это донесение. Они уверены, что пока она здания не покинула, но просят подмогу, потому что близится час пик.

- Это все?

- Самое существенное.

Я скорчил гримасу.

- А Кремер, мерзавец, уверяет, что ничего примечательного не узнал!

Вулф сейчас должен увести его в оранжерею. Когда услышишь, что лифт поднимается, спускайся в кабинет и оставайся там. Отвечай на все звонки.

Если кто-нибудь пожалует, извести Вулфа по внутреннему телефону. Изложи в письменном виде все, что рассказал мне, добавь, что я поехал в Мейдстоун-билдинг, и отошли отчет Вулфу через Фрица. Если я позвоню, а в кабинете будут посторонние, используй код. Понял?

- Да. Но только почему мне самому не поехать...

- Нет, малыш, это работа для профессионала.

Я оставил его сидеть с разинутой пастью. Спустившись по лестнице и стараясь не топтать, как носорог, я прокрался на кухню и сказал Фрицу:

- Ступай в кабинет и скажи Вулфу, что гуся так и не доставили и ты отослал меня за ним на рынок. Скажи, что я бешено сопротивлялся, и пожалуйся на слова, которыми я тебя обозвал. Все это - ради инспектора Кремера.

Остальное добавит Фред. Усек?

- Да, - прошептал Фриц.

В прихожей я прихватил пальто со шляпой и вышел на улицу. Сотни ищеек я не заметил, но на тротуаре недалеко от нашего крыльца торчал какой-то сыщик, а на противоположной стороне улицы со скучающим видом прогуливался другой филер, и в пятидесяти ярдах к востоку стояло такси. Не говоря еще о машине Кремера, рыло которой почти уткнулось в хвост моему "родстеру". Я забрался в "родстер", запустил мотор, крикнул шоферу Кремера: "Следуйте за мной на место преступления!" - и покатил вперед. Далеко ехать мне не пришлось - свернув за угол, я оставил позади пару кварталов по Десятой авеню, остановился у тротуара, выключил зажигание, выбрался из машины и поймал первое же проезжавшее мимо такси. Выждав с минуту, не покажется ли с Тридцать пятой улицы машина Кремера или такси, и убедившись, что мое приглашение не возымело действия, я велел таксисту везти меня на перекресток Сорок второй улицы и Лексингтон-авеню.

Когда я вошел в отделанный мрамором вестибюль пятидесятиэтажного Мейдстоун-билдинг, мне стало не по себе. Ведь приехал я сюда только потому, что получил жесткий наказ от Вулфа - в случае, если Фред разносит хоть какие-то новости о Карле Лофхен, я должен немедленно спешить к ней. Вот я и поспешил. А не по себе мне стало, потому что я очутился в громадном лабиринте-вестибюле с четырьмя лифтами, бесчисленными коридорами и лестницами и (почти наверняка) дополнительными выходами из цокольного этажа, так что можно было побиться об заклад, что жертва уже давно улизнула. Если же и нет, шансов отыскать ее у меня было примерно столько же, как найти иголку в стог сена. Впрочем, к полицейским, судя по всему, подоспело солидное подкрепление - мой наметанный глаз при самом беглом осмотре сразу засекал троих шпионов. Словом, мне стало ясно, что вестибюль для меня не подходит - даже если она вдруг

спустится на лифте и выпрыгнет прямо ко мне в объятия, в таком окружении мне ничего не светит.

В такси по пути сюда я, правда, наметил один план и сейчас решил претворить его в жизнь. Указатель размещавшихся в здании компаний был разбит на две части: на левой стороне вестибюля от 'А' до 'Л', а на правой - от "М" до "Я". Сначала я пробежал глазами левую половину, надеясь отыскать глазами хоть какой-то полезный намек. Ничего не добившись, я переместился в правую часть, где вскоре наткнулся на название "Уилер и Дрисколл", 3259. Понимая, что это скорее всего простое совпадение, я тем не менее продефилировал к окошку справочной и сказал сидевшему за стеклом парню:

- Я ищу одного знакомого, но не знаю, в какой фирме он работает Нэт Дрисколл. Или Натаниэль Дрисколл.

Парень со скучающим видом раскрыл справочник, ткнулся в него скучающим взглядом и скучным голосом изрек:

- Дрисколл Натаниэль, комната тридцать два пятьдесят девять, тридцать второй этаж, лифт...

Я не дослушал. Сердце радостно заколотилось. Как я люблю, когда предчувствие меня не обманывает!

Я вышел из лифта на тридцать втором этаже и прошагал не менее полумили по коридорам, трижды завернув за угол, прежде чем оказался перед дверью в комнату номер 3259, на которой было начертано:

УИЛЕР И ДРИСКОЛЛ

Импортеры и брокеры

Я толкнул дверь, вошел в приемную и очутился в царстве роскоши и процветания, судя по коврам, мебели и секретарше. Последняя, казалось, попала и секретарское кресло только потому, что ей до смерти приелось кататься на яхтах или резаться с Монте-Карло в рулетку. Судорожно сглотнул, я выдавил:

- Моя фамилия Гудвин, я хотел бы поговорить с мистером Натаниэлем Дрисколлом.

- Он вам назначил встречу?

- Нет, я просто проходил мимо и решил заскочить. Вы слышали про историю с бриллиантами? Которые, как он думал, у него украли?

- О, да. - Уголок ее рта дернулся. - Еще бы.

- Передайте ему, что меня прислала мисс Тормик. Я представляю мисс Тормик.

- Мне очень жаль, но мистера Дрисколла сейчас нет.

- Он уехал домой?

- Нет, он вообще сегодня не приходил.

С одной стороны, мое предчувствие не только не умерло, но, напротив, лягалось и понукало меня, словно с цепи сорвалось, с другой - уж больно неуклюже врал эта красотка. Я не стал спорить, вытащил блокнот и написал на верхнем листке.

"Если не хотите, чтобы пару минут спустя сюда ворвалась спора полицейских, которые разыскивают вашу учительницу фехтования, то давайте немного потолкуем. И, ради Бога, не допустите, чтобы она спустилась в вестибюль.

А.Г."

Я ухмыльнулся прекрасному лживому Церберу в знак того, что не обиделся; тут я, кстати, душой не покривил.

- Могу я попросить у вас конверт?

Секретарша молча протянула мне конверт, я вставил в него листок бумаги, облизнул клеевую сторону отворота и заклеил - Вот, - сказал я. - Будьте паинькой, передайте его мистеру Дрисколлу и не пререкайтесь. Похож я разве на человека, который пришел бы повидаться с ним, не будучи уверен, что он на месте?

Ни слова не говоря, очаровательная стражница нажала на кнопку. Слева открылась дверь, вошел мальчишка-посыльный, и она отдала ему конверт, поручив положить на стол мистера Дрисколла.

- Отдай конверт самому мистеру Дрисколлу, - уточнил я.

Потом, как только посыльный исчез, я прошагал к входной двери, приоткрыл ее, вышел в коридор и остановился так, чтобы было удобнее обозреть весь коридор. Мимо проходили какие-то люди, но признаков поспешного бегства не наблюдалось. Лишь минуты три спустя футах в пятидесяти левее меня из-за какой-то двери высунулась верхняя часть головы, включая лоб и пару испуганных глаз. Я решительно выкрикнул:

- Ну-ка, назад!

Голова дернулась и исчезла. И больше не показывалась. Меня окликнула секретарша, я повернулся и увидел, что мальчонка-посыльный стоит, придерживая открытую дверь.

- Сюда, пожалуйста, сэр, - сказал он, и я проследовал за ним по внутреннему коридору мимо трех дверей до четвертой и последней, которую он вежливо открыл, пропуская меня вперед.

Войдя, я очутился в комнате, которая раз в пять превышала приемную по размерам и раз в шесть - по роскоши. В углу комнаты за огромным элегантным столом восседал Нэт Дрисколл.

- Если ты украдкой выпроводишь ее отсюда, пока я пробирался по коридору, она неминуемо попадет в ланы фараонов, - сказал я, надвигаясь.

- М-м, - проблеял Дрисколл, вцепившись руками в край стола так, что костяшки пальцев побелели. Выглядел он растерянным и перепуганным, как будто увидел привидение.

Я огляделся по сторонам.

- Где она?

- Бмя-а, - только и выдавил Дрисколл.

Из кабинета открывались только две двери. Я подошел и толкнул ближайшую - за ней оказались только выложенные кафелем стены, умывальник и унитаз. Я прошествовал к другой двери и решительно распахнул ее. За дверью обнаружилась небольшая каморка, уставленная стеллажами и картотечными ящиками. Секретарша, сидевшая за письменным столом, бросила на меня испуганный взгляд, который не шел ни в какое сравнение с тем взглядом, каким наградила меня съезжившаяся в стоявшем в углу кресле и дрожавшая как осиновый лист Карла Лофхен.

Она ничего не сказала, а просто тарачилась на меня. Кто-то сзади стиснул меня за локоть, я обернулся и, в свою очередь, изумленно вылупился на Натаниэля Дрисколла - вот уж никогда бы не подумал, что у него хватит сил так сдавить локоть. Я вырвался, Дрисколл ввалился за мной в комнатку, и я притворил дверь.

- И что вы замыслили? - накинулся я на него - Хотели продержаться со здесь, пока не закончатся похороны?

Тихим напряженным голосом, не спуская с меня глаз, Карла спросила:

- Где Нийя?

- С ней все в порядке. Пока, во всяком случае. А вот за вами следили и теперь знают, что вы здесь...

- Следили?

- Представьте себе. За вами неотступно следовал "хвост". Вернее - два "хвоста". Сейчас они кишмя кишат вниз, перекрывая все лифты и выходы.

Дрисколл плюхнулся в кресло и глухо застонал. Голубоглазая секретарша деловито осведомилась:

- А вы - Арчи Гудвин из конторы Ниро Вулфа?

- Он самый. Рад с вами познакомиться. - Я посмотрел Карле в глаза. - Это вы убили Рудольфа Фабера?

- Нет. - Дрожь пробежала по ее телу, но девушка уняла ее и снова сидела напряженная и прямая, как палка.

- Вы имеете в виду Ладлоу? - проблеял Дрисколл. - Перси Ладлоу?

- Разве? Вы заблуждаетесь. В котором часу Дрисколл пришел сегодня на работу? - требовательным тоном спросил я у секретарши.

- Спросите его сами, - ледяным голосом ответила она.

- Я спрашиваю вас. И вообще, дамы и господа, зарубите себе на носу; пусть я вам не самый близкий и преданный друг, но я просто ангел по сравнению с теми парнями, что поджидают вас внизу. И отнюдь, кстати, не для того, чтобы взять у вас автограф. В противном случае я прихватил бы их сюда с собой. Впрочем, это не поздно исправить в любую минуту. Итак, в котором часу Дрисколл пришел сегодня на работу?

- Примерно в половине двенадцатого.

- А до этого он сегодня здесь не появлялся?

- Нет.

- А во сколько он уходил?

- Он вообще не уходил. Ленч ему принесли сюда из-за мисс Лофхен.

- А она пришла в одиннадцать двадцать?

- Да. - Секретарша не оттаяла ни на градус. - А откуда вы это знаете?

Как вы вообще узнали, что она здесь?

- Интуиция, - ухмыльнулся я. - Я - гений интуиции.

Я повернулся к Дрисколлу.

- Значит, вы не убивали Фабера?

Бедняга начал заикаться. Совсем как Роуклифф.

- В-вы... Вы имеете в виду Л-ладлоу...

- Я имею в виду Рудольфа Фабера. Сегодня незадолго до полудня его нашли мертвым на полу в квартире, которую занимают Нийя Тормик и Карла Лофхен. Его закололи каким-то острым предметом. Мы с мисс Тормик приехали туда в поисках мисс Лофхен, но нашли его труп.

Похоже, секретаршу наконец прошибло. Глаза Дрисколла расширились, а нижняя челюсть отвисла. Я набросился на Карлу:

- Он был там, когда вы туда приехали. Либо живой, либо мертвый, или сначала живой, а потом мертвый.

- Я не уби... Я там не была...

- Да бросьте вы. Что мы с вами тут - в прятки играем? За вами следили.

Вы поднялись в подъезд в пять минут двенадцатого, а вышли в четверть двенадцатого. Фабер был там.

Карла снова содрогнулась.

- Я его не убивала.

- Вы его видели?

Она помотала головой и несколько раз судорожно сглотнула.

- Я не... Я ничего не скажу. Я уезжаю, вообще уезжаю из Америки. - Она заломила руки. - Пожалуйста! Помогите мне! Мистер Дрисколл поможет мне. И вы должны...

Дрисколл, похоже, начал приходить в себя. Во всяком случае, он спросил уже вполне приличным тоном:

- Вы говорите, что Фабера убили в ее квартире? Закололи?

- Да.

- И она была там примерно в то же время?

- Она вышла из своего дома за тридцать минут до того, как был найден труп Фабера.

- Боже всемогущий! - Дрисколл ошалело уставился на Карлу Лофхен.

Секретарша тоже пожирала ее глазами.

Я нарушил молчание:

- Она говорит, что не убивала его. Не знаю, так ли это. Для меня главное, что Ниро Вулф хочет поговорить с ней, прежде чем ее перехватит полиция. Что вы собирались делать - помочь ей скрыться?

Дрисколл кивнул. Потом потряс головой.

- Не знаю. Господи, она ведь... ни словом не обмолвилась о Фабере. Она сказала... - Он всплеснул руками. - Черт побери, она умоляла меня!

Поклялась, что не имеет ни малейшего отношения к... тому, что случилось с Ладлоу. И зачем она так? Она мне так помогала по фехтованию... Самое большое удовольствие в моей жизни... Она - прекрасный учитель и очаровательная женщина! Я был бы счастлив иметь такую сестру - я ей так и сказал! Или дочку. Дочку - даже лучше! Она пришла сюда и взмолилась, чтобы я ее спас, и я согласился помочь ей, даже не посоветовавшись со своим юристом! И я ни о чем не жалею! Пусть даже ее квартира была бы битком набита трупами, я никогда не поверю, что эта женщина может быть убийцей!

- Насколько я понимаю, - вставила секретарша, - никому не возбраняется помогать другим лицам, если эти лица не совершили преступления. Это вполне законно.

- Плевать мне на закон! - взорвался Дрисколл. - При чем тут закон?

- О'кей. - Я предупредительно поднял руку ладонью вверх. - Не надо так орать. Дело в том...

- Я хочу, чтобы вы поняли...

- Успокойтесь. Я все понимаю. Вы настоящий герой. Только хватит об этом. Вот как обстоят дела. Вам не удастся отправить ее в кругосветный круиз: во-первых, потому, что ее отсюда не выпустят, а во-вторых, - я сам не позволю вам это сделать. Ниро Вулф хочет ее видеть, а он всегда добивается своего. В противном случае он озверевает и выгонит меня под зад коленом. Не знаю, кто она на самом деле - замечательная женщина или убийца, но одно я знаю твердо: следующим пунктом повестки дня для нее идет встреча с Ниро Вулфом. И я отвечаю за эту встречу головой.

- А что, - ехидно вмещалась голубоглазая секретарша, - вы сумеете устроить так, что ее отсюда выпустят?

- Разумеется, - мрачно согласился я. - Могу я воспользоваться нашим телефоном?

Она молча подвинула ко мне аппарат, я снял трубку и попросил Цербершу из приемной соединить меня с определенным номером. Несколько секунд спустя мне ответили.

- Алло! - сказал я. - Отель "Александр"? Позовите, пожалуйста, Эрни Флинта, детектива.

Пару минут спустя Флинт взял трубку.

- Алло, Эрни? Арчи Гудвин... Да, верно... Как дела? Все замечательно, спасибо. Учусь на сыщика... Ни за что на свете! Послушай, я тут на задании, и мне нужна твоя помощь. Отправь посыльного в униформе в Мейдстоун-билдинг, комната тридцать два пятьдесят девять... Погоди минутку - он должен быть небольшого роста, примерно пять футов три дюйма, и худощав. И обязательно в кепке - не забудь! Желательно - смуглолицый, брюнет с темными глазами... Вот и отлично. Пусть захватит с собой сверток, в котором будет его собственная одежда, включая шляпу... Совершенно верно. Нет, не долго. Он вернется в течение часа, но вам придется пока выдать ему другой комплект униформы...

Нет, что ты! Самое обычное задание. Мне нужно просто выручить одного приятеля. Потом все расскажу. Только не копайся, Эрни, прошу тебя.

Я повесил трубку, выудил из кармана расходные деньги, отстегнул десятку и протянул секретарше.

- Сбегайте в ближайший магазин и купите черные полуботинки на низком каблуке - ее размера. Такие, какие носят посыльные. Только побыстрее.

Секретарша метнула взгляд на ноги Карлы.

- Пятый?

Карла кивнула. Дрисколл сказал секретарше:

- Верните ему деньги.

Он достал бумажник и вынул из него двадцатидолларовую бумажку.

- Вот, купите что-нибудь получше.

Голубоглазая стервочка взяла двадцатку, возвратила мне десятку и отчалила. Приветливости ей, конечно, не хватало, но смекалкой бог не обидел.

- Я никуда не пойду, - заявила вдруг Карла.

- Вот как? - удивился я. - Не пойдете?

- Нет.

- Предпочитаете поехать в ближайшее управление полиции и пообщаться с тамошними кавалерами?

- Я... Нет, я хочу уехать. Я должна уехать. Мистер Дрисколл пообещал, что поможет мне.

- Угу. К сожалению, ему скорости не хватило. Несмотря на все ваши уроки. Впрочем, вас бы все равно внизу арестовали. Вы хоть понимаете, в каком положении сейчас очутились?

- Понимаю, - еле слышно прошелестела Карла. - Я влипла в ужасную историю. Господи, вы даже не представляете, в какую ужасную!

- Ошибаетесь. Очень даже представляю. Стал бы я в противном случае так рисковать, чтобы вытащить вас из этой передраги и отвезти к Ниро Вулфу!

- Ничего путного он от меня не добьется. Я и разговаривать с ним не стану. Ни с ним и ни с кем иным.

Дрисколл встал, подошел к ней и остановился, глядя ей в глаза.

- Послушайте, мисс Лофхен, - сказал он, - мне кажется, что вы ведете себя неблагоприятно. Если вы не хотите говорить с полицейскими, я это вполне понимаю. Но Ниро Вулф - совсем другое дело. Насколько я о нем слышан, он очень разумный и...

Дрисколл продолжал нести какой-то вздор, когда позвонила секретарша и возвестила, что посыльный ожидает в приемной.

Я отослал Дрисколла с Карлой в кабинет и попросил, чтобы посыльного направили ко мне. Что ж, подумал я, увидев пошедшего посыльного, Эрни угадал - как раз то, что нужно, разве что на

дюйм повыше. Парнишка улыбался во весь рот в предвкушении хорошего розыгрыша. Пока он переодевался, я всучил ему пару долларов и напутствовал:

- Посидите еще немного здесь. Из окна открывается прекрасный вид. Минут двадцать, не больше. Потом зайдет голубоглазая девушка и скажет, что вы свободны. Когда вернетесь в отель, вам выдадут другую униформу. Два доллара - за труды, и вот еще пятерка, чтобы вам легче было держать язык за зубами.

О'кей?

Юноша радостно согласился. Я оставил ему пятерку, забрал униформу, кепку и оберточную бумагу, вышел в кабинет и прикрыл за собой дверь.

Карла сидела на краешке кресла, а секретарша, стоя перед ней на коленях, помогала натянуть полуботинки, в то время как Дрисколл, засунув руки в карманы, с мрачным видом наблюдал за их манипуляциями. Наконец Карла встала, потопала ногами и объявила, что туфли ей в самый раз. Я вручил ей униформу и обратился к Дрисколлу:

- Отвернитесь Дрисколл зарделся и пролепетал:

- Я... Я могу выйти...

- О, я и забыл, какой вы скромник. Как хотите. А я вот отвернусь.

Дрисколл отошел к окну и уставился наружу. Я подозрительно покосился на него. На улице уже смеркалось, и окно в ярко освещенной комнате служило преотличным зеркалом. Но, возможно, я был к нему несправедлив. Я расстелил оберточную бумагу на столе и, дождавшись, когда секретарша передала мне одежду Карлы, в том числе пальто и шляпку, аккуратно завернул их и перевязал бечевкой.

- Мне кажется, под мышками жмет, - заметила секретарша.

Я оглянулся.

- Немудрено. Иначе и быть не могло. Ничего, сойдет. Пройдитесь до двери и назад - Карла прошла. Я нахмурился. - Бедр у вас плоховаты. То есть я хочу сказать, они замечательные, но... вы меня понимаете. Наденьте кепку.

Придется подколоть волосы повыше. Над левым ухом торчит еще прядь. Вот, так уже лучше. Думаю, что мы их обставим. Как считаете?

- Надеюсь, - холодно произнесла голубоглазая бестия. - Вы же разработали столь блестящий план.

- Ничего не выйдет, - заныл Дрисколл. - Я бы ее даже издали узнал.

- Да, вас бы нам ни за что не провести, - ядовито согласился я. - По вестибюлю шастают сотни людей - с какой стати им обращать внимания на какого-то мальчишку-посыльного? В любом случае другого выхода у нас нет. - Я засунул сверток под мышку и повернулся к Карле. - На этом этаже опасаться вам некого. Вниз мы спустимся вместе, в одном лифте. Вы выйдете в вестибюль первая. Ступайте прямо к выходу на Лексингтон-авеню и выходите наружу, не оглядываясь и не глаза по сторонам. Я буду следовать за вами по пятам.

Поверните направо и следуйте до Сорок второй улицы. Перейдите на другую сторону. Между Сорок третьей и Сорок второй улицами стоят такси. Садитесь в любую машину и велите отвезти вас на перекресток Тридцать седьмой улицы и Десятой авеню...

Секретарша вставила:

- Вы же будете с ней...

- Я поеду следом за ней в другом такси. Возможно, кто-то из шпиков в вестибюле узнает меня и решит полюбопытствовать, какого черта я тут слоняюсь, - поэтому мне вовсе не улыбается, если меня засекут в одной машине с посыльным, особенно если у посыльного такие крутые бедра. Итак, пересечение Тридцать седьмой улицы с Десятой авеню. Поняли?

Карла кивнула.

- О'кей. Ждите в такси, пока я не подойду. Если попробуете отмотить какой-нибудь трюк, вам крышка. Вас сейчас ищет в Нью-Йорке каждый полицейский. Понятно?

- Да, но я хочу... Я должна...

- Сейчас уже не важно, чего вы хотите, как шепнула птичка тому парню, который выпал из самолета. Подождете меня, не вылезая из такси?

- Да.

- Договорились. Пока, ребята. Через десять минут, не раньше, отправьте парнишку назад. А с вами, Дрисколл, мы скоро сразимся на шпагах.

Прощаясь с Карлой за руку, Дрисколл, казалось, вот-вот готов был расплакаться. От секретарши веяло прежним арктическим холодом, но голос ее, когда она пожелала Карле счастливого пути, звучал чуть-чуть хриловато.

Мы отчалили. Глядя, как Карла идет впереди меня по коридору, я невольно поежился - уж больно нелепо она смотрелась. Впрочем, я судил не по тому, что видел, а по тому, что знал. Другие пассажиры в лифте удостоили ее мимолетным взглядом, но не более того. Выйдя из лифта, Карла решительно зашагала по вестибюлю в сторону выхода на Лексингтон-авеню, и мне уже казалось, что все обойдется, когда сзади послышался голос:

- Эй, Гудвин! Арчи!

Глава 17

Я остановился как ошпаренный и обернулся - на меня горой надвигался сержант Пэрли Стеббинс.

Больше всего я опасался за Карлу, но на сей раз девчонка повела себя молодцом. Она безусловно слышала, как меня окликнули, но не завизжала и не упала в обморок, а продолжала свой путь как ни в чем не бывало. Я следил за ней уголком глаза, пока приветствовал Пэрли как самого близкого и закадычного друга.

- Ну надо же! Кого я вижу! Вот так сюрприз!

- Сюрприз, говоришь? - прорычал Пэрли. - А какого черта ты тут сшиваешься?

Я воровато огляделся по сторонам, как бы желая убедиться, что вас никто не подслушивает, потом приблизил рот к его внушительному розовому уху и прошептал:

- Не твое собачье дело!

- Надо же, какое совпадение, - процедил Стеббинс.

- Что ты имеешь в виду?

- Что мы встретились именно в этом здании.

Я пошлепал его по груди.

- А вот это и в самом деле забавно.

- Что забавно?

- Ты говоришь, что это совпадение. Это и забавно, потому что я сам как раз собирался сказать, что это совпадение. Не возражаешь, если скажу? Так вот: надо же, какое совпадение!

- Иди к дьяволу!

- Только вместе с тобой, дружище. Кстати, а чего тебе здесь понадобилось? - Я снова огляделся по сторонам. - Тебе и твоим друзьям?

- Пошел отсюда!

- Успешная облава?

- А что у тебя в этом свертке?

- Револьверы, цианид, ятаганы, наркотики, украденные драгоценности и бутылка свеженькой крови. Хочешь посмотреть?

- Вали отсюда!

Я вежливо пожал плечами и отвалил.

Ну что ж, это препятствие мы преодолели. Сейчас главную опасность представляла сама Карла, которая настолько вбила себе в голову, что должна покинуть Америку, что могла и в самом деле попытаться осуществить это намерение. Или нет. Как бы то ни было, увидев перед входом пустое такси, я не стал в него запрыгивать. Я величаво протопал до угла, заглянул в аптеку "Биггерс" и остановился перед витриной. Поскольку у аптеки был второй выход, на Сорок третью улицу, любой "хвост", который бдительный Стеббинс мог отрядить за мной, должен был либо порваться следом за мной, либо поспешить за угол, откуда можно было без помех следить за обоими выходами. Не заметив признаков погони, я неспешно вышел на Сорок третью улицу, пересек ее, зашел в здание вокзала Гранд-Сентрал, постоял в курительной комнате, чтобы лишний раз удостовериться, что за мной не следят, вышел на Мэдисон-авеню, вскочил в такси и сидел в нем, затаив дыхание и жутко нервничая до тех самых пор, пока такси подкатило к месту встречи и я убедился, что Карла ждет.

Отпустив такси, я подошел к ее машине, открыл дверцу, пригласил девушку выйти, расплатился с водителем, дождался, пока такси скроется за углом, и лишь тогда повел Карлу к стоящему неподалеку "родстеру". Она не сопротивлялась и не задавала никаких вопросов. Усадив ее на пассажирское сиденье, я всучил ей сверток с одеждой.

Мне понадобилось всего три минуты, чтобы пересечь Девятую авеню, проехать до Тридцать четвертой улицы и остановиться посередине квартала.

Сумерки уже спустились, так что я предусмотрительно заглушил мотор, не доехав до уличного фонаря. После этого я повернулся к Карле.

- Перед домом Вулфа роятся фараоны, - сказал я, - так что нам придется пробраться с черного хода. Идите за мной и не раскрывайте рта, пока не войдем в дом. Только не отставайте ни на шаг.

- Я должна знать... - Ее голос задрожал, и она замолчала. Потом взяла себя в руки и продолжила:

- Я должна знать хотя бы одно - Нийя там?

- Не знаю. Когда я уходил, ее не было.

- А где она была?

- В полицейском управлении. Но не под арестом. Ее пытались допросить, но она отказывалась отвечать. Возможно, ее привели к Вулфу, но, может быть, и нет. Не знаю. А вот инспектор Кремер сейчас должен быть здесь, у Вулфа.

- Вы же сказали, что мне предстоит поговорить только с самим Вулфом...

- Я сказал, что Вулф хочет первым поговорить с вами. Идемте.

Я вылез из машины, открыл правую дверцу и помог Карле выбраться. Мы вошли в темный проход между гаражом и складом и прокрались по нему до двери в деревянном заборе. Этим путем и сбежала Зорка, только с ее стороны было достаточно повернуть ручку замка-защелки, а вот мне пришлось воспользоваться ключом. Я провел девушку через дворик и вверх по ступенькам на невысокое крыльцо, отомкнул дверь и вошел на кухню. Там никого не было, кроме Фрица.

Фриц уставился на меня.

- Арчи, почему ты не постучал?

- Извини, забыл. Все в порядке. Последни здесь за мисс Лофхен минуты четыре, пока я вернусь.
- Мисс Лофхен? - недоуменно переспросил Фриц и лишь тогда заметил за моей спиной Карлу.
- Да. Лучше бы спрятать ее в кладовой.

Я оставил сверток на стуле, вышел тем же путем, которым пришел, сел в "родстер", обогнул два угла, лихо подкатил к нашему дому и остановился напротив парадного крыльца. К полицейскому автомобилю присоединился его близнец, а такси по-прежнему стояло на том же месте, чуть поодаль.

Поднимаясь по ступенькам, я заметил шпика, который, водрузив ступню на подножку одного из полицейских драндулетов, переговаривался с водителем Кремера. Я слишком спешил, чтобы их приветствовать, поэтому быстро отомкнул дверь, влетел в прихожую, избавился от пальто и шляпы и прошагал в кабинет.

- Ой! - невольно вырвалось у меня. - Приветик!

Вот откуда взялась еще одна полицейская машина. В углу со скучающим видом подпирал стену незнакомый филер, а в одном из желтых кресел сидела Нийя Тормик - ей, судя по всему, скучать не приходилось. Она метнула на меня такой взгляд, что я с трудом подавил в себе порыв броситься ничком на пол и накрыть голову руками. Впрочем, в глазах Нийи я прочел еще вопрос, но подавать вида не стал и обратился к Фреду Даркину, который сидел за моим столом:

- Слезь с моего стула, громила, и помоги мне.

Фред сполз со стула и неуклюже протопал ко мне. Я вывел его в прихожую и закрыл за нами дверь.

- Вулф с Кремером наверху?
- Да.
- А в гостиной кто-нибудь есть?
- Нет.

- Тогда постой здесь и поддержи дверную ручку на тот случай, если ишейке Кремера вдруг вздумается поразмять ноги.

Фред послушно зажал дверную ручку своей огромной лапой, а я отправился на кухню. Фриц отставил в сторону кастрюлю, в которой кипело какое-то варево, подошел вплотную ко мне и зашептал:

- Она в кладовой.

Я толкнул дверцу и чуть не наткнулся на Карлу, которая скрючилась на табурете посреди кладовой с объемистым свертком на коленях. Я взял сверток и велел Карле идти за мной и не поднимать шума. В прихожей Фред по-прежнему нес вахту перед дверью в кабинет, и я подмигнул ему, когда мы крались мимо.

Вверх на один лестничный пролет, шесть шагов по коридору, и вот мы уже одни в комнате. Я закрыл за Карлой дверь, щелкнул выключателем, положил сверток на стол и задвинул шторы на окне.

- Nvala bogu, - произнес я. - Это комната мистера Вулфа. Не выходите из нее. Если откроете окно, по всему дому затрезвонят колокола. Сейчас пять тридцать пять, а в начале седьмого он придет. Можете пока переодеться. Та дверь ведет в ванную, О'кей?

Карла молча смотрела на меня, и я понял, что она так старается не расплакаться, что даже не в состоянии просто кивнуть. Я не стал настаивать, вышел и громко крикнул с лестничной площадки:

- Все в порядке, Фред, возвращайся, но не вздумай занять снова мое место!

Я поднялся по лестнице еще на два этажа и очутился перед узкой дверью, за которой находилась наша оранжерея. Вулфа я отыскал в самом конце, в питомнике. Они с Теодором, согнувшись в три погибели перед скамейкой с рассадой, разглядывали в лупу новые проростки, а Кремер с сигарой в зубах сидел на табурете спиной к стене.

Я протиснулся к свободному краю скамьи и уселся, болтая ногами.

Несколько минут спустя Вулф вышел из оцепенения, неодобрительно потряс головой, явно осуждая что-то увиденное, вздохнул и обратился ко мне:

- Тебе удалось добыть гуся?

- Да, сэр.

- Хорошо.

Он снова уткнулся с лупой в зеленые побеги, а я продолжал болтать ногами. Вскоре зазвонил телефон. Теодор подошел к столу, снял трубку и вскоре позвонил Кремера. Инспектор встал, поднес трубку к уху, минуты три-четыре слушал, изредка прерывая невидимого собеседника отрывистыми замечаниями, потом положил трубку и сел на место. Я чувствовал на себе его злобный взгляд, но был слишком увлечен разглядыванием своих туфель девятого размера, чтобы отвлекаться на подобные пустяки.

Наконец Кремер не выдержал и заговорил - я сразу понял, каких трудов ему стоило сдерживаться, чтобы говорить таким спокойным тоном:

- Эй, Гудвин! - Голос едва уловимо вибрировал. - С каких это пор рынок переехал в Мейдстоун-билдинг?

- О, - дружелюбно отозвался я, - должно быть, звонил мой приятель, сержант Стеббинс? Классная дедукция, да?

- Замечательная. - Кремер швырнул недожеванную сигару в корзинку для мусора, промахнулся, встал, подошел к стене, подобрал сигару, снова бросил в корзинку и вернулся к своему табурету. - Не надейся, что тебе удастся вывести меня из себя - я в такие игры больше не играю. Так вот, через десять минут после твоего ухода я сказал Вулфу, что мои агенты, которые следили за Карлой Лофхен, сообщили, что она сошла в Мейдстоун-билдинг и находится там.

Повторяю, это случилось после твоего ухода. Поэтому я ограничусь простым вопросом: почему ты поехал в Мейдстоун-билдинг?

Я ухмыльнулся.

- Вот первый ответ, который пришел мне на ум. В полдень мне кое-кто позвонил, а нам удалось проследить, что звонили из телефона-автомата, который находится в этом здании. Устраивает?

- Нет Я пожал плечами.

- Тогда обращайтесь к мистеру Вулфу.

Вулф, поглощенный своим занятием, даже ухом не повел. Кремер сказал:

- И все равно я не стану кипятиться. Я торчу в вашем доме по двум причинам. Во-первых, я надеюсь, Вулфу известно нечто такое, чего не знаю я.

Во-вторых, мне еще никогда не приходилось сталкиваться с тем, что Вулф таскает каштаны из огня для убийцы, и я надеюсь, он не станет этого делать и теперь. Если моя первая предпосылка неверна, значит, мне не повезло. Если неверна вторая - не повезло вам. Обоим. Вот и все. Так что можете подавиться своим Мейдстоун-билдингом. На тот случай, если вы еще не в курсе, вот вам кое-что жареное: сегодня в одиннадцать утра Карла Лофхен побывала в своей квартире на Тридцать восьмой улице и вышла оттуда десять минут спустя.

Можете теперь представить, насколько она мне нужна. Если окажется, что Гудвин помог ей удрать...

- Этот человек рехнулся! - испуганно воскликнул я.

- Заткнись. Я все сказал.

Я восхищенно разглядывал свои лодыжки.

Без пяти шесть Вулф убрал лупу в ящик стола, напутствовал Теодора, как ухаживать за проростками, и возвестил, что пора спускаться. Не будучи убежден в возможностях лифта, я предоставил его Вулфу, а сам направился к лестнице, сопровождаемый по пятам бдительным Кремером. Спустившись на два этажа, мы увидели, что лифт остановился и из него выходит Вулф.

- Я зайду в свою комнату, чтобы привести себя в порядок, - сказал Вулф.

- Арчи, загляни, пожалуйста, ко мне. Сейчас мы спустимся в кабинет, мистер Кремер. Мисс Тормик все еще там.

Кремер явно заколебался, кинув на Вулфа подозрительный взгляд, но затем решился и загромыхал вниз по лестнице. Мы подождали, пока не услышали, как хлопнула дверь в кабинет, после чего зашли в комнату Вулфа. Карла, снова переодевшаяся в свое платье, сидела понурившись у стены на высоком стуле с прямой спинкой. Аккуратно сложенная униформа посыльного лежала на столе.

Вулф остановился прямо перед ней и произнес:

- Здравствуйте, мисс Лофхен.

Карла вздернула голову, посмотрела из него и снова повесила нос, не ответив.

Вулф, словно не замечая, продолжил:

- Времени у меня нет, потому что меня уже ждут внизу. Мистер Гудвин сказал мне, что раздобыл гуся. Оказывается, он привел гусыню. Убили вы мистера Ладлоу и мистера Фабера или нет, все равно вы повели себя по-идиотски. Это свойственно многим людям, попадающим в переплет, но вам от этого не легче. Не знаю, где и как вас разыскал мистер Гудвин, но вы, должно быть, действовали крайне глупо, коль скоро он сумел вас найти. Хотя ему не много равных по части сыска. Если считаете, что я с вами излишне резок, то это лишь потому, что я не сочувствую людям, которые сперва обращаются ко мне за помощью, а потом вешают лапшу на уши и кормят одними небылицами. Пока вы останетесь в этой комнате. Я постараюсь вернуться как можно скорее и буду задавать вам вопросы.

Карла снова подняла голову и покачала ею из стороны в сторону.

- Я не стану отвечать ни на какие вопросы. Я уже это решила. Я ничего не скажу. Ни вам, ни кому другому.

- Вот как?

- Да. Что бы ни случилось. Если я наберу в рот воды, что со мной сделают? Что они смогут доказать, если я буду нема, как рыба? Если вы надеетесь, что у меня не хватит силы воли, то вы заблуждаетесь.

- Возможно. Пожалуйста, молчите, я не возражаю, Так даже лучше по сравнению с тем, что вы делали до сих пор. - Вулф повернулся, чтобы идти. - В любом случае я вернусь или пришло за вами. Пойдем, Арчи.

Уже взявшись за ручку двери, он повернулся и спросил:

- Вы не голодны? Может быть, накормить вас?

- Нет, спасибо.

И мы ушли.

Вместе с поджидавшим нас в кабинете квартетом нас стало уже шестеро.

Сыщик по-прежнему скучал. Громила Фред опять сидел на моем стуле, несмотря на строгий запрет, однако при моем появлении пересел. Кремер стоял перед огромным глобусом и рассеянно вертел его. Глаза Нийи устремились к вошедшему Вулфу и оставались прикованными к нему, пока

он усаживался в кресло и тянулся к кнопке звонка. Только тогда я понял, насколько Вулф взбешен - он даже не поинтересовался у присутствующих, не желает ли кто-нибудь отведать вместе с ним пива. Не спуская с него горящих глаз, Нийя Тормик сказала:

- Я хочу поговорить с вами с глазу на глаз... Мне нужно вас кое о чем попросить.

Вулф кивнул.

- Я знаю. Вам придется подождать. Вам не удалось выполнить свое задание - в этом дело?

- Я... - Она примолкла и провела языком по губам. - Вы же обещали.

- Нет, мисс Тормик, я ничего не обещал. Я знаю, что у вас выдался трудный день, но ведь вы вряд ли забыли, с какой целью искали мисс Лофхен вместе с мистером Гудвином. И вы ее не нашли.

- Она уехала.

- Откуда вы знаете?

- Этот... Инспектор Кремер только что сказал мне, что полиция не может найти ее.

- А куда она могла уехать?

- Не знаю.

Вулф откупорил бутылочку пива и наполнил стакан.

- В любом случае, - провозгласил он, - с этим придется подождать. Как и со всем остальным, черт побери! - Он залпом осушил стакан. - Мистер Кремер, вы околачиваетесь здесь с двух часов дня. Вы проявили завидное терпение и сдержанность - как, например, в случае с пребыванием Арчи в Мейдстоун-билдинге - разумеется, я знаю, почему. Вы рассчитываете на то, что вам удастся здесь пожить. Скажу откровенно: того, что вам нужно, здесь нет. Не думаю, что вам улыбается провести ночь в моем доме...

Я не слышал, к каким ухищрениям прибегнул Вулф, пытаясь избавиться от назойливого инспектора, потому что в дверь позвонили и я потел открывать.

Обычно с шести до восьми я и так исполняю эту обязанность, поскольку Фриц в это время ковыряется с ужином, но сегодня, памятуя о гусыне, оставленной в комнате Вулфа, я особенно интересовался незваными гостями. Правда, на крыльце вместо вражеских орд стоял всего лишь один юнец в щеголеватой униформе рассыльного. Когда я открыл дверь, юнец показал небольшой плоский пакет и сказал, что должен вручить его Ниро Вулфу и никому другому. Пришлось провести его в кабинет. Посыльный промаршировал к столу Вулфа, словно выпускник Вест-Пойнтской академии, остановился, щелкнул каблуками и вежливо осведомился:

- Мистер Ниро Вулф?

- Да, сэр.

- Я из радиопрограммы "Севен Сиз". Подпишите здесь, пожалуйста. Это счет, сэр. Двадцать шесть долларов, пожалуйста.

Вулф, потянувшись за ручкой, велел мне заплатить. Я повиновался. Юнец поблагодарил, расшаркался, откланялся и был таков. Я навесил на дверь цепочку и возвратился в кабинет.

Вулф вскрывал пакет, а Кремер вздымался над ним, следя за его манипуляциями. Поразительно невоспитанный субъект! Вулф сказал:

- Вы меня нервируете, мистер Кремер. Сядьте.

- Мне вполне удобно.

- А мне - нет. Сядьте в кресло.

Кремер недовольно фыркнул, попятился к креслу, которое я услужливо подставил, и нехотя в него опустился. Вулф заглянул в пакет, не показывая нам содержимого. Он довольно хрюкнул, сложил его вдвое и протянул мне.

- Положи в сейф, Арчи.

Я упрятал пакет, запер сейф, покрутил рукоятку и сел на свой стул.

Вулф испустил душераздирающий вздох и пробормотал:

- Вот, наконец, мы и дождались того, чего нам так не доставало, мистер Кремер.

- Удача? - прорычал инспектор.

- Да, - кивнул Вулф. - Минуту назад я сказал, что того, что вам нужно, здесь нет. Теперь оно есть.

Глава 18

Кремер медленно и осторожно, словно боясь раздавить яйцо, поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, и потер нос кончиком указательного пальца.

Вулф, в свою очередь, откинулся на спинку кресла. Он закрыл глаза и принялся поочередно втягивать и выпячивать губы. Наступившую тишину нарушил сыщик, который громко закашлялся, и я бросил на него укоризненный взгляд.

- Мне все равно, - миролюбиво промолвил Кремер. - Мне спешить некуда.

По-видимому, все поверили ему на слово, поскольку молчание затянулось минуты на три, после чего Вулф, не открывая глаз, проговорил:

- Что касается двух причин, по которым вы находитесь здесь, мистер Кремер, то первая из них вполне оправданна. Сомневаюсь, что вам удастся раздобыть то, что есть у меня. Более того, учитывая отношение к вашему расследованию вышестоящих лиц, я сомневаюсь, чтобы вам удалось этим воспользоваться даже в том случае, если бы вам удалось это раздобыть.

- Спорить не стану, - великодушно согласился инспектор. - Я говорил то же самое.

- Я знаю. Вы ведете себя тактично и ненавязчиво. Вашими устами бы да мед пить, Пф! Вот что я сделаю. Я отдам вам то, что вам нужно, при условии, если вы безоговорочно согласитесь на то, чтобы я завершил это дело так, как считаю нужным, без малейшего вмешательства с вашей стороны.

- Что ж, - произнес Кремер, прищурившись, потом посмотрел на Вулфа - совершенно напрасно, так как глаза Вулфа были по-прежнему закрыты. - Звучит несколько расплывчато. Я имею в виду ваши слова, что вы отдадите мне то, что мне нужно. А кто может решить, что именно мне нужно?

- Вздор. Я знаю, что говорю. Вам нужно знать, кто убийца и каким мотивом он руководствовался. Я готов представить вам все доказательства.

- У вас есть улики?

- Достаточно, чтобы вам угодить. Причем кое-что из этого для вас недоступно, и если бы не я, вам бы ни за что не заполучить это.

- И это все находится сейчас в сейфе?

- О, нет, это вы и сами можете раздобыть в двадцать четыре часа. Хотя я лично затратил двадцать пять. Нет, мне придется разворошить осиное гнездо, чтобы раздобыть нужные улики.

Кремер еще с минуту пожирал Вулфа глазами, потом сказал:

- Валяйте.

- И я завершу дело, как считаю нужным, без всякого вмешательства с вашей стороны?

- Да. Выкладывайте.

Вулф раскрыл глаза.

- Арчи, - сказал он. - Свяжись по телефону с мистером Барреттом.

- С "зайчиком" или с папочкой?
- С мистером Барретом-старшим.
- Вы не должны... - выпалила Нийя Тормик, но осеклась.

Барретта мне удалось разыскать только с третьей попытки - отец семейства проводил время в клубе "Чертополох". Нийя тем временем пыталась доказать Вулфу, что делать этого не следует, но, когда Вулф снял трубку, она замолчала.

- Мистер Барретт? - произнес Вулф. - Говорит Ниро Вулф. Я звоню, чтобы выполнить данное вам обещание. Я обещал предупредить вас заранее в том случае, если наши с вами интересы пересекутся. Боюсь, что не смогу дать вам много времени - я вынужден приступить к активным действиям уже сейчас. Нет, нет, пожалуйста, не надо, тем более что это ничего не изменит. У себя в кабинете. Да. Хорошо, я на это согласен. Нет! Если ваш сын там, то лучше привезти его с собой. Да. Ждем вас через пятнадцать минут.

Он отодвинул телефонный аппарат, встал и двинулся по направлению к двери.

Нийя Тормик вскочила и вцепилась в его рукав, - Куда... Я пойду с вами!..

- Нет, мисс Тормик. Я сейчас вернусь. Арчи!

Я встал и шагнул к ней, но Нийя уже сама отпустила его рукав, и Вулф вышел в прихожую. Не зная, в каком качестве она у нас пребывает и что может выкинуть, я на всякий случай преградил ей путь, встав перед дверью со скрещенными руками. Нийя не стала возвращаться к своему креслу, а осталась стоять в прежней позе, глядя на меня, а может быть, и на дверь - не стану себе льстить. Так мы стояли минуты три-четыре, пока легкий толчок в спину не возвестил мне о том, что Вулф пытается открыть дверь из прихожей, и я посторонился, пропуская его в кабинет. Он вручил мне конверт, на котором его рукой было начертано "Для Нийи Тормик", и прошел к письменному столу.

Вулф воззрился на Кремера и ткнул большим пальцем в направлении сыщика, по-прежнему торчавшего в углу.

- Как зовут этого человека?
- Этого? Чарли Хис.
- Прикажите ему выполнить мои распоряжения.

Кремер крутанул шею.

- Эй, Хис! Делайте, что вам скажут.
- Благодарю, - наклонил голову Вулф. - У вас есть машина, мистер Хис?
- Да, сэр.

- Очень хорошо. Возьмите у мистера Гудвина конверт и положите себе в карман. Нет, по внутренний карман. Захватите с собой мисс Тормик и поезжайте...

- Нет! - Нийя подскочила к нему, как кошка. - Я не хочу... Я никуда с ним не поеду...

- Хватит! - рявкнул Вулф. - Вы поедете. Не мешайте мне поступать так, как я считаю нужным. У вас есть с собой наличные?

- Но я не хочу...
- Придется! Сколько у вас с собой денег, черт побери?
- У меня... Немного.
- Сколько?
- Несколько долларов.
- Арчи, выдай мисс Тормик сто долларов.

Я достал расходные деньги, отсчитал пять двадцаток, после чего оставшаяся стопка стала совсем худосочной, и вручил их мисс Тормик.

Вулф сказал сыщику:

- Поезжайте на угол Пятой авеню и Тридцать пятой улицы, высадите там мисс Тормик, отдайте ей конверт, оставьте ее там и немедленно возвращайтесь сюда. Ни на минуту не задерживайтесь там и не смотрите, куда она пойдет. Вы также не должны вступать и контакт ни с одним человеком, независимо от того, куда он направляется.

Я не выдержал.

- Пошлите с ним Фреда. Или меня.

- Вы считаете это необходимым, мистер Кремер? - осведомился Вулф.

- Нет. Не такой уж я простофиля. Выполняйте распоряжения, Хис.

- Слушаюсь, сэр. Я высаживаю ее на перекрестке Пятой авеню и Тридцать пятой улицы, отдаю конверт, разворачиваюсь и гоню сюда.

Вулф кивнул.

- Вы ничего не перепутаете?

- Нет, сэр.

- Хорошо. - Он повернулся. - Au revoir <До свидания (франц.)>, мисс Тормик.

- Ах, так! - взвизгнула она. - Вы считаете, что вам это сойдет с рук?

- Скажем, я надеюсь на такой исход. Это было бы вполне оправданно.

- Вы... Вы просто жирный болван!

- Да, худобой я не отличаюсь, вы правы. Ну и, разумеется, все мы немного болваны. Жаль, что вы не увидите, чем закончится эта история. Пусть маленькая победа, но моя.

- Победа!

- Да.

Нийя скривила губы, повернулась и стремительно зашагала к двери. Я подскочил и распахнул дверь прямо перед ее носом. Нийя вдруг остановилась, выкрикнула Вулфу: "Тиига мии борние руза", - так, во всяком случае, мне послышалось - и вылетела в прихожую - разъяренная фурия, сопровождаемая по пятам Чарли Хисом. Я выпустил их в промозглую ноябрьскую тьму и постоял на крыльце, чтобы проследить за отбытием. Насколько я мог видеть при тусклом уличном освещении, Хис не пытался подавать тайным сигналов никому из своих коллег, да и за полицейским автомобилем, когда они отъехали, никто не последовал.

Я уже повернулся, чтобы вернуться в дом, когда к тротуару напротив нашего крыльца подкатил черный лимузин, из которого выскочил шофер и услужливо распахнул дверцу, да еще и приложил пальцы к козырьку, когда один из двоих вылезших из лимузина мужчин что-то произнес. Я вошел в прихожую, развернулся на сто восемьдесят градусов и поприветствовал представителей двух поколений Барреттов. Потом попросил их минутку подождать, заглянул в кабинет и сказал Вулфу:

- Отец и сын.

- Скажи - пусть заходят.

Что я и сделал. Джон П., не успевший даже переодеться, занял кресло, в котором до него сидела Нийя. Лицо его казалось вытянутым и напряженным, а во взгляде, которым он наградил сначала Кремера, а потом Вулфа, не было и тени дружелюбия. Я придвинул Дональду другое кресло. Барретт-отпрыск выглядел настолько злобным и кровожадным, что я с трудом сдержал искушение бросить ему кусок сырого мяса. Никто, похоже, не горел желанием обменяться рукопожатием ни с кем из присутствующих, как принято в лучших домах.

Вулф сказал:

- Фред, подожди в гостиной.

Фред послушно вышел.

- Арчи, возьми блокнот.

Я взял блокнот.

- А вы и есть инспектор Кремер из полиции? - спросил Джон П.

- Да, сэр, - кивнул Кремер. - Из отдела тяжких преступлений.

Джон П. повернулся к Вулфу:

- Это просто нелепо! Дикость какая-то! У нас конфиденциальный деловой разговор, а вы тут велите своему человеку взять блокнот.

Вулф поуютнее устроился в своем необъятном кресле и сцепил пальцы.

- Нет, - произнес он. - Это вовсе не нелепо. Присутствие здесь мистера Кремера совершенно уместно, поскольку вам сейчас придется предпринять самые серьезные усилия, чтобы спасти своего сына от осуждения за преднамеренное убийство.

Кремер дернул головой. Дональд разинул рот и побледнел, отчего сразу сделался куда менее кровожадным. А вот по выражению лица Джона П. можно было подумать, что Вулф обронил ничего не значащую реплику о погоде.

- А вот уже и впрямь не нелепо, - заявил Джон П. - Это куда опаснее. За такие слова придется ответить.

- Вы совершенно правы, мистер Барретт - возвысил голос Вулф. - Именно к этому я и собираюсь сейчас приступить. Через час меня ждет ужин, и я не хотел бы тратить время на пустую болтовню. Все карты у меня в руках, так что миндальничать мне незачем. Ваша сделка с бандой Доневица потерпела крах.

Примите это как факт. Зарубите себе на носу. Теперь я скажу вам...

- Я хочу переговорить с вами с глазу на глаз. - Джон П. встал. - Уберите отсюда этих людей или отведите меня...

- Нет, - жестко оборвал Вулф. - Сядьте.

- Зачем? Сами же сказали, что сделка потерпела крах. Так это или нет, обсуждать это я не собираюсь. Нам с вами вообще говорить не о чем. Пойдем, Дональд.

Он шагнул к двери. Слова Вулфа вонзились ему в спину.

- Через час будет подписан ордер на арест вашего сына по обвинению в преднамеренном убийстве! Тогда говорить со мной будет уже поздно.

Дональд тоже вскочил и двинулся за главой семейства. Однако сам глава внезапно остановился, круто развернулся, прошагал к Кремеру и звенящим от праведного гнева голосом провозгласил:

- Вы - важное должностное лицо. В вашем присутствии меня шантажируют и угрожают мне. Вы знаете, кто я такой? Да или нет?

Тут, по-моему, старина Джон П. допустил промашку. Несмотря даже на то, что Кремер не имел ни малейшего понятия о том, из-за чего разгорелся весь сыр-бор. Впрочем, следует воздать ему должное, инспектор не ступешался.

- Да, - спокойно ответил он. - Я знаю, кто вы такой. А сейчас сядьте и сделайте, как говорит Вулф. Он владеет этим особняком и оранжереей, в которой произрастает миллион долларов в виде бесценной коллекции орхидей.

Вам повезло: я здесь, и смогу выступить свидетелем в том случае, если вам вздумается подать на него в суд за клевету.

Вулф раздраженно фыркнул:

- Можете уходить, я вас не задерживаю. Но за последствия пеняйте на себя. Вы ведете себя, как школьница, на девичью честь которой кто-то посягнул. Неужто вы не понимаете, что без серьезных оснований я не стал бы такое заявлять? Или вы принимаете меня за недоумка?

- Блефует он! - выпалил вдруг Дональд.

Отец бросил на него уничтожающий взгляд и кивком головы велел сесть в кресло. Дональд покорно опустил в кресло. Джон П. последовал его примеру и обратился к Вулфу:

- Выкладывайте.

- То-то же, - сухо сказал Вулф и снова переплел пальцы. - Постараюсь быть как можно более кратким, поскольку вы уже и так в курсе дела, а мистеру Кремеру можно обрисовать все в самых общих чертах.

Вулф возвел глаза на Кремера и добавил:

- Для начала готов назвать вам имя убийцы. Я обещал вам это. Ее имя - княгиня Владанка Доневиц.

- Не знаю ее, - буркнул Кремер.

- Нет, знаете. К этому мы вернемся позже. Она из Загреба - столицы Хорватии, из Югославии. Жена молодого князя Стефана. Они, в отличие от большинства хорватов, сочувствуют фашистам. Однако объединяет их с остальными хорватами ненависть к официальному Белграду. В Белграде, кстати, сейчас выбирают, кому покориться - Германии с Италией или Франции и Англии.

Поэтому хорваты для немцев как кость поперек горла. С помощью банды Доневица Германия пытается подкупить хорватов, засылая и Загреб агентов. Другие страны между тем...

- Какое мне дело до ваших хорватов? - вскинулся Кремер. - Я нью-йоркский полицейский...

- Я знаю, но дело в том, что большинство мировых денег сосредоточено в Нью-Йорке или контролируется отсюда. Вот почему в Нью-Йорк стекаются люди со всего мира с подобными штучками. - Вулф полез во внутренний карман, достал какую-то бумагу и протянул ее инспектору Кремеру.

- Можете оставить ее себе. Это улика. Прочитать вам ее, правда, не удастся. Бумага подписана князем Стефаном Доневицем и наделяет его супругу, княгиню, особыми полномочиями от его имени...

Губы Джона П. искривились.

- Откуда она у вас?

- Это не имеет значения, мистер Барретт. Сейчас, по меньшей мере. - Вулф снова посмотрел на Кремера. - Полномочия эти, в частности, включают право на концессию боснийского леса, а также кредитование через компанию международных банкиров "Барретт и Дерюсси". В Нью-Йорк княгиня прибыла инкогнито, под вымышленным именем, и принялась проводить переговоры. Более того, она даже прикинулась иммигранткой и устроилась на работу в школу фехтования. Не думаю, что многим известно, кто она такая на самом деле, но трое людей были безусловно посвящены в ее тайну - отец и сын Барретты, а также некий Рудольф Фабер, который участвовал в переговорах как тайный агент нацистской Германии. Дели в том, инспектор, что компания "Барретт и Дерюсси" оказывает финансовую поддержку режиму Гитлера.

Дональд взорвался:

- Мы просто пытались...

Он перехватил ледяной взгляд отца и умолк.

Вулф кивнул.

- Я знаю. Деньги и порядочность несовместимы... Но британский агент Ладлоу на свою беду раскрыл их планы. Он даже угрожал княгине, что проинформирует американское правительство и сорвет их сделку. И она ничтоже сумняшея убила Ладлоу. Сама, своими руками. С ней, правда, из Загреба приехала другая молодая женщина, ее подруга, тоже под вымышленным именем, но она тут ни при чем. Вы все поняли, мистер Кремер?

- Продолжайте, - пробормотал Кремер.

- Осталось уже немного. Рудольф Фабер знал обо всех делишках княгини и пытался ее шантажировать. Вплоть до вчерашнего вечера княгиня была у него в руках и Фабер диктовал ей свои условия - думаю, что весьма жесткие, поскольку Фабер был не из тех людей, которых легко

уломать. Он вынудил ее признаться, где находится эта бумага, и пытался во что бы то ни стало заполучить ее в свои руки. Бумага эта и впрямь была бесценна. Думаю, мистер Барретт, вам тоже ее недоставало, чтобы приложить к подписанному вами соглашению?

Джон П. не ответил. Вулф пожал плечами.

- Итак, она убила Фабера. Договорилась встретиться с ним у себя на квартире и там заколола его. Не знаю, как она собиралась выпутаться из этой истории. Возможно, рассчитывала на свой титул или на то, что наше правительство не захочет осложнять отношения с Югославией. Но меня-то она за кого приняла? Неужели я похож на тупицу? Я бы не удивился, вздумай она и меня заколоть. А как вы с ней общались, мистер Барретт? Она не производила на вас странного впечатления?

Джон П. не сводил глаз с Вулфа.

- Я по-прежнему жду, когда вы скажете хоть что-то путное, - произнес он.

- Я уже почти все сказал.

- Ха! Это всего лишь голословные обвинения, без малейших доказательств.

- Я могу предъявить ту самую бумагу.

- Вы ее украли.

- Ничего подобного. А даже если бы и украл - что из того? Бумага - важнейшая улика.

- Недостаточная, если учесть, что случились два убийства.

- Вы правы, - кивнул Вулф и погрозил ему пальцем. - Не заблуждайтесь на мой счет, мистер Барретт. Я вовсе не блефую. Я уже упоминал ордер на арест вашего сына. Вы, должно быть, уже поняли, что его арестуют как соучастника обоих убийств. Совершенно очевидно, что он знал о том, что княгиня убила Ладлоу. Вы, по всей вероятности, тоже об этом знали, но доказательств у меня нет. А вот ваш сын пытался обмануть закон, и это могут подтвердить три свидетеля: Белинда Рид, мадам Зорка и мистер Гудвин, мой помощник.

- Это было только...

- Тихо, сынок, - оборвал отпрыска Барретт-старший, по-прежнему не спуская глаз с лица Вулфа. - Что у вас еще?

- Ничем сногсшибательным я больше не располагаю, - признался Вулф. - Важно другое: присутствующий здесь инспектор Кремер не слишком жалуется убийц.

В этом деле ему чинили самые серьезные препятствия, но мне, к счастью, удалось пробить для него брешь в этой стене. В противном случае, боюсь, правосудию не удалось бы восторжествовать. Бумага теперь у него в руках, так что арест княгини - вопрос лишь времени. Мистер Кремер располагает уже достаточными уликами, чтобы привлечь вашего сына к суду как важного свидетеля. Предъявив эту бумагу, он получит ордер, дающий право на доступ ко всем вашим документам и деловой переписке. Если вы попытаетесь выгородить убийцу...

Мне пришлось выйти в прихожую, чтобы открыть дверь. Стоявший на пороге Чарли Хис потребовал, чтобы я провел его напрямик в кабинет к инспектору Кремеру.

- Инспектор занят, - сказал я. - Подождите здесь.

Я провел его в гостиную и усадил рядом с Фредом Даркином. Вернувшись в кабинет, я сообщил Кремеру о приходе Хиса, но в ответ удостоился только мрачного взгляда. Вулф же вообще не взглянул в мою сторону.

- Вы сами во всем виноваты, - сказал Кремер Вулфу. - Мало того, что вы ее отпустили, вы еще и снабдили ее деньгами на дорогу.

- Ничего подобного, - возразил Вулф. - Арчи, достань из сейфа пакет и отдай его мистеру Кремеру.

Я повиновался. Кремер зашуршал бумагой.

- Это фотография княгини Владанки Доневиц, которую мне прислали из Лондона. Если бы она была у меня утром...

Кремер вскочил, брызжа слюной.

- Что за идиотизм, черт побери! Это же... Это же мисс Тормик!

- Успокойтесь, пожалуйста. - Вулф предостерегающе поднял руку. - Да, это мисс Тормик. Мы договорились...

- И она... Черт побери, мой человек сам отвез ее и отпустил на все четыре стороны... Все из-за вас!

- А что мне оставалось делать? Она сидела здесь в моем кабинете, думая, что, являясь моей клиенткой, находится под моей защитой. Мы с вами не уговаривались, что я поймаю для вас убийцу. Я согласился только изблечить убийцу и предъявить вам убедительный мотив. Если хотите моего совета...

Но Кремеру явно было не до советов. Он так рванулся к телефону, что едва не сшиб меня со стула. Отец с сыном сидели, затаив дыхание. Вулф взглянул на часы и тяжело вздохнул. Кремер дозвонился куда хотел и громко рявкнул в трубку, отдавая срочные указания. Я положил фото княгини на стол Вулфу, а оберточную бумагу выбросил в корзину для мусора.

Закончив, Кремер выпрямился и напустился на Вулфа:

- Если мы ее не поймем, вам не сносить...

- Это была сделка, - отрезал Вулф.

- Какая еще сделка, - Кремер двинулся к двери, но на полпути остановился и повернулся к Барреттам. - Вы мне понадобятся. Если попробуете под меня подкопаться, от вас только мокрое место останется.

С этими словами Кремер снова развернулся и протопал в прихожую. Пока он натягивал пальто и шляпу, я вызвал из гостиной Хиса - всегда приятно очищать дом от полицейских вне зависимости от чина, возраста и знаков различия.

Услужливо распахнув перед ними дверь, я вышел на крыльцо и еще немного постоял, наблюдая, как Кремер созывает своих сыщиков и раздает им указания.

Наконец, Кремер забрался в свою машину, которая подала назад, чтобы объехать барреттовский лимузин, и тут же рванула вперед. Однако в следующий миг остановилась, и зычный голос выкрикнул:

- Эй, Гудвин, подойди сюда!

Я сбежал по ступенькам и просеменил к полицейскому автомобилю Кремер высунулся из окна и сказал:

- Мне нужна эта фотография! Понял?

- Разумеется. Тем более, что нам она больше ни к чему, - ухмыльнулся я и отступил, глядя, как машина Кремера набирает скорость.

Увы, я стоял и глядел ей вслед дольше, чем следовало. То, что случилось в следующий миг, произошло так быстро, что предотвратить это я в любом случае не успел бы, хотя помешать наверное сумел бы. Женщина выскочила из лимузина Барретта, как чертик из шкатулки, бегом взлетела на крыльцо и порвалась в прихожую через дверь, которую я так легкомысленно оставил распахнутой настежь. Стряхнув оцепенение, я устремился вдогонку, тремя прыжками преодолел лестницу и припустил за фурией, в руке которой блеснуло лезвие. Я был еще в прихожей, когда она уже набросилась на беззащитного Вулфа, беспомощно громоздившегося в своем кресле. Я был без оружия, поэтому мог только вопить во всю глотку, тщетно пытаясь опередить быструю как молния злодейку.

Я до сих пор не в состоянии понять, как это удалось Вулфу, хотя он битых сто раз пытался мне это втолковать. По его словам, произошло следующее. Услышав снаружи шум, он сразу насторожился (что уже невозможно), а потом, увидев влетевшую женщину, размахивающую кинжалом, схватил в каждую руку по бутылке пива и наотмашь ударил... Не глядя - куда. Не знаю, куда он попал, но что-то сломало ее правое запястье, а еще что-то проломило череп.

Когда я достиг их, Вулф с обалделым видом сидел в кресле, сжимая пивные бутылки, а незадачливая покусительница валялась на полу, судорожно подергивая ногами. Я оглядел Вулфа, ища кровь, но не нашел. Из гостиной влетел Фред Даркин. Из кухни примчался Фриц. Отец и сын стояли посреди кабинета - в лице ни кровинки. Хотя, на первый взгляд, с Вулфом ничего не случилось, голос мой, когда я задал вопрос, показался мне странным.

- Она вас ранила?

- Нет! - проревел Вулф. Он пытался встать, но не мог, потому что распростертое на полу тело не позволяло ему отодвинуть кресло.

Тогда я встал на четвереньки и склонился над ней. Ноги уже больше не дергались. Пульс тоже не прощупывался. И тут сзади послышался голос:

- Извините, что я так вошел, мистер Вулф, но входная дверь была открыта. Я хотел только сказать, что Генеральный прокурор готов вынести решение...

Я обернулся и увидел физиономию Шталя - фэбээровца, - вежливую, но решительную. И тогда уже присел на пятках и покатился от хохота.

Глава 19

Вулф устало произнес:

- Фриц сказал мне, что еда на вашем подносе так и осталась нетронутой.

Должны же вы хоть что-то поесть, черт побери!

Карла покачала головой.

- Я не могу. Извините меня. Я просто не в состоянии.

Я привел ее сверху в кабинет. Стрелки настенных часов показывали уже двадцать минут двенадцатого. Кресла были расставлены по местам.

Вулф со вздохом сказал:

- Уже почти полночь. Мистер Гудвин непрерывно зевает. Вы вольны идти куда захотите. Либо, если вы в настроении говорить правду, могу задать вам еще пару-тройку вопросов.

- Я уже согласна сказать правду.

- Жаль, что вы только сейчас пришли к такому решению, - посетовал Вулф.

Его мясистые плечи поднялись и опустились на одну шестнадцатую дюйма. - Я бы спросил - сознаете ли вы сами, что эта женщина - маньяк.

- Но она вовсе не была... - Карла умолкла, прокашлялась и снова заговорила:

- Я даже не подозревала...

Ее рука взлетела и бессильно рухнула на колено.

- А вы и в самом деле дружили с ней?

- Нет... Нет, конечно. Дело совсем не в том. Когда умерла миссис Кэмпбелл, я осталась на попечении семьи Доневиной. Потом Нийя вышла замуж за князя Стефана и очень быстро прибрала к рукам все его дела. Со мной она обращалась, как того и следовало ожидать, исходя из того, что я не была членом семьи Доневиной. Но враждебных чувств я к ней вовсе не питала. Разве что только немного побаивалась - как и все остальные, включая самого князя Стефана. Когда она решила, что поедет в Америку, она выбрала меня в качестве сопровождающей, и я согласилась. Мне тогда показалось, что она сделала это из-за того, что знала про вас и подумала, что это может ей пригодиться.

Должно быть, именно поэтому она попросила, чтобы я захватила с собой бумагу об удочерении...

- Да. Прошу прощения. Достань эту бумагу. Арчи.

Я открыл сейф, вынул из него нужный документ и отдал Вулфу. Вулф развернул бумагу, пробежал ее глазами, снова свернул и протянул Карле.

Девушка кинула на нее испуганный взгляд, словно опасалась, что бумажка может укусить, потом шагнула вперед и взяла.

- Мне и самой хотелось приехать в Америку, - продолжила она. - Все-таки приключение. Я... Я, конечно, знала, с какой целью едет она. Она посвящала меня во все тайны. Я сознавала, что это очень опасно, но мне и в голову не приходило, что она способна убить человека. Когда убили Ладлоу, я заподозрила, что это может быть ее рук дело, но доказательств у меня не было. Потом же, когда я вернулась в квартиру и увидела на полу мертвого Фабера, я уже все поняла. Я жутко перепугалась и совсем потеряла голову. Не могла же я пойти в полицию и выдать ее... Но и лгать и изворачиваться я тоже была уже не в состоянии. Вот почему я попыталась скрыться... Но я вела себя ужасно глупо, и потом я совсем не знаю вашу страну...

Она умолкла и беспомощно всплеснула руками.

Вулф проворчал;

- Хорошо, когда люди сами понимают, что ведут себя глупо.

Карла промолчала. Тогда Вулф спросил:

- Что вы собираетесь делать теперь?

- Я... - Она покачала головой. - Не знаю.

- Что ж, по закону вы - моя дочь. Это накладывает на меня определенную ответственность.

Ее подбородок вздернулся вверх.

- Я ни о чем не прошу!

- Пф! Я и сам знаю. Можно подумать, что прежде вы ни от кого не зависели. Вы собираетесь вернуться в Югославию?

- Нет.

- В самом деле?

- Да.

- А что вы намереваетесь делать - остаться в Америке?

- Да.

- И продолжать оказывать помощь банде Доневица?

В глазах девушки сверкнула молния.

- Нет! Ни за что!

- Где вы собираетесь сегодня ночевать - в квартире на Тридцать восьмой улице?

Карла содрогнулась.

- Я... - Она замялась. - Не знаю. Вряд ли я найду в себе силы. Я не смогу туда вернуться. Нет, я подыщу другое жилье. У меня есть немного денег.

- Она встала. - Я могу сейчас уйти...

- Вздор! Вы попадете под машину или провалитесь в открытый люк. Вы ничего не ели, и ваш мозг плохо функционирует. Фриц принесет вам ужин.

- Нет, что вы, я вовсе не хочу навязываться...

- Вы должны выспаться, а утром как следует позавтракать. Сейчас вы все равно не в состоянии принять сколько-нибудь разумное решение. Обсудим ваши планы завтра. Если вы решите остаться в Америке и не порвете эту бумажку, вас будут звать Карла Вулф. В таком случае... Арчи, какого дьявола ты ухмыляешься? Бабуин! Отведи мисс... Отведи мою, э-э, дочь наверх, в южную комнату! И предупреди, чтобы она ненароком не ввалилась в мою комнату, если вдруг вздумает спуститься по пожарной лестнице.

Я встал.

- Пойдемте со мной, мисс Карла Вулф.

Десять минут спустя я вернулся в кабинет. Я знал, что Вулф еще там, поскольку не слышал шума лифта. Вулф сидел за столом в окружении свежей батареи пивных бутылочек.

Я потянулся, едва не проткнув потолок, и сладко зевнул.

- Что ж, - благодушно промолвил я, - чертовски выгодное дельце вы провернули. Потратили сотни четыре долларов, не считая затрат драгоценного серого вещества, но зато приобрели ответственность за весьма изящную форму собственности.

Вулф отставил в сторону опустевший стакан, но отвечать на мой выпад не стал.

- И еще кое-что, - не унимался я. - Мне хотелось бы выяснить это раз и навсегда. Я, конечно, виноват, что оставил дверь нараспашку, когда вышел провожать Кремера, но больше винить меня не в чем. Эта бесовка за пять минут до того, как мы вышли на улицу, подвалила к шоферу Барретта и заявила, что босс велел подождать его в машине, и этот дуралей послушно открыл дверцу лимузина и впустил ее. Двое сыщиков внимательно наблюдали за этой сценкой, но ни один даже рта не раскрыл. Потом они уверяли, что не распознали ее в сумерках. Она выскочила из машины и порвалась в дом, когда я еще не успел даже к крыльцу подбежать. Так что перехвалить ее я был уже не в силах.

Вулф пожал плечами.

- Как видишь, я справился и без тебя, - невозмутимо пробурчал он.

Я сжал зубы, проглотил оскорбление и постарался как можно слаще и протяжнее зевнуть. Получилось довольно изящно, с подвыванием.

- Ладно, - сонным голосом произнес я. - Будь по-вашему. У меня еще несколько маленьких вопросов. Что, например, было в конверте, который вы вручили сыщику с наставлением отдать ей?

- Ничего. Одна лишь фраза, удостоверяющая, что она - не мой клиент, и никогда им не была.

- А что она вам сказала, когда выходила? Это прозвучало как "Тиига мии борни рууза", или что-то в этом роде.

- Это на ее родном языке.

- Угу, я так и подумал, но просто чуть-чуть подзабыл его. А что это значит?

- "Через мой труп".

- Вот как? Что ж, она сдержала слово. И еще кое-что. Я теперь понимаю, почему она воспользовалась бумагой Карлы и сама представилась вашей дочерью - ей это было выгодно, - но вот почему Ладлоу заявил, что она пошла в раздевалку, чтобы принести ему сигареты? Британский шпион и балканская княгиня! Почему он...

- Она ходила в раздевалку, чтобы выкрасть что-то у него из кармана.

Скорее всего ту самую бумагу, которую прислала на следующий день сюда, чтобы мы ее спрятали в надежном месте. Эту бумагу прежде похитил у нее сам Ладлоу.

И он просто дал ей понять, что знает, с какой целью она залезла в раздевалку.

Вулф вздохнул, отодвинул кресло и с усилием приподнял свою тушу.

- Я пошел спать, - возвестил он и потопал к двери в прихожую.

У самой двери он обернулся - Кстати, напомни мне завтра, чтобы я попросил Кремера вернуть мне эту сотню долларов. Пора уже мне отучиться от своих идиотских романтических выходов.

- Вы имеете в виду вот эту сотню? - Я потрепал себя по карману - Она уже здесь. Это было самое первое, что я сделал. Hvala Bogu.